

Л. Я. Климутъ

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Часть 2

СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

Могилев 2020

*Деривативное электронное издание
на основе печатного издания:*

Л. Я. Климуть

История исторической мысли

Ч. 2 : Средние века и Раннее Новое время

Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – 120 с.

ISBN 978-985-568-746-8

Курс лекций по истории исторической мысли предназначен для студентов первой ступени получения высшего образования. Также может использоваться при обучении студентов второй ступени получения высшего образования при изучении историографии и смежных дисциплин.

Часть 1 вышла в издательстве МГУ имени А. А. Кулешова в 2018 г.

УДК 930(3)(075.8)

ББК 63.1(0)3я73

Климуть, Л. Я. История исторической мысли [Электронный ресурс] : курс лекций : в 3 ч. / Л. Я. Климуть. – Электрон. данные. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – Ч. 2 : Средние века и Раннее Новое время. – Загл. с экрана.

212022, г. Могилев
ул. Космонавтов, 1
тел.: 8-0222-28-31-51
e-mail: alexpzn@mail.ru
<http://www.msu.by>

- © Климуть Л. Я., 2020
- © МГУ имени А. А. Кулешова, 2020
- © МГУ имени А. А. Кулешова,
электронное издание, 2020

I. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Особенности средневековой исторической мысли

Наиболее распространенным стилем в написании истории в Средневековье были анналы. Авторы беспокоили перепады погоды и несчастья, выпавшие на долю собственного народа и его соседей, и особенно те несчастья, которые были результатом войны. Среди большинства анонимных авторов сохранилось имя Флодоарда – священника и каноника кафедрального собора в Реймсе в Западно-Франкском королевстве. Он начал составлять отчеты около 919 года, продолжив тем самым уже установившуюся традицию написания анналов, начатую в Реймсе архиепископом Гинкмаром. Агиографические и исторические труды Флодоарда выдают в нем умелого стилиста и риторика, однако же анналы сохраняют более ограниченную в стилистическом смысле форму, как того требовал этот жанр. Время в его анналах, как и во всех прочих, было центральным организующим принципом, с помощью которого объяснялись события. Каждый составитель анналов понимал, что его схема продолжится дальше его собственного времени в будущее неопределенной продолжительности, кульминацией которого станет второе пришествие.

Флодоард заставляет нас переосмыслить традиционное понимание развития историописания и исторического сознания в Раннем Средневековье. В эволюции написания истории на Западе анналы предшествуют хронике – более широкому освещению событий, также организованному по хронологической модели, которая сама была предшественницей возникновения непосредственно истории. Анналы и хроники используют паратаксис, т.е. метод, при котором отсутствуют формальные средства связи (союзы, относительные местоимения и др.), позволяющие установить логическое соотношение простых предложений в составе сложного. Они перечисляют как будто несвязанные между собой события в бесконечной последовательности, предваряя их словами «а затем», «и далее» и т.п. Некоторые анналы продолжали следующие поколения писцов, другие же были переданы из церковных общин, где они изначально создавались, в новые центры, как это произошло с *Annales regni Francorum* («Анналы королевства франков»). У анналов отсутствует формальная концовка, т.е. все они не завершены, и вопрос о том, намеренно это произошло или случайно, остается открытым.

Когда Флодоард в Реймсе приступил к написанию анналов в 919 г., он не пытался заполнить пробелы и восполнить незаписанные годы, так как его предшественник Гинкмар прекратил их написание в 882 г. Географическая точка зрения Флодоарда отражала более неустойчивую политическую атмосферу, в которой возвышались различные княжеские и герцогские семьи, заполняя вакуум, возникший в результате упадка власти Каролингов после смерти последнего императора в 888 г. Некоторые рукописи сообщают, что Флодоард умер весной 966 г., в год прекращения его анналов, в возрасте 73 лет.

Вселенской точке зрения и фиксации содержания анналов в рамках Богом определенной временной модели часто противостоят узкий географический фокус и ограниченность содержания. Флодоард с готовностью осуждал тех, кто вставал на пути интересов церкви, опустошал ее земли и вредил духовенству, будь то местные землевладельцы и князья, территориальные амбиции которых вступали в конфликт с церковными, или нехристиане извне (норманны и викинги). Как и большинство анналистов Раннего Средневековья, Флодоарда особенно интересовала запись событий, имевших религиозное значение, деяний представителей церкви и чудес. Необычные природные явления предвещали определенные события: в 922 г. в небе появилось три солнца – явный знак землетрясения, которое и произошло позже в том же году.

Анналы Флодоарда – это пример произведения, автор которого заинтересован исключительно в своем непосредственном окружении, а именно одним из самых значимых соборов Западно-Франкского королевства. Однако не стоит думать, что форма анналов предполагает некую беспристрастность и отрешенность автора; чтобы понять это, достаточно прочитать, например, анналы Флодоарда в свете его других исторических трудов, в частности *Historia Remensis Ecclesiae* («История Реймской церкви»). Возникает вопрос о том, следует ли включить рассмотрение анналов и хроник в обсуждение средневековой историографии, или же к ним следует относиться как к несовершенной форме истории, первым попыткам представить прошлое в литературной форме. Также необходимо понять, представляют ли собой анналы и хроники отдельные литературные формы, или же средневековые авторы считали все труды о прошлом, организованные во временной последовательности, единым жанром.

Слово *historia* на средневековом латинском Западе относилось не только к историографии. В буквальном смысле это слово означало «история, рассказ» и включало множество разных видов текстов от повество-

ваний, житий святых, толкований Священного Писания до поэзии. Тем не менее средневековые писатели признавали, что *historia* может представлять собой литературный, повествовательный жанр определенного типа, и они знали традиционные классические определения этой формы (из Цицерона, например). Писавший в Италии в VI в. Кассиодор четко разграничил сделанное еще Евсевием различие между историей и хроникой, назвав хронику «тенью истории и очень кратким напоминанием о былых временах». Исидор Севильский проводил различие между историей и анналами, но не на основе их формы или повествовательной структуры, а на основе тех тем, которые они затрагивали: «История же тем отличается от анналов, что история – это [события] того времени, которое мы наблюдаем, анналы же – [события] того времени, которое было не в наши лета».

Несмотря на очевидную ясность этих различий, средневековые латинские писатели, писавшие о прошлом, не обязательно строго им следовали, часто они смешивали отдельные жанры в одном тексте до такой степени, что современные ученые спорят о том, признавали ли вообще историографические жанры в Раннем Средневековье. Однако нельзя не отметить, что главным организующим принципом практически всех средневековых трудов была временная шкала.

Поскольку написание хронологически организованного текста о событиях прошлого корнями уходит в более далекие времена, у составителей средневековых хроник и анналов было множество литературных примеров, особенно следует упомянуть Римские анналы и всемирные хроники. Зарождение написания средневековых хроник можно проследить к началу IV в., хотя традиционно считается, что анналов на латинском Западе не существовало до VII – VIII вв. Зачинателями и моделями хроник были Евсевий и Иероним, их труды продолжались во многих местах, в пример можно привести т. наз. *Chronica Gallica* (Галльская хроника) 452 г. или *Chronicon* Проспера Аквитанского. Традиция написания всемирных хроник также влияла на составление анналов и хроник.

Анналы, запись значительных или памятных событий каждого года, принадлежат к самым ранним видам написания истории со времен Древнего Востока. Но на латинском Западе, по мнению многих ученых, анналы появились только после того, как распространились пасхальные таблицы Дионисия Малого с указанием года воскресения Христа. Эти таблицы, на их взгляд, представляют собой самый ранний тип средневековой хроники. Таким образом, характерные черты пасхальных таблиц стали определяющими чертами анналов: каждый год, расположенный

на прямой Богом установленного времени, фиксировался; каждый год занимал одну строчку таблицы; существенным моментом была краткость. Ряд ученых считает, что жанр анналов распространился в Европу с Британских островов, в мир франков его привезли англо-саксонские миссионеры в VIII в.

Однако в последнее время некоторые ученые оспаривают такой взгляд на происхождение анналов, сомневаясь в том, что эта форма возникла в Британии Раннего Средневековья. Они указывают, что в 457 г. Викторий Аквитанский создал свои пасхальные таблицы на 532-летний период, а кроме того, существовали и еще более ранние пасхальные таблицы.

Одно из слабых мест принятого представления о происхождении анналов из заметок в пасхальных таблицах – это то, что они опираются на манускрипты в качестве главного доказательства. Исторические споры по этому поводу напоминают знаменитый анекдот о курице и яйце; в данном случае ученые дискутируют, что было раньше: записи на полях пасхальных таблиц или отдельные годовые записи. Таким образом, проблема развития историографии на латинском Западе далеко еще не решена, и основные ее постулаты требуют пересмотра. Так называемые малые анналы, написанные в конце VIII – XI в. в Франкском государстве, стали основой для разработки детального рассказа об истории Каролингов, пасхальные таблицы предоставили жесткую структуру, связывавшую настоящее франков со всем христианским прошлым, и обеспечили хронологические ступеньки для отчета к прежним императорам и рождению и смерти самого Христа. В качестве формы исторического выражения таблицы также обеспечивали и дорогу в будущее, поскольку отсчитывали и будущие Пасхи. То же самое можно сказать и о происхождении «Англосаксонской хроники», которая предвосхищает то, что появится в будущих поколениях.

Таким образом, можно сказать, что написание истории на латинском Западе возникло в результате более сложного, чем это представляется, процесса литературного развития. Пасхальные таблицы очень хорошо подходили на роль хранилища информации о прошлом, и это значение не исчезало после празднования литургических праздников, которые они, собственно, и определяли при помощи календарных и астрономических вычислений. Рукописные тексты разных жанров в историографических сборниках периода Каролингов демонстрируют четкое понимание ценности анналов, а также более обширных исторических повествований в формировании франкской идентичности. Анналы не обязательно были

более ранней и примитивной формой историографии, чем объемные повествования, потому что в обоих жанрах мы видим интерес к широкому охвату времени со времен сотворения мира. основополагающая связь с божественной хронологией – это главная черта хроник и анналов, которые отличаются не концептуальной моделью, а всего лишь количеством строчек, посвященных каждому году.

Не все анналы (летописи) служили одинаковым целям. Летописцы, писавшие о современных им (или почти современных) событиях, руководствовались иными мотивами, нежели те, кто стремился реконструировать события прошлого по годам. Однако все они построены по одной модели линейного развития времени. Насколько же анналы отличаются от хроник?

Гервасий Кентерберийский, писавший около 1200 г., в предисловии к своей «Хронике» пытался провести различие между хроникой и историей, но это было непросто, так как к концу XII в. эти два жанра были очень схожи. Расширяя форму хроники, авторы уходили от краткости, но делали это не ради развлечения читателя, а для того, чтобы записать события, достойные памяти будущих поколений. Регино Прюмский составил свою «Всемирную хронику» в период до 908 г. Это достаточно традиционный жанр, а в текст, посвященный событиям 818 – 906 гг., включены *Annales regni Francorum*. И здесь мы опять возвращаемся к вопросу о разнице между анналами и хроникой.

Annales regni Francorum (Анналы королевства франков) издавна считаются продуктом двора Карла Великого, и их продолжали составлять при дворе его сына Людовика Благочестивого. Начались они в 741 г. со смерти Карла Мартелла, прародителя династии Каролингов, с простого и лаконичного утверждения: «В этом году умер майордом Карл». Продолжавшиеся дальше анналы, принадлежавшие перу трех разных авторов, охватывают период с 741 по 829 г., после чего так же внезапно, как начались, они заканчиваются. Поскольку события не организованы естественным образом согласно течению календарного года, той же модели соответствует и само повествование. *Annales regni Francorum* читаются вместе как единое целое, а не как отдельные исторические заметки, они представляют конкретную и тщательно выработанную историю о том, что франки – это народ, избранный Богом, судьба которого связана с судьбой династии Каролингов – сначала майордомов дворца, а затем королей. Когда анналы продолжили писцы, не принадлежавшие к королевскому двору, текст начал приобретать иные черты согласно интересам и предпочтениям тех, кто занимался их составлением.

Annals Bertiniani (Бертинские анналы) первоначально составлял Пруденций, епископ Труа, который начал как раз там, где закончились *Annales regni Francorum* – в 830 г., используя текст, написанный неизвестными авторами. Начало анналов продолжало объяснять, что делал император Людовик, не считая даже нужным идентифицировать местоимение «он» в первом предложении. Далее дело продолжил Гинкмар, но после его смерти в 882 г. дальнейших продолжателей не было.

Все эти тексты известны сегодня в качестве летописных сводов. В Англии же нам известна «Англосаксонская хроника», начатая в придворном кругу короля Уэссекса Альфреда. Этот летописный свод охватывает период с 60 г. до н. э. (завоевание Британии Юлием Цезарем и, соответственно, дата, когда впервые история острова пересекается с историей остального Римского мира) до 891 г. При составлении авторы опирались на более ранние записи.

Собранные вместе анналы «Англосаксонской хроники» разнообразного происхождения в том виде, какими мы их сегодня знаем, были составлены для того, чтобы рассказать конкретную историю, отличающуюся от той, что представлена в *Annales regni Francorum*. В английской хронике историю получает народ, впервые объединенный в Восточной Англии после победы короля Альфреда над викингом Гутрумом, и разделенный в Южной Англии на территории на востоке, подчинявшиеся язычникам данам, и христианское население запада. В X – XI вв. в «Хронику» вливаются новые голоса, которые, как считается, отражают региональные и, все сильнее в XI в., политические предпочтения общин, ответственных за ведение записей. «Анналы Этельфледы» составлял священник, проведший юность в кругу Этельфледы, и, вероятно, он сыграл роль в военных кампаниях по завоеванию Данелага (области датского права), которые прославляет этот текст. Версия событий 983 – 1022 гг., добавленная в «Хронику» около 1022 г., изложена с ретроспективной точки зрения, и она была составлена по-новому по погодной схеме.

В этой хронике, внешне однородной, мы находим слияние разных жанров. Многие погодные записи периода правления Альфреда достаточно длинные, например, за 871 год, в котором умер его брат король Этельред и Альфред унаследовал трон в разгар войны, когда за один год было проведено 9 отдельных битв. Первое стихотворное добавление в хронику повествует о победе Этельстана и его брата Эдмунда, сыновей Эдуарда, над объединенными силами скандинавов и скоттов у места под названием Брунанбург. Стихи придают событиям национальную окра-

ску, подчеркивая, что благоденствие всего английского народа связано с благоденствием этой династии.

Некоторые анналы содержат информацию совершенно иного рода, повествуя не о событиях, а о создании династий. По всему тексту прослеживаются королевские родословные отдельных английских королевств. Рукопись А «Англосаксонской хроники», начиная с того, как высадились Кердик и его сын Кинрик, прослеживает правителей Уэссекса от Седрика до вступления на трон короля Альфреда.

Генеалогии приносят альтернативную форму концепции времени в противовес линейной последовательности, по которой структурированы анналы; можно назвать это биологическим или династическим временем. Биологическое время тоже можно понимать в линейном развитии, но если божественно установленное время неизбежно продвигается вперед в горизонтальной плоскости, то биологические линии династий более напоминают нисходящие вертикали. Генеалогии объясняют и социальные, и политические реалии настоящего, продолжение рода служит формой объяснения причин событий. Запись поколений легитимизирует и объясняет настоящий момент, но также и указывает на будущее. Королевская генеалогия становится «спинным хребтом» мировоззрения, линейной матрицей, по которой можно координировать разрозненные культурные традиции. На самом пике сливаются две высокие надежды: созданное Богом вечное время отсчитывается от инкарнации Христа, а биологическое время человека – это семя, передающееся из поколения в поколение.

Также в этом своде присутствуют и другие способы представления времени. Например, иногда используется эпизодическая хронология – отсчет некоего количества лет от значительного события, такого как основание правящей династии или сотворение мира. Очень хорошо прослеживается в «Англосаксонской хронике» понимание года от зимы до зимы. Связанный с сельским хозяйством и со сменой пор года отсчет времени для относительной хронологии отдельного человека более понятен, чем абстрактная абсолютная система исчисления времени. Таким образом, можно видеть наличие в одном тексте как литургического и сельскохозяйственного циклического времени, так и линейного времени, отсчитываемого от Инкарнации.

Следовательно, средневековые летописи не просто объясняют, как народ достиг нынешней точки на линии времени, идущей от сотворения мира и до Страшного суда. Отсчет времени от Инкарнации пришел к англосаксам с принятием христианства. В этот момент они познако-

мились с абсолютной, движущейся вперед линией времени, чуждой их инстинктивному пониманию цикличности времени, в котором годы измерялись сезонами и продолжительностью жизни. В «Англосаксонской хронике» сливаются циклический, линейный, биологический и эпизодический отсчеты времени. Разрозненные события представлены как координаты на графике, в которых совпадают разные летоисчисления.

Анналы будут составлять и позднее, но на протяжении периода Средневековья появляется все большее разнообразие моделей изображения прошлого и дальнейшее размывание жанров. Аргумент У. Брауна о мотивах, заставлявших писцов собирать копии текстов о даровании земли и привилегий аббатствам и церквям можно применить и к хронистам и историкам этого периода: «сознательная или неосознанная попытка отобрать и организовать информацию из прошлого для нужд настоящего... попытка отобрать и организовать информацию из настоящего для вероятных нужд будущего».

Выводы. Средневековые писатели, производившие тексты в разных жанрах, стремились изложить информацию в письменном виде для того, чтобы сохранить ее для будущих поколений, осознавая ненадежность человеческой памяти. Ордерик Виталий заявлял, что он писал свою *Historia ecclesiastica* (Церковная история) для потомков, чтобы знание о нынешних событиях «не уходило из памяти людей в меняющемся мире, как град или снег тают в водах быстрой реки, унесенные потоком, чтобы никогда не вернуться». Хроники и истории демонстрировали Божью волю, ведь невидимое присутствие всемогущего Бога наилучшим образом отражалось в управлении им природным миром.

Писатели Раннего Средневековья считали, что рука и воля Бога управляют всеми событиями и природными явлениями. Они не делали различий между обычными и необычными (чудесными) явлениями, ведь творец и его творение были неразделимы. Хронисты всегда указывали, что природные бедствия происходят по воле Бога, и это понятно: силы природы – грозы, кометы, чума или богатый урожай – напоминали людям о неизбежности суда в иной жизни. Плохими событиями эти тексты настолько переполнены, что иногда они превращаются просто в перечисление несчастий: землетрясения, голод, наводнения, нашествие саранчи, смерть людей и животных – все приносит страдания людям. Но в тексте того же Ордерика Виталия присутствует моральный смысл, и моральные принципы также определяли его повествование о прошлом.

С хронологической точки зрения средневековые писатели считали труды о прошлом отдельным жанром, отличным от *fabulae* (дей-

ствие происходит в прошлом, но не основано на реальных событиях) и *historiae* (более разработанный, обширный и риторический рассказ, который не просто пересказывал события, а предлагал некую интерпретацию или объяснение не только того, что произошло, но и почему это произошло). Но еще более, чем разницей в содержании и цели, истории и хроники отличались их формой. Хроники и анналы создавались соответственно оси времени, однако эта ось шла горизонтально в двух направлениях; назад она шла к 1 г. н. э., году рождения Христа – зафиксированной координате, от которой отсчитывалось все остальное. Но также она шла вперед, и в неизвестном будущем единственное, что было известно наверняка, – это то, что состоится окончательный суд. Беда Достопочтенный, Ордерикус Виталий и другие писали свои истории для того, чтобы поощрить хороших людей следовать правильным примерам, а плохих – изменить свою жизнь, чтобы не разделить участь проклятых. В то же время нельзя утверждать, что тот же моральный акцент отсутствует в анналах и хрониках. И читателей истории, и читателей хроник призывали быть бдительными. «Итак, бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий» (Евангелие от Матфея).

Включение Ветхого Завета в христианский канон способствовало формированию христианской концепции истории. Размышляя о влиянии иудейских пророков, раннехристианские мыслители утверждали, что за грехом неизбежно следует божественное наказание, а история – это демонстрация воли Бога в отношении человечества. Таким образом, все объяснялось провиденциальной интерпретацией истории.

Тем не менее идея предопределения не решала все исторические проблемы, многие из которых были характерны именно для христианства.

Эволюция написания истории в Средневековье

Истории варварских государств. Отдельным разделом в историографии Средневековья являются т. наз. истории варварских народов. На сегодняшний день историки отвергают идею о том, что «Гетика» Иордана, «История франков» Григория Турского, «Церковная история» Беды Достопочтенного и «История лангобардов» Павла Диакона – это единый, отражающий этническое развитие Европы жанр национальной истории. Желание установить некую генеалогическую преемственность западноевропейских государств с былыми варварскими королевствами

не должно искажать наше понимание столетий непосредственно после крушения Римской империи.

«Кризис идентичности», охвативший Галлию V в., не был уникальным лишь для этой бывшей Римской провинции и не ограничивался V в. Распад Западной Римской империи после 476 г. наряду с тем, что Восточная Римская империя со столицей в Константинополе продолжала существовать, привели к усложнению отношений между империей и ее бывшими западными провинциями. Римские военные знаки отличия все еще служили символами политической легитимности в VI в. по обе стороны бывшей западной границы империи. Но сами историки уже не были уверены, пишут ли они в рамках политической структуры Римской империи.

Конституционная неопределенность была продуктивным механизмом для смягчения политической напряженности внутри варварских королевств, но она ограничивала историков, которые оказались неспособны осознать меняющуюся политическую структуру. Кто мог ясно выразить к удовлетворению обеих сторон, является ли королевство вандалов, например, частью Империи, и если да, то каким образом? Таким же неустойчивым было положение королевства готов в Италии, основанного в 489 г. при поддержке императора Зенона. С 511 г. он также успешно контролировал королевство готов в Иберии и большую часть Южной Галлии. Но правящему классу очень трудно было определить свое положение в этом новом (или возрожденном?) порядке.

Вскоре ситуация стала еще менее благоприятной для возникновения историографии варварских королевств по мере того, как длительные усилия императора Юстиниана привести и готов, и вандалов под контроль Империи уничтожили их процветающие государства в Италии и Африке. Со снижением накала борьбы и на протяжении VII в. существование Равенского экзархата и других византийских плацдармов, например, в Сицилии, наряду с частым вмешательством императора в доктринальные и церковные дела на полуострове внешне указывало на то, что Италия – это провинция сохраняющейся империи, однако эта идея опровергалась реальной властью франкских королей на севере и, начиная с вторжений 568 г., лангобардов.

В 590-х гг. было неясно, будет ли *regnum Langobardorum* существовать длительное время, или оно развеется, как дым. Но вожди лангобардов упорно пытались получить признание императора. Это им даст договор 680 г., означавший, что на определенном уровне Римская империя (Восточная) все еще предоставляла политическую структуру для

жизни и историографии в Италии. Но затянувшееся состояние кризиса идентичности усиливалось политическими амбициями епископов Рима, мозаикой городов под управлением множества лангобардских герцогов при существовании королевского двора в Павии, разделением на сторонников никейской и арианской доктрины среди лангобардов и подчиненного им населения и тем фактом, что реальной королевской властью с 589 по 640-е гг. обладали женщины (Теоделинда и ее дочь Гундеперга).

Если обратиться к Галлии Меровингов, то основание правительства франкского короля Хлодвига можно отсчитывать от дарования ему должности консула императором Анастасием в начале VI в. Однако Хлодвиг и его преемники также обладали некоторым контролем над другими варварскими группами, хотя и не пытались объявить о своей независимости от Константинополя. Но при этом, когда Хильдеберт ввел войска в Италию и увел только после обещания лангобардов быть его верными подданными, он еще добился от императора Маврикия выплаты за этот поход.

Конституционная неопределенность, преследовавшая континент, отсутствовала в Британии, где за выводом римских войск и администраторов уже в начале V в. последовали столетия безразличия со стороны Константинополя. У элиты больше не было времени и возможностей производить исторические сочинения или покровительствовать их созданию, тем более что на некоторое время здесь восторжествовало язычество. Исторические сочинения о новых государствах отсутствовали и в Ирландии, поскольку государств как таковых здесь не было, а короли обладали скорее личной, чем территориальной властью.

В противоположность бывшим римским провинциям Западной Европы в восточной части империи сохранялась политическая преемственность, а вместе с ней и традиция написания исторических трудов, за исключением промежутка приблизительно в столетие с 630 по 720 г. Этот период для потенциальных историков был периодом неопределенности, но с улучшением положения империи эта неопределенность исчезла, и традиция написания истории возродилась.

Эта традиция историописания включала уже не менее семи историков до вступления на престол Юстиниана (527). Самым известным историком непосредственно правления Юстиниана (527 – 565) был Прокопий Кесарийский, который написал два значительных исторических произведения, одно из них посвящено борьбе с готами и вандалами. Марцеллин Комит в свою «Хронику» включил информацию о западных делах и писал о завоевании Африки вандалами. Его труд был продол-

жен, вероятно, в середине 550-х гг., анонимным автором-латинянином, уделившим внимание войнам с готами.

В это коллективное творчество историков, работавших в Константинополе в середине VI в., входит и деятельность Иордана. По-видимому, повествование Иордана на латинском языке служило целям политики Юстиниана в Италии, информируя и итало-римлян, и готов о славной империи, в которую они должны были вступить в качестве покоренных народов. Но не стоит сводить Иордана к роли рупора Юстиниана. Свою историю в трех частях Иордан завершил до марта 551 г. К этому времени готы вместо того, чтобы согласиться на подчиненный статус, продолжали сопротивление (до июня или июля 552 г.). «Гетика» четко демонстрировала, какой вклад внесли готы в Римскую империю, и поэтому они заслуживали уважения в качестве партнеров, пусть и младших, а не подавления и уничтожения, как поступали с врагами.

У подхода Иордана к отношениям между варварами и империей, которые развивали Юстиниан и его главный полководец Нарсес, не было прецедентов. Согласно Иордану, с того момента, как готы прибыли в Скифию, они побеждали всех врагов, с которыми сталкивались, часто будучи союзниками римлян: «А было время, когда без них римское войско с трудом сражалось с любыми племенами... Помощь готов была использована и для того, чтобы [Константин] смог основать знаменитейший в честь своего имени город, который был бы соперником Риму: они заключили с императором союз и привели ему для борьбы против разных племен 40 тысяч своих [воинов]». В конечном счете император Зенон заключил договор с Теодорихом, в соответствии с которым тот захватил Италию. Любой, кто читает в «Гетике» о том, как Нарсес готовил новое наступление на Италию (апрель 551 г.), понимает, что политика того времени абсолютно не соответствовала апробированным моделям, о которых писал Иордан. Но нет никаких свидетельств того, что взгляды Иордана как-то влияли на политику, когда армии Юстиниана агрессивно продвигались вперед.

Григорий, епископ Тура с 573 г. до своей смерти (вероятно, 594), был первым крупным историком, работавшим в пост-Римской латинской Европе. Автор труда, получившего название «История франков», он не намеревался составлять историю франков ни как народа, ни как правителей государства-преемника. Он не стал писать единый рассказ о происхождении франков и их первых королях, он намеренно передавал противоречащие друг другу традиции и не всегда доверял тому, что сам рассказывал. Григорий не стремился идентифицировать себя со светскими политиче-

скими единицами, он хотел переориентировать моральную направленность своих читателей, чтобы она соответствовала его собственной.

Григорий Турский оценивал каждого франкского короля и королеву согласно тому, в какой степени их действия были угодны Богу, суждения которого, как считал Григорий, соответствуют его собственным. Главным эталоном для Григория было то, насколько гладкими были отношения короля с божьими слугами, т.е. такими же священниками, как он сам. Ему свойственен сарказм, и он очень серьезно воспринимает свое право говорить правду власть имущим, а это весьма эффективная стратегия для аккумуляции власти в собственных руках.

Григорий не ограничивается описанием королевских грехов, так как «совершалось немало деяний как праведных, так и нечестивых». Григорий погружает читателя в то, что грозит превратиться в неопишумый мрак, среди которого неизбежно возникает желание найти «праведные» деяния. Охваченный мраком, какой читатель не радовался бы (и не желал бы) таких событий, как освобождение узников из оков различными святыми, которые становятся светлыми лучиками среди перечисления убийств и предательств.

Григорий Турский не церемонился в оценке деятельности светского правительства. Для него не имели значения ни Римская империя, ни варварские государства, но он был способен писать мастерскую историю в эпоху, когда местоположение государства было неопределенным. Григорий описывал Италию под правлением императора, однако в то же время много писал о деятельности лангобардских герцогов и королей и подчеркивал главенство франков над Италией к северу от реки По.

Прочный контроль Меровингов над Франкским государством сохранялся и в следующем веке, когда король Дагобер (ум. 639) мог указывать венедам, лангобардам, аварам, болгарам, баварцам, готам и саксам. Однако историописание в *regnum Francorum* все еще не вышло за рамки традиции всемирной хроники. Фредегар модифицировал традицию всемирной хроники в схожем с Григорием Турским духе оппозиции к светским властям, и, возможно, труды Григория Турского действительно вдохновили его включить множество ужасающих историй о Меровингах. Фредегар также знал и использовал обширный рассказ Ионы из Боббио о борьбе Колумбана с королевой Брунгильдой и, таким образом, внес свой вклад в создание культа святого, который символизировал добродетель неповиновения своенравным светским властям.

Каковы бы ни были причины и происхождение такой направленности, но историки Франкского государства культивировали отчетливо

отстраненную позицию в отношении правителей. Франкские историки еще не были готовы совместить свою точку зрения и идентичность со светским государством в отличие от таких историков восточной части империи, как Иордан. Для того чтобы выйти из кризиса идентичности, нужен был следующий шаг, и он был сделан не во Франкском государстве. Этим шагом было всецелое принятие национальной перспективы с ее сужением границ повествования. Два историка – Исидор Севильский и Беда Достопочтенный – освободились от бремени латинской традиции хроник и обратились к варварским государствам-преемникам. Таким образом, они ввели новый подход к политической историографии в Западной Европе.

Написание исторических трудов о государствах варваров развивалось в Толедо. Королевство готов (вестготов) на территории нынешней Испании стало реальностью после перехода Реккареда в христианство в 589 г. Его столицей был Толедо, возникла идеология дарованной Богом королевской власти и ритуал коронации, в котором помазание нового короля осуществлял архиепископ Толедский.

Исидор Севильский был первым крупным мыслителем на пост-Римском Западе, который воспринимал то королевство, в котором жил, как суверенную политическую единицу, но это не обязательно должно было привести к написанию им истории своей земли. Верность Исидора королевской династии, историографом которой он стал, проистекала из его опыта в качестве беженца и сироты, представителя семьи, пострадавшей от жестоких вторжений Юстиниана. Во враждебности Исидора к восточным римлянам был и доктринальный аспект, так как, по его мнению, восточная церковь была еретической.

Исидор создал длинную и короткую версии своей истории готов. Но только более длинная позднейшая версия предоставляла последовательную телеологическую историю королевства, в которой он стремился изобразить военные и религиозные достижения готов в течение всей их истории от библейского происхождения до побед Свинтилы. Исидор следующим образом резюмирует историю варварского государства в Испании: «Готы произошли от Магога... Согнанные со своих земель нашествием Гуннов, они пересекли Дунай и отдались Римлянам. Но когда более не осталось сил терпеть несправедливости, они в гневе подняли оружие... достигли Испании, где поселились и установили свою власть... Они вели такие великие войны... что сам Рим... надел на себя ярмо и уступил Готам победу: господин всех народов прислуживал им как служанка. Все народы Европы боялись их... Поскольку справедли-

вое правление редко среди тех племен, что полагаются на мирные договоры и дары, Готы сохраняют свою свободу чаще битвами, чем переговорами. В искусстве войны они достаточно умелы... Они любят упражняться с оружием и соревноваться в боях... Сдавшийся в плен, Римский солдат ныне служит Готам, хозяевам многих народов и самой Испании». И в конечном счете именно прославление Исидором войн, ведшихся королями, а не осуждение их Григорием Турским сыграло ключевую роль в развитии европейской историографии.

Через несколько десятков лет после историографического прорыва Исидора положение на Британских островах изменилось таким образом, что этот регион стал подходящим местом для создания исторических повествований. Историографическому ренессансу в Нортумбрии немало способствовал традиционный двигатель историописания – противоречия. Рассказ об ирландском миссионере св. Катберте и прославление деяний папы Григория Великого – это два разных (но дополняющих друг друга) взгляда на появление христианства в Англии, которые породили короткую, но интенсивную вспышку написания исторических трудов на эту тему. В своем труде «Церковная история народа англов» Беда Достопочтенный до неизмеримых высот превозносит вклад королей (а иногда и королев) в религиозную историю Британских островов.

Как и Исидор, Беда был близок к королям. Он писал в королевском монастыре, его взгляду открывалась королевская гавань, и не так далеко находился королевский дворец. Можно обвинять Беду в том, что он писал в розовых очках, но такова уж была его интерпретация. Правители множества англосаксонских государств (в реальности не более чем мелких княжеств, вскоре ставших жертвам набегов викингов) грелись в отраженном свете тех могущественных людей, которые представляли на страницах рукописи Беды. Источником роялизма Беды был не столько личный опыт, как в случае с Исидором, а осознание тех трудностей, с которыми столкнулась его родина в период вакуума власти после крушения Римской империи, и, на его взгляд, эти трудности были преодолены.

В начале книги I рассказывается о попытках установить порядок после ухода римлян, включая приглашение Вортигерном англов, саксов и ютов, чтобы те помогли в поддержании безопасности взамен на земельные пожалования. Но божественный план был реализован только тогда, когда установленный порядок стал христианским, и в этом процессе главную роль сыграли короли. В центр всего повествования Беда поместил короля Освиу и Синод в Уитби. Король открыл собрание возвышенной речью, указывал каждому церковнику говорить по очереди и

принял окончательное решение по поводу надлежащей даты Пасхи, и с ним все немедленно согласилось.

Церковная история Беды – это не только история английской церкви, но и история английского королевства, потому что именно короли предоставили территорию, на которой могла вырасти и процветать эта церковь. Беда закончил предисловие призывом к тем, кто читает или слушает «эту историю нашего народа», и начал произведение с прославления богатых природных и человеческих ресурсов Британии, объединенной божественной истиной и латинским языком. Таким образом, он рассматривает англичан как единый народ, у которого есть своя церковь со своей историей. Основные черты его повествования можно видеть в следующем отрывке: «В то время народ нортумбрийцев... вместе со своим королем Эдвином также принял Слово веры... По пророчеству, когда король стяжал веру и свою долю в Царствии Небесном, возросла и его земная власть, так что он завладел всей Британией, населенной как англами, так и бриттами... Случай к обращению этого народа представился, когда упомянутый Эдвин завязал отношения с королями Кента... Освальд, готовясь вступить в сражение, водрузил знак святого креста и, склонив перед ним колени, молил Господа послать небесную помощь верящим в Него в их крайней нужде... во всей Берниции не было ни храма, ни алтаря, ни иного признака христианской веры до того, как новый предводитель войска воздвиг святой крест... он [Освальд] правил народами и областями всей Британии, где говорили на четырех различных языках, а именно бриттском, пиктском, скоттском и английском. Хоть он и стяжал верховную власть над всей страной, он всегда оставался добрым, милостивым и щедрым к бедным и путешествующим... когда Освальд пал в битве, его голову и руку отделили от тела, и они до нынешнего времени остаются нетленными. Они сохраняются в серебряной раке в храме святого Петра...».

«Церковная история народа англос» Беды Достопочтенного и «История готов, вандалов и севов» Исидора Севильского восхваляли новые государства варварских народов – преемников Римской империи. Но Беда был прежде всего толкователем Библии, и стремление понять Священное Писание – это в определенном смысле ключ ко всем его произведениям. Исидор Севильский был первым рассказчиком истории варваров, а история английского государства Беды была первым светским историческим шедевром Латинской Европы.

В VIII в., в то время как Восточная империя продолжала шататься от ударов арабских армий, а династия Меровингов отсчитывала третий

век своего правления, в королевстве франков появилась светская история – «Книга истории франков». Сохраняя главные черты франкских исторических повествований, ее автор раскрывает пороки, ошибки и агрессивные поступки (убийства, предательства, обжорство, пьянство) знатных и могущественных франков. Одной из целей автора «Книги истории франков» было укрепить легитимность династии Меровингов в то время, когда их реальную власть начало затмевать могущество мажордомов дворца (будущие Каролинги).

После захвата власти Пипином почти сразу же появилась при покровительстве его дяди графа Хильдебранда *Historia vel Gesta Francorum* (История и деяния франков), которая была продолжена до 768 г. по настоянию сына Хильдебранда Нибелунга. Продолживший книгу автор уже осознавал неоднозначность экспансионизма Каролингов, что и заставило его остановить повествование на 768 году, вероятно, за десяток лет до его собственного времени. В 800 г. Карл стал «королем франков и лангобардов, правящим Римской империей». Трудно представить себе более неоднозначную формулировку, и неудивительно, что в течение следующих двух столетий никто не пытался написать всеобъемлющую историю франкских земель, и лишь около 1000 г. Эмуан из Флери написал, но не смог закончить, *Gesta Francorum* (История франков).

Еще один труд, написанный в границах Франкского государства, заслуживает внимания. Это «История лангобардов» Павла Диакона, которая прослеживает столетия миграции лангобардов и их правителей, их битвы, неудачи и победы от их мифологического происхождения в Скандинавии до смерти короля Лиутпранда (712 – 744). В качестве особенно важного момента он отмечает посредством введения первой даты нового времени (568) уход лангобардов из Паннонии и завладение Италией. Он написал, как лангобарды отразили нападения римской и франкской армий и сохранили свободу.

Ученые выражают различные мнения в отношении труда Павла Диакона. Например, есть точка зрения, что Павел написал законченный труд в середине 780-х гг., возможно, по просьбе Карла Великого и от имени лангобардов, чтобы оправдать правление франков. Можно было бы перечислять различные точки зрения, но разумнее будет совместить их в некое резюме.

Павел писал, исходя из собственной субъективной позиции, как это делают все историки, но его личность была более сложной, тем те, кто встречался нам ранее. Первое появление династии Каролингов в «Истории лангобардов» не оставляет сомнений в отношении их благочестия,

так как, согласно Павлу, «небесам было угодно, чтобы царствование над франками перешло к мужам из этого рода». Как историку, Павлу выпала судьба вписать бывшее государство лангобардов в структуру возродившейся империи.

Когда Павел писал (780-е – 790-е гг.), структура королевства лангобардов как части империи франков имела и оппонентов. Недовольные в самой Ломбардии, юг (Беневенто), папа римский, который настаивал на собственном управлении, и византийцы с их местными союзниками – все они еще не были готовы уступить Италию. Павел Диакон воздерживался от преувеличенных заявлений. Карл и Пипин были законными правителями, но они не были спасителями.

Для того чтобы исследовать, соответствовали ли труды вышеупомянутых историков реалиям пост-Римской Европы, понадобилась бы отдельная книга. Например, франкские короли вряд ли были настолько кровожадными, как их описывал Григорий Турский и его последователи. Противоположные взгляды приводили к противоречащим друг другу рассказам Исидора и Иордана. И во всех текстах содержится определенная доля неправды и мифов. Что касается мифов, то история восприятия «Гетики» Иордана – это практически полностью сказка о том, как начиная с середины VII в. авторы в Латинской Европе опирались на отрывки из нее в качестве доказательства скандинавского происхождения варварских народов. Тем не менее следует отметить, что к IX в. в Европе сложилась традиция исторических трудов, посвященных государствам варваров на территории пост-Римской Западной Европы.

Изображение прошлого на латинском Западе (1050 – 1400). С начала XI в. скромный ручеек историописания в Западной Европе, который происходил из немногих, в основном монастырских, центров, начал превращаться в полноводную реку со множеством притоков. Политически раздробленное, малонаселенное, преимущественно сельское и не интегрированное экономически общество, пережившее распад Франкского государства и вторжения из Северной Африки и Скандинавии с IX по начало XI в., выказывало восстановление жизненных сил, во многом благодаря новым политическим и экономическим условиям, а также, видимо, улучшению климата. Аристократия создавала материальные и духовные связи с местными церквями и монастырями и спонсировала создание новых и на собственных землях, и на недавно приобретенных территориях и приграничных зонах.

Церковная реформа вдохновляла творческие эксперименты в монастырской жизни, на рубеже XI – XII вв. появились аскетические орде-

ны цистерцианцев и картузианцев и более нацеленные на работу среди населения регулярные каноники, а в начале XIII в. – нищенствующие ордены. Наблюдался рост количества учреждений образования от школ грамоты до монастырских и кафедральных школ, а также университетов, готовивших государственных чиновников, юристов, теологов. Множатся и центры, возможности и аудитория для исторических трудов.

История очень хорошо подходила для целей легитимации существующих учреждений, укрепления связей внутри общины и наставления. Историческое повествование не было ограничено рамками академической дисциплины, история была составной частью грамматики и риторики; это было литературное произведение, но оно руководствовалось хронологической последовательностью. Литературное наследие придавало историографии творческую сторону, но силу ее расказам давало то, что они были «правдивы», поскольку они повествовали о прошлых событиях, которые наблюдал сам историк или о которых ему поведали достойные доверия свидетели и документы. Однако, хотя историк работал из чувства долга или во исполнение заказа и относился к своему делу серьезно, мы не можем назвать его профессионалом в современном смысле этого слова. Отчасти именно эта не профессиональность средневековой историографии заставляла историков до недавнего времени судить ее строго за ее тенденциозность, бесформенность, анахронизмы и недостаток уважения к фактам и выражать иронию в отношении ее доверчивого принятия чудес, сказок и легенд.

Однако в последнее время историки и литературоведы больше внимания начинают обращать непосредственно на писателей и сами тексты. Вместо того чтобы пытаться вычленив исторические труды из других повествовательных форм или найти «реальную» историю в средневековых хрониках, современные ученые стремятся прочесть средневековую историографию согласно ее собственным условиям.

Хотя история не была ни академической дисциплиной, ни профессией, все же историописание подчинялось определенным общим установкам. Ученики в школах читали тексты, и некоторые из них считались историческими («Энеида» Вергилия, «Фарсалия» Лукана, «О заговоре Катилины» и «Югуртинская война» Саллюстия и «Девять книг примечательных поступков и изречений» Валерия Максима). Соответственно, в детстве и юности историки (и их аудитория) впитали в себя языки и образы классического и библейского прошлого. Обучение требовало от них извлекать этический смысл из того, что они читали, и у них развились представления о риторических, иллюстративных и морально-

дидактических функциях исторического повествования. Мы считаем прошлое ушедшим, отжившим, чем-то другим, отсюда наши попытки реконструировать его. Средневековые писатели и читатели тоже знали, что прошлое – это прошлое, они ведь интересовались хронологией и периодизацией, но для них в прошлом было мощное ощущение настоящего, и именно потому, что его примеры и уроки были в высшей степени полезны здесь и сейчас. Согласно образу мысли средневекового человека, чудеса Книги Исход или Евангелий должны быть правдой точно так же, как эпическое путешествие Энея и основание Рима Ромулом.

Кроме того, историки неизбежно писали в историографической традиции, копируя и компилируя источники по более ранней истории, прежде чем добавить собственный материал, полученный из непосредственного опыта и от живых свидетелей. Монастыри обычно заботились о том, чтобы хотя бы вести анналы, и эта практика в некоторых случаях вырастала в традицию историописания, как это было в Сент-Олбанс, где монах Матвей Парижский изначально задумал свою «Большую хронику» (начата ок. 1240) в качестве продолжения труда его старшего товарища Роже Вендоверского *Flores historiarum* («Цветы истории») (завершена ок. 1234). Еще больше впечатляет традиция королевской историографии в монастыре Сен-Дени к северу от Парижа. Великие победы Филиппа II Августа вдохновили монахов Сен-Дени стать практически официальными историографами Франции, порождением чего стали «Большие французские хроники», начатые в 1270-х гг. и продолжавшиеся в XIV в.

Города тоже создали традицию историописания. Первой была Генуя, где хроника Каффаро стала официальной историей города, была продолжена анонимно, а затем в 1280 – 1293 гг. эту задачу взял на себя Якопо Дориа. Виллани из Флоренции превратили написание истории в семейное дело, начатое Джованни в его «Новой хронике», который рассказывал историю родного города до своей смерти от чумы в 1348 г., и продолженное его братом Маттео (до 1363 г.) и племянником Филиппо (1364).

Историки также работали в рамках жанровой традиции. В ней существовала четкая преемственность, где каждый последовательно добавлял что-то свое и впоследствии становился источником для будущих поколений.

Пример тому – всемирная хроника, составленная Марианом Скотом из Майнца, которая заканчивалась с его смертью в 1082/83 г. и затем продолжалась еще три года, вероятно, другим монахом из Майнца. Затем в Англии Вульфстан Вустерский сделал копию, материал которой

использован при освещении всемирной и континентальной истории в *Chronicon ex Chronicis* («Хроника из хроник»), созданной при соборе Вустера в начале XII в. сначала монахом по имени Флоренций, а затем завершенная монахом Иоанном. На континенте хроника Мариана тоже стала основой для всемирной хроники Сигеберта из Жамблу (1112), а она, в свою очередь, стала важным источником для энциклопедического труда доминиканца Винсента из Бове «Зерцало историческое», сочиненного в Париже в 1244 г. и 1256 – 1259 гг.

В определенном смысле написание всемирной истории можно рассматривать как стратегию для создания или сохранения сообщества. Весьма амбициозным был труд Оттона Фрейзингского «О двух царствах» (1146). Оттон писал непосредственно после «борьбы за инвеституру» между германскими императорами и папами, продолжавшейся с 1070-х гг. до 1122 г. и ожесточившей шедшую внутри империи борьбу между Вельфами и Гогенштауфенами, и пытался найти исторический смысл среди кажущегося хаоса. Оттон считал, что единое сообщество, объединяющее весь христианский мир, – это Римская империя, которой к моменту завершения его хроники правил его сводный брат Конрад III Гогенштауфен. Для того чтобы извлечь смысл из упадка мира, он заимствовал концепцию Орозия о четырех мировых империях и соединил ее с процессом движения на Запад – *translatio imperii* (перенос империи). Но, поскольку каждая империя проходила через процесс роста, апогея и упадка и поскольку сам Оттон, очевидно, жил в дни упадка последней империи, то он был свидетелем неизбежного наступления событий из Книги Откровения. Для Оттона единственной вещью, которая набирала силу и стойкость, была религия, что доказывали множество и популярность монашеских орденов в его дни (сам Оттон был цистерцианцем).

С очевидным облегчением Оттон видит, как знаки Апокалипсиса отступают перед успехами его племянника – императора Фридриха I (1152 – 1190); этот счастливый поворот событий вдохновил когда-то мрачного епископа снова взяться за исторический труд и начать *Gesta Friderici imperatoris* («Деяния императора Фридриха»), который завершил его секретарь Рахевин после смерти Оттона в 1158 г. Он начал свой рассказ с 1073 г., задолго до вступления Фридриха на престол, он немного говорит о «борьбе за инвеституру», а больше внимания уделяет отношениям между императорами и другими светскими правителями.

К 1300 г. фикцию вселенского сообщества христиан под управлением одного императора уже невозможно было поддерживать. Парижский хронист Жан де Сен-Виктор в *Memoriale historiarum* (написан между

1309 и 1322 гг.) высказывает исторический аргумент в пользу разнообразия автономных королевств. Восстановленная Римская империя, возникшая после коронации Карла Великого в 800 г., сильно отличалась от античной. Жан особенно указывает на то, что папа римский мог низложить императора.

По мнению Жана, легально санкционированное низложение Фридриха Иннокентием IV в 1245 г. покончило с империей и вернуло мир к его изначальному и естественному политическому состоянию – отдельным автономным территориям. Своим трудом Жан предоставил историческое обоснование независимости Франции и от имперской, и от папской власти. Жан Корбешон и Николай Орем пошли дальше и обосновывали первенство Франции среди всех христианских государств. Таким образом, вместо идеи всемирного сообщества христиан появляется идея французского общества.

Приблизительно в то же время в Англии Ранульф Хигден использовал традицию всемирной истории в целях национальной истории в своем труде *Polychronicon*. Хигден разделил *Polychronicon* на 7 книг: первая из них посвящена географии, а остальные – истории, и в них он придерживается хронологии шести мировых эпох. Всемирная история Хигдена была лишь средством соединить историю английского народа с предполагаемыми библейскими и классическими корнями.

В этом отношении Хигден вступал на знакомую почву. «Энеида» Вергилия предоставляла самую подходящую модель для создания мифов о происхождении варварских наследников Рима. Валлиец Ненний считал некоего Брута, потомка Энея, предком бриттов, а Скоту, дочь египетского фараона, прародительницей скоттов. Видукинд, автор *Res gestae Saxonicae* («Деяния саксов»), считал, что предки его народа – солдаты армии Александра Македонского.

В течение следующих столетий историки приписывали троянское происхождение не только династии Капетингов, но и многим аристократическим родам Северной Франции. Множество итальянских городов тоже ухватились за миф о троянском происхождении. Падуанский историк Альбертино Муссато в 1325 г. называл свой город второй Троей, основанной изгнанным Антенором, а во Флоренции Джованни Виллани хвастался своим происхождением от благородных предков – достойных троянцев и доблестных римлян. Античность не только гарантировала престиж народу, но и снимала все проблемы по поводу идентичности, относя его происхождение к далекому прошлому.

В этих мифах о происхождении можно различить тему *translatio* – переноса, хотя теперь это движение народа. Эти мифы передают идею преемственности и единства, смягчая насильственность завоевания территорий путем его легитимации, а подчинение коренного населения заменяя ассимиляцией.

Нормандия была продуктом не такого давнего завоевания викингами в начале X в., и уже за много лет до того, как Вильгельм посягнул на английский трон, писец из окружения герцога Ричарда I Дудо Сен-Кантенский написал свою хвалебную историю Ричарда и его предков. События 1066 г. тоже стимулировали появление хвалебных историй монаха Гийома Жюмьежского («Деяния герцогов Нормандии», 1070 – 1071) и священника и бывшего солдата Вильгельма из Пуатье («Деяния Вильгельма», ок. 1077), а также *Carmen de Hastingae Proelio* («Песнь о битве при Гастингсе») и ковра из Байе. Дело Вильгельма было праведным, так как он был законным наследником последнего (по их мнению) англосаксонского короля Эдуарда Исповедника. При Гастингсе норманны победили своих противников благодаря сочетанию храбрости, доблести и благоразумия, и после этого англосаксы, за исключением горстки «мятежников» в Лондоне, без особых проблем приняли нового короля.

Безусловно, замена практически всей светской и церковной правящей элиты на норманнскую и северофранцузскую и последовавшая культурная переориентация Англии с Северной Атлантики и Скандинавии на Западную Европу не могла не привести к глубоким и непротым изменениям. Прежние эмоциональные связи и хранилища живой памяти исчезли, появились новые лидеры, которые могли не осознавать давние права собственности и обычаи или же были настроены к ним неблагоприятно. Кроме того, так совпало, что завоевание и правление англо-норманнских королей (от Вильгельма I до Стефана, 1066 – 1153) происходило одновременно с движением за церковную реформу, вторым и третьим крестовыми походами и началом расцвета образования и культуры, получившего название «Ренессанс XII в.».

Писатели-монахи были первыми среди тех, кто задействовал документальную и объединяющую функции историографии для того, чтобы улучшать и направлять поток изменений. Побуждаемая практически мотивом самозащиты, церковная община св. Кутберта обратилась к своему самому талантливому историографу Симеону, чтобы тот рассказал историю преемственности, единства и священной власти в *Libellus de exordio atque procursu istius, hoc est Dunhelmensis, ecclesie* («О происхождении и развитии церкви в Дареме»). Это была история общины от ее

зарождения на острове Линдисфарн до смерти Вильгельма де Сен-Кале в 1096 г. Уильям Мальмсберийский, у которого были английская мать и норманнский отец, что делало его особенно чувствительным к тем проблемам, которые завоевание поставило перед общиной и идентичностью, посвятил свою жизнь реконструкции непрерывного английского прошлого от полуполюгендарного прибытия первых англосаксов в 449 г. до 1142 г. Что касается непосредственно завоевания, то он не мог скрыть своей тревоги по поводу катастрофических результатов для английского народа: «Англия стала местом жительства иностранцев и ареной действий для лордов чужой крови. Нет среди графов, епископов и аббатов англичан; повсюду новые лица наслаждаются богатствами Англии и истощают ее жизненные силы, и нет никакой надежды покончить с этим печальным положением дел».

Другие, более широкие и более глубокие интересы также очевидны в труде Уильяма. С антикварной тщательностью он анализировал документы для того, чтобы доказать великую эпоху Гластонберийского аббатства в *De Antiquitate Glastoniensis* («Древность церкви в Гластонбери», 1129 – 1135). Его очень интересовали события первого крестового похода, и он посвятил ему немало страниц в своей «Истории английских королей». Еще один пример смешанного происхождения – Ордерик Виталий, родившийся в Англии и говоривший только по-английски, но, тем не менее, по воле своего французского отца ставший монахом в Нормандии.

Историки-монахи предназначали свои труды прежде всего для монашеской аудитории, поэтому неудивительно, что их труды распространялись преимущественно среди монахов. Но на англо-норманнских территориях были и светские писатели, которые экспериментировали и вводили новое, смешивая традиции латинского исторического дискурса с традициями местного эпоса. Гальфрид Монмутский считал недостаточно освещенной британскую историю до англосаксов и, как и Симеон из Дарема и Уильям Мальмсберийский, хотел восстановить историческую преемственность, поэтому он взял на себя труд создать обширное героическое прошлое своего народа из обрывков сведений, содержащихся у Гильды Премудрого и Ненния, а также из устной валлийской традиции. Гальфрид объяснял, что, когда он понял, как мало может он открыть «о королях, живших до воплощения Иисуса Христа, ничего об Артуре и многих других после воплощения Христова», и зная, что «свершенные ими деяния достойны славы вовеки», так случилось, что «архидиакон Оксенфордский Вальтер, муж отменно сведущий в искусстве красноречия... предложил мне некую весьма древнюю книгу

на языке бриттов, в которой без каких-либо пробелов и по порядку, в прекрасном изложении рассказывалось о правлении всех наших властителей начиная с Брута, первого короля бриттов, и кончая Кадвалладром, сыном Кадваллона».

Гальфрид хотел, чтобы его роман воспринимали как историю, и латинский мир так и воспринял его труд. К его последователям можно отнести Джеффри Гаймара, книга которого *Estoire des Engleis* («История англичан», ок. 1139) охватывала историю от Ясона и золотого руна до вступления на трон Генриха I в 1100 г., но в дошедшей до нас версии отсутствует англосаксонский материал. Гаймар приложил усилия, чтобы его история-роман отличалась от чисто художественного произведения: он испещрил свой текст частыми утверждениями об истинности событий и ссылками на латинские авторитеты. Его история также была предназначена для того, чтобы увековечить прошлые деяния и наставлять и морально совершенствовать читателей.

Далее в XII в. некоторые историки в Англии или с английскими связями последовали примеру Гаймара и писали стихотворную историю. Среди них самым ярким был Вас, писец из Кана со связями при дворе короля Англии Генриха II. Самым успешным его произведением стал «Роман о Бруте». Его часто переписывали, распространяли, и он оказал влияние на все англо-норманнские стихотворные истории.

Гальфрид Монмутский, Джеффри Гаймар и Вас стояли у истоков того, что можно назвать «традицией Брута» в Англии. В этой истории то, что мы называем «фактами» и «выдумкой», легко смешиваются, и, несмотря на язвительное отношение редких критиков к сказочным аспектам «Брута», большинство историков и читателей воспринимали эти рассказы как абсолютную истину.

Взаимосвязь между легендарной историей и народными языками не ограничивалось Англией. *Historia Caroli Magni* («История Карла Великого»), которую часто называют «Хроника Псевдо-Турпина», поскольку ее автором считали соратника Роланда архиепископа Турпина, рассказывала о подвигах Карла и его рыцарей и была очень популярна. Появление прозаических версий может указывать на то, что стихотворные истории воспринимались как более лживые, подтверждением чему слова Николя де Санлиса: «Многие слышали [историю Карла Великого] в рассказах и песнях, но то, что рассказывают эти певцы и жонглеры, – всего лишь ложь. Ни одна рифмованная сказка не является правдой. Все, что они говорят, – это ложь, поскольку они ничего не знают, кроме слухов».

Это был аргумент для тех аристократов, кто встал на проигравшую сторону в конфликте между королями Англии и Франции, разрешившемся при Бувине в 1214 г. Они предпочли прозаическую версию этого текста, чтобы поддержать аристократическую культуру в ту эпоху, когда автономии и престижу аристократов был брошен вызов возрождавшейся монархической властью при французском короле Филиппе Августе. Подозрение к стихам, возможно, было побочным продуктом тогдашней моды в образовании, делавшей акцент на новой, упрощенной риторике и на преимуществе логики над риторикой.

Каковы бы ни были мотивы этих историков и их покровителей, нет никаких сомнений в том, что история на народных языках, создаваемая светскими писателями и для светской публики, прочно утвердилась к началу XIII в. Во Франции живой интерес к классической античности, ярко проявившийся в гуманизме XII в., теперь уступил место прозаическим адаптациям классической истории на народном языке. Эти истории, хотя и увлекательные, были не просто развлечением. Знакомя своих читателей с исторической литературой Древнего Рима, они выполняли роль *translatio studii* – переносчика знаний.

Прозаическая история на народном языке также стала важным инструментом королевской пропаганды. Приблизительно с 1217 по 1237 г. неизвестный автор, работавший с текстами, хранившимися в Сен-Дени и в аббатстве Сен-Жермен-де-Пре в Париже, написал *Chronique des rois de France* («Хроника французских королей»), начав с троянцев и закончив правлением Филиппа Августа. Эту историю спустя несколько десятилетий использовал монах Сен-Дени Примат в своих «Больших французских хрониках». В зарождающейся нации, где вера больше, чем какой-либо другой институт, содействовала укреплению еще шаткого государства, историография на родном языке играла ключевую роль в создании и популяризации истории единства, преемственности и общности с монархией в центре.

Не только французские короли использовали историю для поддержки королевской власти. В Кастилии королевская историография по-настоящему началась при правлении Фердинанда III (1217 – 1252), когда хронисты, связанные с королевским двором, написали всемирную и иберийскую истории, выразив недавно обретенную уверенность после великой победы над мусульманами-альмохадами в битве при Лас-Навас-де-Толоса (1212). Альфонсо X Мудрый (1252 – 1284) подходил к историографии так же, как к праву и наукам, т.е. считал ее административно централизованным, лично им управляемым и местным пред-

приятием. Альфонсо, осознавая большой пропагандистский потенциал историографии, хотел, чтобы написанные при нем истории выражали его стремления к абсолютистскому правлению в Кастилии, гегемонии над всей Иберией (и Средиземноморьем) и получению римской императорской короны.

Реконкиста была одним из направлений экспансионистского движения латинского христианства, приведшего его к контакту с его соседями – исламом и Византийской империей. Эта конфронтация породила обширную историографию крестовых походов, начиная с триумфаторских, и наполненных чудесами рассказов о первом крестовом походе Фульхерия Шартрского, Гвиберта Ножанского и Раймона из Агилера. Самой восприимчивой и разумной из позднейших историй был труд Вильгельма Тирского. Его положение в церкви и его политическая роль как члена нескольких дипломатических миссий и как канцлера Иерусалимского королевства предоставили ему возможность наблюдать историю латинского Востока и размышлять о ней.

Но по большей части хроники о крестовых походах были посвящены великим подвигам рыцарства, поэтому неудивительно, что приключения на латинском Востоке стали темой историй-эпосов, написанных на народных языках. Хотя создание хроник о крестовых походах сократилось после завоевания Акко мамлюками в 1291 г., крестовые походы короля Франции Людовика IX стали главной темой воспоминаний пожилого дворянина Жана де Жуанвиля о жизни его коронованного друга под названием «Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика» (1309), а войны против мамлюков и турок-османов продолжали привлекать внимание величайшего хрониста рыцарства XIV в. Жана Фруассара. Но еще более значимой темой стала Столетняя война. Льежец Ле Бель и уроженец Эно Фруассар принадлежали к светскому духовенству, и их симпатии были на стороне королей Англии. Их задачей было прославить «славные предприятия, благородные приключения и воинские подвиги... чтобы все, кто будет это читать, смогли бы получить удовольствие и извлечь поучение из моего труда». Хотя ни Ле Бель, ни Фруассар не были профессиональными историками в современном понимании этого слова, они, тем не менее, посвятили свои жизни труду историка, и их современники считали их таковыми. Они сверялись с источниками и сравнивали различные версии, потому что в эпоху, когда начали предпочитать документальные доказательства, ни историк, ни те люди, деяния которых они описывали, не хотели быть уличенными во лжи.

В конце XIV в. уже вряд ли было общество, не создававшее и не читавшее исторических произведений. Историкам было о чем писать в период, отмеченный войнами, голодом и чумой и стремительными политическими, социальными и культурными изменениями, которые они принесли. Сформировалась настоящая историческая культура.

Всеобщие истории в христианском мире (700 – 1400). Всеобщая история, или всемирная хроника, – это текст, который начинается с создания мира или другой первоначальной даты и охватывает дальнейшую мировую историю в линейном повествовании, часто помещая нынешнюю монархию и общество в конце провиденциальной схемы. Идея единого Бога-Творца, представители которого законно правили на Земле и который напрямую вмешивался в жизнь людей и будет продолжать это делать до конца времен, была основой таких обобщающих рассказов о прошлом.

После исламского завоевания VII в. мир христианского и мусульманского монотеизма состоял из трех частично пересекающихся зон политической, религиозной и лингвистической культуры: различные западные христианские королевства и их северные и восточные границы со скандинавским, германским, тюркским и славянским мирами (латынь); христианская Византийская империя с центром в Константинополе и ее сателлиты и торговые и дипломатические контакты, прежде всего в славянской и тюркской Евразии (греческий язык); обширный исламский халифат и, после его быстрого распада в IX – X вв., исламские государства-преемники (арабский язык). Также в Западной Европе и на границах христианского мира развивалась литература на местных языках.

Это трехчастное политическое и лингвистическое разделение во многом отражает и доктринальные различия. На Западе власть епископа Рима все больше укреплялась и влияла на формирование латинского христианства, а в Византии развивалась греко-христианская православная религия. И, конечно же, совершенно в другом направлении от первых двух развивался ислам.

Во всех основных традициях существовали названия для текстов, которые можно отнести к жанру всеобщей истории или всемирной хроники (на Западе это *Chronicon mundi*). Но не все произведения соответствовали своим названиям и, что еще более важно, многие произведения с совершенно другими названиями на самом деле были универсальными, или всеобщими, в географическом и хронологическом смысле. Кроме того, характерной чертой всех трех указанных регионов в период Средневековья было продолжение предыдущих всеобщих историй.

Хотя они не начинались с древнего прошлого, они сознательно составлялись в традиции всеобщей истории, и их можно рассматривать как таковые. Также часто во всеобщих историях присутствует обширный географический материал.

Как это часто происходит с делением на жанры в литературе, все эти определения не являются исключительно точными. К трудам, вызывающим интерес к вопросам всеобщей истории, но не принадлежащим к этому жанру, относятся хронологические тексты, например, «Об исчислении времен» Беда Достопочтенного. В то же время у вроде бы относящихся ко всеобщей истории текстов может быть очень узкий географический диапазон, примером чему труд того же Беда «Церковная история англов» или «Хроника» Гуго из Флавиньи.

Вопрос географического масштаба становится источником путаницы, порожденной современным понятием «всеобщая история». Практически ни одна из средневековых хроник и историй, традиционно считающихся всеобщими, не являются по-настоящему всеобщими в географическом смысле. Форма была телеологической, а в ней редко допускалось, что история могла бы пойти иным путем. История достигала кульминации в божественно предопределенном настоящем.

Однако узкий взгляд на то, что включает в себя всеобщая история, не означает отсутствия идеи всеобщей истории. Нет никакого сомнения в том, что идея хронологически развивающейся всеобщей истории, которая объединяла все известное прошлое в единый нарратив, имела очень большое значение на латинском Западе, как, впрочем, и в византийском и исламском мире. Изучение всеобщей истории следует начать с ее зарождения в поздней Античности и проанализировать те три координаты, по которым структурируются тексты, а именно пространство, время и Бог. Также следует рассмотреть подготовку и воспитание авторов всеобщих историй. Это, в свою очередь, связано с проблемами покровительства и целей написания истории. Каково бы ни было мировоззрение конкретного автора, главный организующий принцип всех всеобщих историй – это идея избранного народа и его лидерства на Земле, отражающаяся в божественном порядке на небе. Следует также отметить, что большая часть всеобщих историй написана вне непосредственного королевского или императорского патронажа. Их писали либо для критики существующего правящего режима, либо в телеологических или даже гуманистических целях.

Во всех христианских традициях те формы, которые приняла всеобщая история, многим обязаны текстам, написанным в период христи-

анизации Римской империи в III – IV вв. н. э. Юлия Африкана можно назвать первым христианским хронографом. Труды Евсевия, переведенные на латинский язык Иеронимом, установили хронографические параметры, в которых существовала всемирная история, и они были чрезвычайно влиятельными моделями для провиденциальной христианской историографии.

Еще одним источником из прошлого была традиция космологических, географических и энциклопедических трудов. Но в Западной Европе наследие классической Античности пострадало сначала из-за обращения Римской империи в христианство, а затем из-за ее краха, в результате чего уменьшился набор доступных классических традиций.

Главным организующим принципом всеобщих историй было линейное развитие времени в христианском монотеизме: мир двигался от сотворения мира до конца света. Пятикнижие само по себе в определенном смысле всемирная хроника, поскольку начинается с сотворения мира, рассказывает историю избранного Богом народа и предвещает приход мессии. В христианской Библии предвещается возвращение мессии и конец мира.

Таким образом, традиция Священного Писания затрагивала проблему возраста мира и длительности его существования, а всемирная историография напрямую обращалась к этим вопросам. В поздней Античности повсеместно считалось, что мир будет существовать 6000 лет и что он проживает последнее тысячелетие. Но деление на шесть эпох становилось все более неуместным с продолжением существования мира. К периоду Средневековья год инкарнации Христа стал считаться первым годом в хронологии на Западе, а это способствовало снижению значимости теории шести эпох, которая считалась более подходящей для времени до появления Христа.

После времени вторым важным организующим принципом в написании всемирных историй было пространство. Августин объявил о важности изучения и времени, и пространства. Однако авторы вместо использования термина «география» прибегали к другим названиям в зависимости от того, что обсуждалось. Среди латинских названий для описания географии были *cosmographia*, *chorographia* и такие длинные наименования, как *totius orbis diversarumque regionis situs* (размещение всего мира и его отдельных регионов).

На латинском Западе аргументы Августина, получившие историческое выражение в географическом введении к труду Орозия «Семь книг истории против язычников», повлияли на многие последующие

всеобщие истории и в прямом, и в косвенном смысле. После XII в. горизонты латинского христианского мира расширялись, и, по-видимому, карты приобрели новое значение в историографии. Матвей Парижский снабдил свою историю детальной картой мира. Ранульф Хигден свой *Polychronicon* начинает с карты мира.

Третий и самый важный организующий принцип средневековой историографии – духовный принцип. Выбор избранного народа определял географический центр любого повествования. Но при этом сохранялись возможности для различных подходов к представлению связи между делами людей и Богом, возможно было напрямую или косвенно объяснять роль людской деятельности и значение событий. В мире, упорядоченном божественной волей, время превращалось в нечто вроде вечного настоящего. Пророки и цари иудейской традиции были важными архетипами в христианстве, и всеобщие истории выводили этих людей в качестве моделей, насущных для их собственного времени.

Однако, хотя форма всеобщей истории на первый план выводила преемственность и существование моделей в мире со времен его сотворения, в христианстве присутствовала идея решительного разрыва в течении времени, т.е. появление Христа. На христианском Западе историки все чаще отсчитывали свою эпоху от инкарнации.

Понимание важности Провидения в истории привело к ряду точек зрения от триумфаторского прославления избранного Богом народа и его правителей на земле, с одной стороны, до иронического сравнения между настоящим и лучшим прошлым, с другой. Тем не менее королевская власть и империя оставались самыми важными темами западных всеобщих историй.

Таким образом, время, пространство и трансцендентный монотеистический Бог были основными координатами всеобщих историй, но нужно также выяснить, кто писал эти тексты и с какими целями. Прежде всего, навыки и идеи для написания всеобщей истории были побочным продуктом религиозного обучения и опыта в администрации. Образовательные и литературные ресурсы были монополизированы церковной элитой.

Западное общество было преимущественно аграрным обществом, в котором монахи и священники контролировали грамотность и, соответственно, историографию. С развитием университетов появляются более энциклопедические труды, и авторы этих трудов все еще по большей части были представителями клерикальной элиты, но теперь они обучались по более профессиональной программе и работали в более урбанизированном и взаимосвязанном мире.

Написание всеобщей истории было тесно связано с империей, т.е. с политическими стремлениями править более чем одним государством или этнической группой. Крушение Империи привело к перерыву в создании всеобщей истории на латинском и греческом языках. Возрождение всеобщей истории на латинском Западе тесно связано с формированием империи Каролингов: и «Всемирная хроника» 741 г., и «Хроника» Фрекульфа были созданы при каролингском дворе для элиты империи. Начало еще одного возрождения всемирной историографии на латинском Западе связано с периодом Салической династии (XI – XII вв.) и эпохой завоевания и колонизации границ западного христианского мира, часто это было тесно связано с утверждением и расширением папской власти и авторитета.

Идея всемирной монархии была особенно важна в переходные периоды. Но важной динамической силой было и возникновение новых государств и культур на периферии империи. Примером могут служить восточные и западные славяне, скандинавские территории и западноевропейская литература на народных языках.

Однако при всех очевидных подъемах и спадах в создании всеобщей истории следует отметить, что, как только всеобщая история прочно утвердилась или возродилась как жанр, она уже практически не исчезала.

Отношение между империей и созданием всеобщих историй неправильно было бы характеризовать просто как непосредственную причинно-следственную связь между властью императора и покровительством историографии. Для независимо работавших авторов часто была важна идея всемирной империи, но не обязательно прославление какого-то современного ему правителя. Тем не менее можно определить некие общие модели. Огромное большинство писателей беспокоили прежде всего церковные или религиозные проблемы: это могли быть как теологические темы, так и прямая и косвенная критика королевской власти. Другие же авторы в рамках этой монотеистической модели выказывают более энциклопедические или гуманистические интересы.

То, что авторы этих текстов очень часто получали образование в качестве христианских монахов, означало, что в большинстве случаев их первейшие – религиозные – интересы побуждали их составлять истории их собственных религиозных общин как части сотворенного Богом мира. Таким образом, историками двигали клерикальные мотивы в широком смысле этого слова. На Западе большинство всеобщих историй написаны монахами.

Кроме индивидуальных мотиваций автора и давления на него со стороны заказчика географический и интеллектуальный масштаб всеобщих историй обуславливался и наличием определенных связей. Это могли быть коммуникации на большие расстояния, обычно торговые сети и имперские сообщества, или возможность доступа к разнообразным источникам, которые сами были продуктом эффективной коммуникации в прошлом или настоящем.

Этот фактор объясняет и создание всеобщих историй в христианском мире, и при этом относительную бедность этой историографии. Хотя человеческие горизонты постоянно расширялись, они все же оставались ограниченными. Расширение горизонтов можно видеть в переходе от хроники к энциклопедической истории, который произошел в XIII – XIV вв., примером чему труды Матвея Парижского и Винсента из Бове.

Всеобщие истории были немногочисленными в Средневековье. Крупные литературные произведения монотеизма были литургическими и толковательными. Однако всеобщая история была продуктом определенных политических, экономических и культурных структур средневекового мира. В период между Константином и Колумбом жанр истории от сотворения мира до недавнего прошлого сохранял постоянную популярность. Бесконечное и трансцендентное принадлежало только духовной сфере, но это была точка отсчета практических всех интеллектуальных предприятий. Иные, альтернативные оценки размера или возраста мира занимали маргинальное положение.

Всеобщая история помещала народ, место или человека в полноценную историческую перспективу. В распространении христианства главную роль сыграло обращение Римской империи, и, соответственно, в историографии центральное место заняла идея санкционированной Богом королевской власти, хотя сомнения по поводу отношений между градом божьим и градом земным привели к тому, что многие всемирные истории, написанные не для королей, отражали двойственное отношение к королевской власти. Но в любом случае описание событий древнего исторического прошлого в Священном Писании было моделью и образцом для настоящего, и в каждом произведении прослеживалась воля Бога.

Написание локальной истории. В жизни людей Средневековья доминировали местные дела, а в историографии, соответственно, большое место занимали локальные истории. Однако термин «локальная история» условен и достаточно проблематичен. Должна ли эта катего-

рия включать значительные и могущественные герцогства и графства, а не мелкие и слабые королевства? В Англии «Англо-саксонская хроника» посвящена в основном национальным делам, но упоминает и события в отдельных монастырях. Англо-норманнский монах Ордерик Виталий решил написать историю своего монастыря в Сент-Эвру, но закончил составлением масштабной «Церковной истории», начинающейся с рождения Христа и продолжающейся до его собственного времени.

Кроме того, сведения о местном прошлом содержатся в произведениях, которые мы бы не отнесли к истории. В автобиографии Гвиберта Ножанского присутствует сильный элемент локальной истории. Также отдельные хартии могут содержать факты локальной истории.

Учитывая все это, следует рассмотреть возникновение различных видов локальной истории, проанализировать их структуру, познакомиться с их авторами, их источниками, языком и стилем, а также изучить, как сохранялись и развивались эти тексты. Можно выделить три условные категории: история церковного учреждения, аристократической семьи и города. Безусловно, при этом, например, церковная история, особенно если она посвящена епископской должности, содержит элементы истории города. И такие пересечения возможны во всех трех категориях.

В качестве примера локальной истории можно взять следующие произведения: монастырская хартия-хроника на латыни *Historia ecclesie Abbdonensis* [История Абингдонской церкви] (Англия, XII в.), аристократическая семейная хроника, также на латыни, Ламбера из Ардра *Historia comitum Ghisnensium* [История графов Гинских] (Франция, XIII в.) и история города на итальянском языке Дино Компаньи (Флоренция, XIV в.).

Изолированные монастырские истории появляются с начала VI в. В начале VIII в. Беда Достопочтенный в Нортумбрии писал жития аббатов Вермута и Джарроу. Что касается епископальных историй, то в Риме во второй четверти VI в. появилась *Liber Pontificalis* [Книга понтификов]. В конце VIII в. Павел Диакон писал о деяниях епископов Метца, и далее появляется множество трудов о епископах.

Песни, поднимающиеся до уровня устных историй аристократических семей, существовали уже давно, но самая ранняя история аристократической семьи появляется в начале XI в. в Нормандии; это *Libri III de moribus et actis primorum Normanniae ducum* [Обычаи и деяния первых норманнских герцогов] Дудо Сен-Кантенского. Что касается историй городов, то их элементы встречаются в различных трудах. Первая настоящая городская хроника, имевшая целью фиксировать события

городской жизни, появилась в Генуе. Консулы утвердили ее в качестве официальной городской хроники, начал ее писать Каффаро ди Рустико, а далее продолжали другие авторы вплоть до конца XIII в.

На данный момент еще не изучено географическое распределение различных форм локальной истории. Считается, что *Gesta episcoporum* был жанром, характерным для каролингского общества и династии Оттонов и подвластных им земель. Хроники аристократических семей появляются с XIII в. и распространяются в Германии, Италии и Венгрии. Написание истории городов быстро распространялось в Италии. В других частях Европы городские хроники встречаются реже. В Англии Лондон, видимо, был единственным городом, создавшим собственные хроники, и первой из них была *Cronica maiorum et vicecomitum Londoniarum* [Хроника мэров и шерифов Лондона], написанная в 1258 – 1272 гг., по всей вероятности, Арнольдом Фитц Тедмаром, олдерменом из Бриджуорда.

Авторы часто предпочитали начинать с пролога. Также в начале труда могло присутствовать географическое описание. Далее организация текста в основном следовала хронологии. Иногда начало могло быть в удаленном прошлом, не связанном с данной местностью, или принимать форму всемирной хроники. Но установление начальной точки рассказа не было просто решением автора. Так, Каффаро начинает свою историю с памятного события: «Во время экспедиции в Кесарию [в первом крестовом походе в 1099 г.], как раз перед этим, в городе Генуя на три года были избраны шесть консулов. Их имена были следующими...». В Италии, по крайней мере в XIII в., некоторые считали такого рода начало неподходящим и обращались к мифам о троянском или римском происхождении.

Хронологическая организация не обязательно представляла собой одну цепочку событий. Ламбер из Ардра возвращается в середину XI в., чтобы рассказать о правителях Ардра до времени Арнольда IV (1148 – 1176), прежде чем приступить к истории теперь объединенных Гина и Ардра. Хроника Томаса Спротта представляет собой две последовательные хронологические серии, где сначала он рассказывает о деяниях аббатов монастыря, а затем об архиепископах Кентерберийских. Во многих трудах хронологическая основа могла прерываться.

Как историки структурировали свои хронологии? Многие труды касались только событий при жизни автора. Почти вся «Хроника» Дино Компаньи посвящена событиям его времени, и он, как и некоторые другие авторы, говорил и о себе как об участнике событий. Но многие локальные истории были посвящены более длительным эпохам, охва-

тывая период не менее чем трех правителей и обращаясь к основанию или происхождению церкви, семьи или города, а затем переходя к современности.

Семейные хроники начинались с самого первого известного предка (реального или вымышленного), хотя некоторые авторы были вынуждены совершить скачок во времени, демонстрируя незнание давних событий. Основание церкви могло быть связано с неким чудом, а если основатель был святым, начало труда могло включать описание жизни этого святого.

Далее истории могли принимать различные формы. Некоторые были организованы по годам, и данные приводились по конкретному году. Кремонские анналы состоят в основном из кратких записей по определенным годам, а по некоторым – записей нет.

Альтернативой такой схеме была организация повествования в соответствии с правителями или высшими должностными лицами. Светские генеалогии, как и церковные, по временам могли включать краткую дополнительную информацию о перечисленных людях.

Более обширные хроники, организованные в такой манере, часто получали наименование *Gesta*, или «деяния». В абингдонской «Истории» разделением между Книгой 1 и Книгой 2 является не завоевание Англии в 1066 г., а появление первого аббата из Нормандии в 1071 г. Светские истории, например, труд Ламбера из Ардра, были структурированы схожим образом, рассказывая о деяниях каждого правителя, однако также затрагивая и другие вопросы. Периоды полномочий светских должностных лиц могли использоваться в качестве основы для структурирования времени даже тогда, когда история не была посвящена их деяниям.

Еще одним важным элементом в создании местных историй, особенно касавшихся церкви, было включение документов. Такие хроникерские хартии можно было бы считать подкатегорией жанра деяний, хотя они значительно различаются между собой по соотношениям документов и текста и по степени включения иных элементов, в частности чудес.

Обычно авторы этих трудов проживали непосредственно в местах, о которых шла речь. Некоторые были главами монастырей. Было несколько писателей-женщин, например, Хросвита, которая составила стихотворную хронику Гандерсгеймской обители.

Некоторые династические истории были написаны мирянами, некоторые – священниками и монахами. Ламбер, автор *Historia comitum Ghisnensium*, был капелланом в Ардре и, возможно, состоял в родстве с правителями. Составители городских хроник также могли быть священ-

никами и мирянами. Среди исторических писателей можно встретить нищенствующее духовенство, городских писцов и нотариусов. А Дино Компаньи был зажиточным торговцем, несколько раз занимавшим должность консула и другие важные посты в городе.

Трудно определить, что стало стимулом для написания локальной истории. Существует мнение, что масштабный политический распад мог стимулировать написание истории как формы ведения записей, хотя установление четких хронологических связей на самом деле затруднительно. Мотивом для создания истории могло быть увековечивание или прославление какого-то события, или же такое событие могло стать стимулом. Бернская хроника была инициирована городским советом после победы в битве при Аргау в 1418 г.

Авторы использовали разные источники. Они применяли то, что мы бы назвали археологическими и архитектурными источниками, которые они сами видели, например, здания и гробницы. Некоторые авторы указали имена своих информаторов и использовали устные источники. Ламбер из Ардра подчеркивает авторитет и положение своих источников.

Кроме того, авторы полагались на письменные источники. В Сент-Олбанс в XIII в. Мэтью Парижский для своей *Gesta abbatum* опирался на ныне утраченный древний свиток, связывавшийся с келарем середины XII в. Адамом.

Использовались и другие виды текстов в различной степени разными авторами. В качестве источника брали агиографии, а также литературные тексты и истории региона вне данной местности.

Хроники могли включать документы, как уже говорилось выше. Но также могли только упоминаться документы, находившиеся в распоряжении автора, без их включения в текст.

Локальные истории Раннего Средневековья написаны на латыни, но с XII в. сосуществовали локальные историографии на латинском и народных языках. Степень утонченности стиля зависела от писателя. Среди английских хартий-хроник *Liber Eliensis* отличается сложностью латыни, на которой она написана, а первая версия абингдонской «Истории» характеризуется простотой стиля.

Для того чтобы заинтересовать читателя или слушателя, использовались различные приемы. Самым распространенным было использование речей. Авторы могли обращаться непосредственно к участникам, как Дино Компаньи: «О, мессер Донато, как повернулась против тебя судьба! Сначала взяли в плен твоего сына, которого ты выкупил за 3000 лир, а затем тебя обезглавили». Авторы могли завершать повествование

моральными уроками, манипулировали порядком повествования, например, включали в него сны.

Какова же была цель локальных историй? Очевидной аудиторией для них был заказчик или покровитель. Но не ясно, насколько внимательно и полно читали или слушали заказчики эти произведения.

Название может указывать на цель автора. Но, изучая названия, следует помнить, что они могут различаться в разных рукописях и что их не обязательно придумал сам автор. В то же время в предисловии автор может излагать собственные намерения, как это делает Ламбер из Ардра, объясняя, что, поскольку все земное стирается из памяти и о людях и событиях забывают, он решил увековечить принца Арнольда, которому он служит.

Также вероятные цели автора можно понять из темы и содержания произведения. Тот же Ламбер в своем труде уделяет место объяснениям названий мест и описанию зданий, проявляя тем самым краеведческий и антикварный интерес. Из чувства гордости и из необходимости пояснить он прибегает к детальным описаниям.

Кроме того, как и другие виды средневековой истории, локальные хроники демонстрируют Божью волю и вмешательство Бога в дела людей. Поэтому авторы включают сверхъестественное в свое описание. Итальянские города могут указывать, что они старше, чем Рим, например, проводить связь с Тройей. О возможных основателях монастыря идет речь в начале первой версии абингдонской «Истории». Ламбер говорит о божественном лебеде, рассказывая о предках правителей Булони.

Заметна в этих трудах и гордость авторов. Этой гордостью за свой город объясняются описания светских и культовых зданий.

Все авторы выделяли значительных людей прошлого. Выдающиеся люди представляли собой моральный пример для тех, кто читает или слушает историю.

В церковной истории еще одной причиной упоминания деятелей прошлого было желание обеспечить им поминовение в литургии. В истории монастыря Уэрксапа XV в. тщательно зафиксировано, где захоронены покровители обители.

Истории, и особенно монастырские истории, могли служить в качестве юридических документов. Ариульф из Сен-Рикье, например, объяснял, что он включил копии документов на случай, если оригиналы будут уничтожены.

Таким образом, истории служили целям объяснения, укрепления позиций и легитимации заинтересованных сторон.

Из-за их специфических интересов локальные истории в целом сохранились в небольшом количестве рукописей. Многие локальные истории продолжали или переделывали другие авторы. Городские и церковные хроники обычно продолжались или перерабатывались в том же месте, а вот с семейными хрониками так происходило не всегда, частично потому, что их географический масштаб не настолько узкий. Идея пересмотреть текст могла возникнуть в результате получения дополнительной информации. Например, устные свидетельства, дошедшие до Абингдона, заставили пересмотреть не только происхождение названия местности, но и личность основателя монастыря. Поэтому уместно будет сказать, что локальные истории в Средневековье были не просто текстами, а, без сомнения, оживленным диалогом.

Институциональная история в Средневековье. Прежде чем исследовать написание институциональной истории в Средневековье, следует отметить, что политическая ситуация в Европе была еще слишком неустойчивой, а грамотность – низкой, и поэтому представление об официальных государственных институтах было весьма ограниченным. Об этом необходимо помнить, рассматривая данный вопрос.

Историки в Средневековье еще не совсем четко представляли себе функции истории, но тем не менее уже существовало понимание, что у любого учреждения есть своя история. Церковь, в отличие от аристократических и королевских дворов, не могла просто заявить о кровном родстве или происхождении из какого-либо рода для утверждения легитимности ее главы (хотя были некоторые семьи, регулярно дававшие миру пап). Без этой физической связи с законным основателем необходимо было обращаться к более абстрактному существованию церкви вне земного мира рождений и смертей. И тем не менее первый вид институциональной истории все же рассказывал о жизни пап, что полностью соответствовало средневековой концепции личного правления и легитимного происхождения. Эта форма истории обладала большой политической ценностью.

В средневековой Европе монастыри и монастырские ордена поддерживали некоторую степень независимого институционального существования, но это не вело к написанию истории самих этих институтов. Картулярии аббатств – великолепный источник для современных историков, но они не были собраны в формальные исторические труды.

Первая редакция *Liber Pontificalis* была составлена, вероятно, в V или VI в., и, скорее всего, это был простой список римских понтификов. Затем появились некоторые комментарии рядом с именем каждого

папы, что уже определяло его вклад в развитие католической церкви. Для нас здесь наиболее важно то, что *Liber Pontificalis* демонстрирует понимание того, что индивидуальные решения пап имели историческое значение для церкви и ее практик.

Разные авторы, внесшие свой вклад в создание *Liber Pontificalis*, обладали различным уровнем образования и степенью знакомства с историей и практиками церкви. Этот труд мог служить текстовой основой для идентичности католической церкви. В то же время в определенной степени он противоречит самой сущности институциональной истории, поскольку не стремится объяснить достаточно непростое существование церкви.

Более четкую институциональную структуру мы находим в правилах монастырских орденов, хотя эти правила не являются историями. *Regula Benedicti* [Устав святого Бенедикта] – это текст, предписывающий принципы и правила монастырской жизни. Это был пробный камень для последующих практик, несколько отличавшихся от прошлых предписаний.

Можно сделать вывод о том, что даже внутри самой католической церкви существовало лишь ограниченное осознание церкви как института. *Liber Pontificalis* подтверждает, что у церкви была собственная, более сложная, чем у светских властей, структура религиозных и административных должностей, менявшаяся со временем. Но это не была бюрократическая система в современном понимании, и отсутствие институциональной истории является косвенным подтверждением неразвитости бюрократии в Средневековье.

Написание институциональной истории требовало наличия профессиональных историков, осознающих связь между крупной бюрократической структурой, историей и политической легитимностью. Осознание этой связи в зачаточном состоянии присутствовало только в католической церкви.

Династическая история. Изучение династической истории позволяет исследовать, каким образом различные представления о семье со всем богатством значений, которое несет в себе это слово, были выражены в письменных рассказах о прошлом. Династическая история сочетает верность семье и ощущение прошлого и представляет собой особую, много в себе содержащую форму знания, которая и включена в общество, и существует отстраненно от него.

Кроме того, изучение того, каким образом в разное время сочетаются понятия рода и прошлого, помогает нам увидеть общее и различное

в важных областях человеческого опыта, и в частности понять ту роль, которую играл род в репрезентации легитимной политической деятельности.

На первый взгляд, родственные связи и генеалогия рода еще не были интегрированы в историографическую практику Раннего Средневековья (400 – 900). «Всемирная хроника», которая наиболее развивалась в Западной Европе, подтверждает это. Этот вид истории пренебрегал моделями, основанными на генеалогии и происхождении поколений семей, предпочитая непрерывный рассказ, развивающийся во времени, с эсхатологической перспективой; в ней каждый год – это еще один шаг от начала мира к его концу.

Безусловно, этот вселенский подход по-разному использовался в Раннем Средневековье, но никогда не ставился под сомнение. Конечно же, в историографии Раннего Средневековья были не только летописи и хроники, и некоторые тексты этого периода уже близки к династической форме, например, собрание биографий пап римских под названием *Liber Pontificalis* и вдохновленный им ряд биографий епископов, но они не ставят целью исследовать родственные связи. Единственный пример включения родства в историю в этот период – это описания происхождения и истории целых сообществ, известные под названием *origo gentis* (происхождение народа). В XI – XII вв. истории о происхождении народов начали незаметно перетекать в династическую историографию, так как в текстах все большее внимание уделялось родословной правителей.

Однако эта тенденция оставалась латентной в Раннем Средневековье. Но влияние династической историографии не подлежит сомнению. Согласно мнению некоторых историков, организация повествования на основе сменяющихся поколений семьи вывела историю из стагнации.

Появление династической историографии именно в XI – XII вв. связано с двумя очень значимыми факторами. Распад империй, в частности империи Карла Великого, привел к появлению локальных политических формаций, и в результате сложнее было связать современную историю со всеобъемлющей, санкционированной Богом историей. Всемирные хроники, демонстрировавшие, как множественность уступала место единству, перестали быть убедительными или даже возможными, поскольку больше не было единой политической истории.

Вторым фактором было то, что этот новый, фрагментированный политический порядок был тесно связан с политическими достижениями могущественных аристократических семей. Наблюдается связь между новой структурой семьи, которая мыслится вертикально, и новой по-

литической структурой. И вполне логично предположить связь между этими процессами и появлением нового вида истории.

История Гильома Жюмьежского является хорошим примером. Нормандия была обязана своим существованием и своей автономией гению ее правителей, которые получили герцогский титул в середине XI в. «Деяния герцогов Нормандии» – это, по существу, биография. Наиболее значимым деянием каждого нормандского герцога Гильом посвящает книгу, но вся структура в целом показывает, что намерением автора было задокументировать родословную, благо все герцоги были родственниками.

Гильому не пришлось начинать с нуля, его рассказ основывается на «Истории норманнов» начала XI в., написанной Дудо Сен-Кантенским. У Дудо большой объем занимает рассказ о происхождении Нормандии от викингов, т.е. подчеркивается догерцогский, общинный аспект нормандской истории, а у Гильома эта часть сокращена и меньше внимания уделяется связям с дохристианским прошлым. В истории Гильома указывается, был ли настоящим и надлежащим брак, и наблюдается тенденция упоминать только законных детей, а это ярчайшее доказательство династических устремлений нормандских герцогов.

Переработанный Гильомом текст оказался гораздо более популярным, чем оригинал Дудо. В XII в. появились переработки труда Гильома авторства еще двух англо-нормандских монахов – Ордерика Виталия и Роберта де Ториньи. Роберт напоминает нам о политической значимости династических историй и указывает на материальные преимущества, которые можно получить благодаря их сочинению.

Как известно, династическая история часто создавалась в тесной связи с правящим двором. Хотя нет конкретных доказательств того, что Гильом начал писать свою редакцию труда Дудо по заказу, есть указания на то, что могущественные покровители узнали о ней уже в период ее создания.

Затем модель династической истории Гильома утратила свое значение для тогдашней историографии. Эта схема изжила себя после того, как герцогство Нормандия и королевство Англия отошли к разным правителям, а связь англо-норманнских королей с Нормандией неизбежно начала угасать.

Но в то время как в данном конкретном контексте династическая историография потеряла популярность, она набирала силу в других местах. В XII – XIII вв. при дворе Вельфов был произведен целый ряд текстов, излагающих их семейную историю в различных формах.

Создание таких текстов стало особенностью Священной Римской империи в Позднем Средневековье, особенно с XIV в., что отражало борьбу ведущих семей, желавших утвердиться в рамках слабо объединенной структуры. Изначально этот жанр был связан с монастырями, основанными этими семьями, например, история Эццоненов XI в., написанная в Браувейлере, а память о своей династии сами семьи утверждали иными способами, например, вышитыми коврами.

Но такие тексты писались также вне Империи. И именно вне Империи с XII в. возникает в большом объеме местная династическая историография, в основном ее писали на различных формах старофранцузского языка, т.е. отказывались от латыни – языка религии и религиозной истины, и это имело свои последствия и для интерпретации их содержания, и для их доступности. Труд Гильома Жюмьежского даже после того, как снизилось его политическое значение для королевства, был адаптирован в англо-норманнских стихах.

Гильом вдохновил еще одну историю на народном языке – «Историю нормандских герцогов и французских королей», написанную в 1220-х г. «анонимом из Бетюна». Она была в прозе, потому что теперь считалось, что стихи – это художественное средство для выдуманных событий и не подходит для истории.

Несмотря на расширение аудитории за счет низших слоев, которое предполагают переводы на народные языки, большая часть того, что было переведено в стихах или прозе, прославляло королевскую власть. «Большие французские хроники», построенные на идее преемственности королей Франции, – это самая известная династическая история в прозе. Этот труд пользовался большим успехом в Позднем Средневековье, когда его копировали для аристократических домов, несмотря на роялистскую точку зрения, и, возможно, это в некоторой степени отражало укрепление королевской власти.

Итак, возникновение династической историографии в Западной Европе рассматривается следующим образом: она возникла из предыдущих текстов в качестве отражения новых политических реалий, обеспечивала историей новые династические дома и перешла от латыни сначала к стихам на народных языках, а затем к прозе.

Однако следует обратить внимание, что все же существуют отличия между историографией Раннего, Высокого и Позднего Средневековья. Поэтому изложенная выше схема возникновения династической историографии основывается на классификациях жанра и формы. Но, признавая, что главный организационный принцип династической исто-

риографии – это хронологическая последовательность правителей или поколений семьи, мы должны попытаться выйти за рамки текста, чтобы понять его внутреннюю логику.

Выводы. В современных исследованиях исторических трудов Раннего Средневековья подчеркивается, что их главная идея – это пропаганда социально-политической системы с акцентом на конкретной семье. Так, «Хроника Фредегара» остается по существу всемирной историей, но возвышение Каролингов очень тонко выделено в ней, причем с большой тщательностью и вниманием. Несмотря на всемирный подход каролингских хроник, многие из них создавались в придворных кругах и выводили на первый план политическое доминирование Каролингов именно тем, что включали их в естественное течение времени, связывая коллективную идентичность с правлением конкретной семьи, и такую историю вполне можно назвать династической.

То же самое можно сказать и о текстах о происхождении народов. Так, Меровинги, первая династия франкских королей, так или иначе присутствует во многих дошедших до нас текстах о ранних франках.

Безусловно, это не отрицает значения возникновения нового вида политической истории – династических хроник, а только напоминает нам, что жанр – это не единственное, на что стоит обращать внимание. Контекст рукописи, то, каким образом тексты были сведены вместе, также заслуживают внимания, поскольку из одного только печатного издания трудно вывести заложенные в тексте династические идеи. Следовательно, нужно попытаться понять, были ли у автора династические намерения, а это более тонкая и сложная задача.

Таким образом, династическая история плавно развивалась из этнической в своей основе истории о происхождении народов, и изучение династической истории является весьма полезным в понимании многих факторов, влиявших на развитие средневекового общества.

Источники

Флодоард. Анналы

Анналы королевства франков

Бертинские анналы

Ксантенские анналы

Ведастинские анналы

Англосаксонская хроника

Августин Блаженный. О граде Божьем

Григорий Турский. История франков

Иордан. О происхождении и деяниях гетов

Исидор Севильский. История готов, вандалов и свевов
Беда Достопочтенный. Церковная история народа англвов
Павел Диакон. История лангобардов
Эдмер. Новая история
Ордерик Виталий. Церковная история
Книга истории франков
Вильям Мальмсберийский. История английских королей
Гальфрид Монмутский. История бриттов
Вильям Ньюбургский. История Англии
Сугерий. Жизнеописание короля Людовика Толстого
Прокопий. История войн римлян с персами, вандалами и готами
Марцеллин Комит. Хроника
Джованни Виллани. Новая хроника, или история Флоренции
Хроника Сигеберга из Жамблу
Отгон Фрейзингский Хроника, или история о двух царствах
Козьма Пражский. Чешская хроника
Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских

Литература

Вайнштейн, О. Западноевропейская средневековая историография. – М. – Л.: Наука, 1964.

Галл Аноним. Хроника и деяния князей, или правителей, польских // Козьма Пражский, Галл Аноним. Чешская хроника. Хроника и деяния князей, или правителей, польских. – Рязань: Александрия, 2009. – 248 с.

Гимон, Т. В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. – М.: Русский Фонд Содействия Образования и Науке, 2011.

Гринин, Л.Е. Теория, методология и философия истории: очерки развития исторической мысли от древности до середины XIX века. Лекция 3. Средневековая теология, теория истории и историография. Западная Европа. <http://www.socionauki.ru/journal/articles/126670/>

Гутнова, Е. Историография истории средних веков. – М.: Высшая школа, 1985.

Добиаш-Рожественская, О. А. Культура западноевропейского средневековья: Научное наследие. – М.: Наука, 1987.

Зверева, В. Беда Достопочтенный в историографической культуре XIX – XX вв.: четыре интерпретации // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории, № 1, 1999. – С. 232 – 249.

Зверева, В. В. «Новое солнце на западе»: Беда Достопочтенный и его время. – СПб.: Алетейя, 2008. – 248 с.

Историки эпохи Каролингов / пер. с лат. А. И. Сидорова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999.

Кривушин, И. Рождение церковной историографии. Евсевий Кесарийский. – Иваново, 1995.

Кроче Б. Теория и история историографии. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.

Матузова, В.И. Английские средневековые источники IX – XIII вв. – М.: Наука, 1979.

Ненарокова М. Р. Досточтимый Беда – ритор, агиограф, проповедник. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – Вып. 9. – 272 с.

Прохорова, Л.Д. История исторической науки: учеб. пособие. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2010.

Репина Л., Зверева В., Парамонова М. История исторического знания. – М.: Юрайт, 2013.

Семиколенных, М. В. Оттон Фрейзингенский в традиции отрицательной теологии // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – Научный журнал № 3. – Том 2. – СПб., 2010 <http://www.lengu.ru>.

Щавелев А. С. Еще раз о морфоэпических устных источниках средневекового историописания: рассказы об основателях династий у Галла Анонима и Снорри Стурлусона // Древнейшие государства Восточной Европы. — М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. – С. 565 – 592.

Щавелева Н. И. Хроника Галла Анонима // Щавелева Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, перевод, комментарий. – М.: Наука, 1990. – С. 32 – 76.

II. ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ XV – XVI вв.

Понимание прошлого в эпоху Возрождения

Связь истории с филологией. Критическое исследование текста, а именно его стиля, структуры и исторического значения, относится к области филологии. По мнению многих исследователей, современная концепция истории выросла из гуманистической филологии наряду с осознанием новизны периода в целом.

В период Возрождения история входила в разряд гуманитарных наук (*studia humanitatis*) и поэтому была тесно связана с грамматикой и риторикой, а значит, и с филологией. История (*historia*) началась как повествование об отдельных, но связанных между собой фактах, и еще со времен Аристотеля ее противопоставляли поэзии и философии, хотя историю в повествовательной форме прославляли как «философию, обучающую на примерах». Поэзия говорит о всеобщем, история – об отдельном.

Филология как критика текстов имеет длинную историю, уходящую корнями в Древнюю Грецию и Рим. Эратосфен использовал термин *philologus* для обозначения человека с энциклопедическими знаниями в области литературы, а свою дисциплину он называл «многосторонняя филология». Итальянское понятие «искусство истории» впоследствии сменило понятие «метод истории», введенное Жаном Боденом и другими французскими и немецкими авторами. Но еще большее значение, чем противоречивый труд Бодена, имела основополагающая книга Жозефа Жюста Скалигера *Opus novum De emendatione temporum* [Исследование об исправлении хронологии] (1583), которая излагала систематическую критику исторической хронологии. К Скалигеру присоединились другие гуманисты, которые тоже искали, редактировали и критиковали античные тексты в «эпоху эрудиции».

Но каноны гуманистов намного старше. Филология и история соединяются в трудах «отца» ренессансного гуманизма Франческо Петрарки. Леонардо Бруни писал, что «Франческо Петрарка был первым человеком с достаточным талантом для того, чтобы осознать и вернуть к жизни античную элегантность утраченного и изысканного стиля». Желание Петрарки жить в прошлом реализовалось в его *De Viris illustribus* [Книга о знаменитых мужах]. Однако в его мировоззрении присутство-

вал христианский аспект, ведь именно чтение Августина привело его «от размышлений о пространстве к размышлениям о времени». Он был первым среди многих примеров использования филологии в историческом исследовании.

Другие гуманисты продолжали поиски, критику и затем публикацию литературных свидетельств Античности, включая классических историков. Латинские версии Геродота и Фукидида Лоренцо Валлы и переводы с греческого языка других ученых появились практически одновременно с возникновением книгопечатания, как и издания Тита Ливия, Тацита и других латинских историков. Леонардо Бруни основал длительную традицию флорентийской историографии по образцу Тита Ливия, а Флавио Бьондо рассуждал о падении Римской империи и возникновении современной Европы, и его деятельность продолжали различные позднейшие ученые.

В первой половине XV в. гуманисты вслед за Петраркой и Колуччо Салутати расширили свои поиски и связи. Были открыты рукописи писем и речей Цицерона, а также труды Тацита и многих других авторов, включая греческие рукописи. Многие другие рукописи были объектом бесконечных поисков на протяжении нескольких столетий. Средневековые источники также были включены в поиски, и в 1425 г. Подджо Браччолини заявил о находке не только страниц из Тацита, но и копии «Зеркала» Винсента из Бове. Среди прочих итальянских ученых Анджело Полициано изучал Гомера, Аристотеля, римское право и эллинистическую литературу, и в его трудах мы находим поправки ко многим классическим авторам.

Захват Константинополя повлек за собой поток византийских ученых в Италию, хотя некоторое их количество бежало еще ранее. Влияние греческой мысли усиливалось переводами на латынь, такими как перевод Аристотеля Бруни и перевод Платона Марсилио Фичино, и на французский язык (Клод де Сейссель). Естествознание в период Ренессанса в основном было книжным и, следовательно, филологическим занятием, хотя эмпирические методы начали преобладать еще до Фрэнсиса Бэкона.

В XV в. приблизительно одновременно с изобретением книгопечатания итальянские гуманисты произвели революцию в изучении текстов, перейдя от средневековых комментариев к грамматическим, или филологическим, аннотациям. *Miscellanea* Полициано, например, следовала классическому прецеденту *Noctes atticae* [Аттические ночи] Авла Геллия в том, что представляла собой небольшие эссе эрудита об

исторических и биографических фактах, и у Полициано были ученики не только в Италии, но и во Франции и Германии.

Эти заметки также часто содержали личную полемику и брань, ибо таков был стиль «гладиаторов Ренессанса», созревший как раз к началу книгопечатания. Однако наряду с филологией развивались и фальсификации.

Одним из аспектов гуманистического метода, помимо его исторической ориентации, были компаративистские тенденции, которые неизбежно присутствовали в искусстве перевода. Валла много писал об изяществе латинского языка. В тексте ценилось и восстановление (красоты латинского языка), и подражание (античным авторам).

Основываясь на латинской риторике (и на авторитете Античности), Валла применил свой критический метод к каноническому и римскому праву, а также к исследованию Библии и классических трудов. Критика Валлой аристотелевской философии поставила историю выше философии. Но его самое известное достижение связано с «Константиновым даром». Много фальсификаций было создано или найдено и в Средневековье, и в период Возрождения, и по необходимости каноники стали знатоками в распознавании фальшивых документов, использовавшихся против церкви. В этот период конфессиональных конфликтов и начала книгопечатания классическая наука также поднялась на более высокий уровень понимания, особенно в трудах таких мастеров ренессансного «искусства критики» (*ars critica*), как Анри Этьенн, Жозеф Жюст Скалигер, Юст Липсий, Исаак де Казобон.

Эразм Роттердамский, который первым опубликовал заметки Валлы к Новому Завету, в дальнейшем подготовил новое критическое издание Библии в качестве соперничества с Вульгатой. Он считал, что Священное Писание следует перевести на народные языки и наряду с Мартином Лютером взял на себя ответственность сделать это для Германии. Далее последовало развитие теории перевода и интерпретации, которая была сформулирована Маттиасом Флациусом Иллирийским в его основополагающем трактате по герменевтике. Иоганн Мартин Хладни писал в XVIII в.: «Одно дело – понимать само предложение, и совсем другое – понимать, как оно представлено и высказано кем-то другим». Своей первой вершины филологический метод достиг в труде Ришара Симона «Критическая история Ветхого Завета» (1678); затем он расширил свою критику и на Новый Завет, и ее продолжили неологисты в XVIII в. Наряду с этим пришел и скептический взгляд на чудеса и утверждение старшинства иудейской традиции.

Во Франции видным последователем Валлы и соперником Эразма Роттердамского был Гийом Бюде, который написал эссе в похвалу филологии, аннотации к «Пандектам», заметки о Библии и трактат «Об ассе» (1514) – исследование античной нумизматики. Бюде писал: «Когда-то бывшая украшением, филология сегодня – это средство возрождения и восстановления». Характерное для Валлы ощущение истории через стилистические изменения получило дальнейшее развитие у Бюде, у которого была собственная трехчастная периодизация (Античность, темные средние века и современность). История для Бюде была не только «интерпретацией Античности», но и «наставницей жизни» (по Цицерону), что привело его к сравнению римских и французских государственных институтов и всей традиции юридической и институциональной истории. К концу XVII в. французский язык начал вытеснять латынь в качестве языка науки, что можно видеть в «Историческом и критическом словаре» (1695 – 1697) Пьера Бейля и распространении научных изданий.

Наряду с филологией на Западе использовалась наука хронология, уходившая корнями в списки древних царей и попытки христиан синхронизировать свою традицию, основанную на Ветхом Завете, с традициями греков и римлян. Первым ученым, проводившим по-настоящему научно-исследовательскую работу в недавно основанном Лейденском университете, был Скалигер. Здесь также преподавали Юст Липсий, Гуго Гроций и Г.И. Фосс, благодаря чему Нидерланды потеснили Францию в качестве лидера научного мира. Среди значительных трудов Фосса можно назвать историю греческих и латинских историков.

Между тем в Европе историография (т.е. написание нарративных историй) развивалась и в официальном, и в национальном направлениях, и история стала и формой идеологии, и поддерживаемым правительством начинанием. То, что Бруни сделал для Флоренции, а Флавио Бьондо для Италии в целом, Паоло Эмилио попытался сделать для Франции, Полидор Вергилий – для Англии, Беатус Ренанус – для Германии и другие последователи Флавио Бьондо для остальных «варварских» народов, возникших на руинах Римской империи. Ученики Жака Кюжа ввели метод юридического гуманизма в изучение национальной истории. Жан дю Тилле привнес архивные источники в область официальной историографии. Жан Мабильон, монах бенедиктинского ордена, в своем основополагающем труде *De re diplomatica* [О науке дипломатики] (1681) сформулировал надлежащие правила критики средневековых документов на основе исторической филологии, а также палеографии и дипломатики.

В XVII в. Готфрид Вильгельм Лейбниц хвалил Христиана Томазия за изучение истории философии, а не просто философов. В Англии главными фигурами в новой филологии были Исаак Казобон и Джон Селден, которые изучали национальную историю, а также классику, библейскую традицию и восточные языки. Генри Савиль, среди прочего, сделал перевод трудов Тацита и Иоанна Златоуста. Многие другие исследователи классики внесли свой вклад в новую филологию. В рамках спора о «древних» и «новых» Уоттон утверждал превосходство «новых» не только в науке, но и в филологии, ссылаясь на труды Скалигера, Казобона и Селдена. Видным представителем многих научных проектов и полемики был Ричард Бентли, пользовавшийся репутацией во всей Европе.

История и миф. Но все же следует признать, что авторы часто переступали границу между историей и выдумкой. Вслед за классическими моделями придумывание речей, вложенных в уста послам или полководцам, стало обычной практикой в исторических трудах гуманистов от Леонардо Бруни до Франческо Гвиччардини.

В этот период было распространено большое количество т. наз. «мифов об основании». Самыми важными были истории о происхождении народов. Некоторые из этих историй ученые-гуманисты оспаривали, особенно иностранные гуманисты, которым нечего было терять, если эти истории оказывались ложными.

Документы, предназначенные для обоснования таких историй, часто сами оказывались фальшивками. В период Возрождения добавились новые фальшивки, среди них тексты, приписывавшиеся древнеавилонскому писателю Беросу, но на самом деле созданные итальянским монахом XVI в. Аннио да Витербо, и т. наз. Свинцовые книги, найденные в Гранаде в 1588 г.

Критика аутентичности материальных предметов, таких как Свинцовые книги, сформировалась в этот период в качестве реакции на фабрикацию различных фальшивок для удовлетворения растущего спроса со стороны коллекционеров древностей. Разоблачение сфабрикованных документов было одним из результатов процесса критики текстов – попытки гуманистов реконструировать тексты в том виде, в каком их изначально создали их авторы (обычно древние греки и римляне); эти тексты искажали копиисты в течение столетий. Критика «Константинова дара» римским гуманистом Лоренцо Валлой, который убедительно доказал, что этот текст был написан спустя столетия, – это лишь самый знаменитый случай из подобного рода демонстраций ведущих гуманистов начиная с Петrarки.

«Три книги Пирроновых положений» античного философа Секста Эмпирика, который выступает против возможности познать прошлое, были открыты гуманистами во время их охоты за классическими текстами. В один из «Десяти диалогов об истории» (1560) итальянский философ Франческо Патрици включил обсуждение «истины истории», сконцентрировавшись на проблеме противоречащих друг другу рассказов об одном и том же событии.

Другие споры касались конкретных текстов. Солдат Берналь Диас называл свой собственный рассказ о завоевании Мексики *historia verdadera* (истинная история) в противоположность соперничающей с ней истории Лопеса де Гомары.

Биографию римского императора Марка Аврелия авторства испанского проповедника-францисканца и моралиста Антонио де Гевары «Часы государевы» (1529) критиковал некий Педро де Руа за включение в нее выдуманных деталей. Реакция Руа на выводы Гевары или, точнее сказать, на отказ делать выводы, выразилась в сравнении автора с Пирроном и другими философами-скептиками.

На взгляд некоторых ученых, скептическое мировоззрение поощрялось Реформацией, поскольку и католики, и протестанты оказались более умелыми в развенчании аргументов противоположной стороны, чем в обосновании собственных. Кальвинист-скептик Пьер Бейль называл и традицию, и Библию «восковыми носами», которые можно повернуть в любом направлении.

Споры по поводу Реформации также способствовали осознанию проблемы пристрастности или предвзятости в исторических трудах. Проблема предвзятости привлечет еще большее внимание в XVII в.

Основные тенденции европейского антикварианизма. История антикварианизма еще до конца не изучена. В узком смысле антикварианизм – это деятельность антикваров, изучающих древности (от латинского *antiquitates*). Но *antiquitates*, как мы видим у Варрона, может означать целую культуру народа или периода.

Более узкий подход, который тесно связан с нашим пониманием возрождения Античности сначала в Италии, а затем на Севере, уже принес много плодов, хотя наши знания по-прежнему ограничены незначительным количеством текстов, созданных небольшим количеством тех, кто интересовался Античностью. Но какой бы подход – более узкий или более широкий – мы ни избрали, на сегодняшний день затруднительно написать полную историю антикварианизма. Историю антикварианизма следует начать с Петрарки, но не как идеолога Античности, а

как исследователя материальных реликвий ушедшего мира, особенно в вербальной форме (манускрипты, эпиграфика, нумизматика). Нельзя не упомянуть и группу ученых, концентрировавшихся при дворе кардинала Алессандро Фарнезе, включая Пирро Лигорио и Онофрио Панвинио. С появлением Пейреска мы уже можем говорить о более широкой истории европейского антикварианизма, когда он пересекается с естественной историей, медициной и астрономией, а также с восточными языками и литературой. Внимание Пейреска к материальным свидетельствам было подхвачено Мабильоном и Гаттерером. И дальше историю антикварианизма можно продолжить в XIX век, что выходит за рамки рассматриваемого периода.

Бэкон описывал древности как останки истории, случайно избежавшие кораблекрушения времени. «Древности имеют дело со своего рода останками истории, похожими, как мы уже сказали, на обломки корабля, потерпевшего крушение. Когда воспоминания о событиях уже исчезли и сами они почти полностью поглощены пучиной забвения, трудолюбивые и проникательные люди, несмотря на это, с какой-то удивительной настойчивостью и скрупулезной тщательностью пытаются вырвать из волн времени и сохранить хотя бы некоторые сведения, анализируя генеалогии, календари, надписи, памятники, монеты, собственные имена и особенности языка, этимологию слов, пословицы, предания, архивы и всякого рода документы (как общественные, так и частные), фрагменты исторических сочинений, различные места в книгах совсем не исторических. Эта работа, конечно, требует огромного труда, однако она и приятна людям, и вызывает к себе известное уважение, и, раз уж мы отвергаем мифы о происхождении народов, безусловно, может заменить такого рода фантастические представления».

П. Берк назвал Петрарку первым антикваром, имея в виду человека, заинтересованного в реконструкции прошлого из его физических останков. Самые главные антикварные произведения Петрарки – это «Письма о знакомых вещах» (ок. 1366) о древнеримских руинах в Неаполитанском заливе, *De remedis utriusque fortunae* (ок. 1366) об античных зданиях, уничтоженных временем, письма о римских монетах и другие.

Петрарка, как и почти все в его дни, предпочитал литературу материальным источникам. Вдобавок материальные свидетельства часто существовали в поврежденном виде и требовали значительного восстановления. Петрарка советовал главную мудрость и былые достижения искать в книгах.

Однако материальные свидетельства прошлого давали пищу для воображения Петрарки. Из описания прогулки по Риму, содержащегося в письме к Франческо Колонне, мы понимаем, что древние памятники для Петрарки – прежде всего источник вдохновения. Прогуливаясь по местам, наполненным воспоминаниями и утратами, Петрарка видел Рим словно сквозь гигантское увеличительное стекло. Реконструкция его из разбитых фрагментов было формой исследования себя.

В знаменитом письме к Франческо Колонне он пишет, что он не столько видел Рим, сколько воссоздавал его в воображении из рассказов древних. Он пишет: «Рим был величественнее, и его руины величественнее, чем я представлял».

Двигаясь в пространстве, Петрарка создавал новый способ изучения и осмысления прошлого. Мы сталкиваемся здесь с пространственным осмыслением Античности не в виде отдельных обломков, а в виде единого целого, предоставляющего модель для реконструкции. Такой подход будет определять изучение прошлого вплоть до сегодняшнего дня.

Впоследствии эти два направления, начатые Петраркой, будут продолжать использоваться: пространство как побуждение к воображению и слова на памятниках. Но непосредственных последователей Петрарки было не много. Представители этого направления сталкивались со значительными трудностями в прочтении текстов. Буонкомпаньо да Синья отмечал чудеса античной эпиграфики, которые «сегодня мы не можем точно прочесть или понять». Однако именно в это время начали составлять первые коллекции надписей.

Значимой личностью был и Поджо Браччолини. Он следует топографическому методу Петрарки, чтобы представить результаты его исследования древнеримских надписей. Но для него не главным был труд о римских древностях, хотя именно этим он и прославился. Его основные произведения охватывают период 1377 – 1431 гг., причем Браччолини затрагивает и удаленные от Италии земли.

Но, наверное, самым важным представителем был Флавио Бьондо. Его *Roma Instaurata* [Восстановленный Рим] (1444 – 1446) – это книга величайшего значения в истории исторической мысли, это топографический рассказ о древнем Риме, где описаны все памятники и здания. Автор использовал как литературные источники, так и информацию, почерпнутую из собственных прогулок. У Бьондо воображаемый, личностный контекст исчезает, но сохраняется образ Рима с точки зрения гуляющего по нему человека, хотя теперь он заполнен огромным количеством фактов. Физическое окружение представляет собой фон и стимул для рассказа этой истории.

Roma Triumphante [Триумфаторский Рим] (1453 – 1459) представляет собой отход от традиции Петрарки в том, что вместо пространственной реконструкции используется концептуальное восприятие. Каждая категория превращается в энциклопедическое обозрение римских общественных, частных, военных и религиозных дел. Бьондо уходит от повествовательной истории, начав тенденцию, которая приведет к значительным последствиям в следующие 300 лет.

Бьондо предоставил нам самое точное описание археологических «раскопок» Рима, дошедшее до нас из XV века. Эти раскопки проводил Альберти, и именно он для многих историков является воплощением антиквара, черпающего знания из непосредственного контакта с физическими останками прошлого.

Italia illustrata [Иллюстрированная Италия] (ок. 1453) была первым начатым Бьондо трудом и последним законченным. Информация в основном почерпнута из книг, но очевидно и личное знакомство Бьондо с топографией Италии. В книге присутствуют обсуждения обычаев местного населения.

Кроме физического пространства Бьондо также рассказывает о некоторых событиях, происходивших в этом пространстве, как он сам объясняет: «Этот труд не будет просто описанием Италии, это также каталог ее знаменитых и выдающихся людей и резюме немалой части итальянской истории». Безусловно, в этом труде ощущается влияние Петрарки в использовании воображения в отношении физического пространства. Однако Бьондо уходит все дальше от индивидуального вектора, и эта тенденция будет продолжаться у последующих авторов.

Третьей великой личностью этого времени был Кириак из Анконы, и, как это ни парадоксально, его величие возросло благодаря тому, что сохранились только фрагменты и копии его трудов. О среднем периоде его жизни (1435 – 1443) известно из двух обширных отрывков из его путевых дневников, напечатанных в XVII – XVIII вв. на основе сегодня утраченных рукописей и писем.

Письма Кириака исключительны. Кириака повсеместно считают родоначальником эпиграфики благодаря содержащимся в них рисункам. Есть свидетельства, что в 1660-х гг. была попытка свести воедино его данные о надписях, но нам неизвестно, существовала ли такая рукопись.

В Европе следующий шаг произошел почти на столетие позже. Иоганн Розинус издал свой труд о римской архитектуре в 1583 г., но в нем почти ничего нет от археологии, а небольшое количество иллюстраций происходит в основном из монет. Структура его труда полностью соответствует подходу ученых XVI в.

Наиболее важный момент в труде Розинуса – это его самосознание. Он прекрасно понимал свое место в изучении Античности, о чем и высказался в письме к герцогу Саксонскому.

Розинус объяснял, как он исследовал различные материалы, но все они вели к одному результату: исследование и воображение облегчают реконструкцию. Он также читал различных авторов.

Издатель Розинуса возлагал большие надежды на эту книгу. Он писал, что в будущем изучение древностей станет одним из свободных искусств.

Но, несмотря на все заявления издателя о новизне этой книги, сам Розинус, обращаясь к читателям, отталкивается от весьма знакомого основания – педагогики. Когда юные глаза читают Цицерона, они сталкиваются со многими терминами и идеями, которые нельзя понять без знания истории римлян. Соответственно, Розинус представляет собой новый поворот. Его книга – это пик развития тенденции Петrarки-Бьондо, кристаллизация такого представления о древностях, в котором тщательное и обширное чтение текстов в сочетании со знакомством с материальными свидетельствами прошлого используется для создания панорамы древнеримской культуры. В XIX в. такой подход получит большое распространение.

Однако труд Розинуса – это совершенно иной вид изучения древностей по сравнению с Италией, в котором больше внимания уделяется материальной культуре, а образы воспринимаются с точки зрения той информации, которую они могут дать.

И все же Розинус представляет одну из тенденций, которая корнями уходит к Бьондо и Петрарке и которая, ссылаясь на материальную реальность античного мира, на самом деле в значительной степени опирается на тексты.

Действительно, очень часто эти ученые подходили к артефактам с вопросами, почерпнутыми из текстов, и, хотя на эти вопросы нужно было отвечать по-новому и с новыми доказательствами, основой их все же были тексты. Но таким же новым было и столкновение с неким доселе неведомым и взятым из иного контекста артефактом.

Новый, визуальный поворот начали прежде всего Пирро Лигорио, а затем Онуфрио Панвинио, Джироламо Меркуриале, Фульвио Орсини и Альфонсо и Педро Чаконы. Все они представляют расцвет антикварианнизма под покровительством кардинала Александра Фарнезе.

По мнению некоторых историков, около 1600 г. упадок меценатства и узость Контрреформации препятствовали недавно зародившемуся

единству текстового и визуального материала. Но не стоит недооценивать тот факт, что люди в те времена осознавали силу предметов.

Считается, что *Roma Triumphante* Бьондо был настолько амбициозным, т.е. настолько новым, что никто не следовал его примеру в течение столетия. Но у Лигорио, практикующего архитектора и самоучки, в противоположность филологу и эрудиту, центральное значение приобретает художественный предмет (арт-объект). Именно Лигорио свел вместе текст и образ. У его подхода не было последователей.

Влияние Лигорио на его современников было огромным. Пример тому – труд Панвинио *Antiquitatum romanarum*, в котором книга 1 посвящена топографии, книга 2 – четырем видам учреждений: частным, общественным, религиозным и цирку, а книга 3 – *Imperii Romani extra urbem declaratio*. Книга 4 посвящена надписям, а книга 5 – хронологии.

Ученые круга Фарнезе предоставляют нам модель антикварной науки. Не следует обвинять антикварианизм в узости. На взгляд современных ученых, эти антиквары понимали науку как исследование культуры посредством визуальных образов.

Лучшим примером развития антикварианизма в ту область, которую позже назовут историей культуры, можно назвать Фабри де Пейреска. Он почти ничего не опубликовал при жизни. То, чем он пожертвовал в смысле глубины исследования, вполне компенсируется шириной, а в исследовании культуры широта – это ключевой момент. Он полагался на мастерство сравнения. Пейреск расширил практику нумизматов и филологов на другие материалы, места, времена и вещи. Сравнение для этого ученого, как и для других представителей его круга, открывало новые возможности для новых вопросов.

Если считать антикварианизм «филологией вещей» (этот термин придумал Август Бек в первой половине XIX в.), то становится ясной связь между историей культуры XVI, XVII и XVIII вв. Пейреск, который изучал прошлое, природу и людей, не был уникалом в Европе Раннего Нового времени. Он опирался на такие личности, как Улиссе Альдрованди, вдохновлялся Френсисом Бэконом, подражал Галилею и сам вдохновил Пьера Гассенди и Жакоба Спона.

Но от Пейреска можно прийти и к таким личностям, как Мабийон, история дипломатии которого основывалась на тщательном прочтении, но открывала более широкие горизонты социальных и политических изменений, и далее к Вико, который рассматривал историю как мифологию, Монтескье, который создал историю общества и социальных изменений на основе внимательного изучения юридической истории, Келюсу, Винкельманну, Гиббону и Дежерандо.

Долгую историю от Пейреска до Винкельманна можно назвать «эпохой антикваров». Ученые и в нынешнее время больше изучают предыдущий период, но для понимания того, как возникли новые методы исторических исследований и зародились историческая наука и история культуры, необходимо исследовать антикварианизм в эпоху Просвещения.

В эпоху Возрождения, как и в Средневековье, иногда проводили четкое различие между историей и «сказкой» (выдумкой). В своем «Методе легкого познания истории» (1566) Жан Боден критиковал итальянского историка Паоло Джовио за выдумки, а переводчики сравнивали труд Джовио с рыцарскими романами.

Историки Возрождения и их аудитория

В период Раннего Возрождения в Италии возник особый повествовательный жанр написания истории, являющийся предком многих современных исторических трудов. Историки Возрождения экспериментировали с исторической периодизацией, создав ту модель, по которой мы делим историю и сегодня. Самые лучшие исторические труды эпохи Возрождения демонстрируют критический подход, продолжающий быть основой современного написания истории. В эпоху Возрождения написание истории начали воспринимать как деятельность, подходящую для человека, ищущего личной славы и финансового благополучия. А распространение книгопечатания к концу XV в. обеспечивало новыми читателями и новыми источниками дохода.

Формальные литературные аспекты исторических трудов эпохи Возрождения не так заметны в современных работах, хотя они тоже не исчезли бесследно. Разделение труда на тома и главы остается в использовании современных авторов, хотя сегодня считается, что сегментация зависит от самого материала, ренессансные же авторы хотели сделать свой рассказ более удобным и пропорционально структурированным. В те времена действительно верили, что история может воспитать тех, кто ее читает, поэтому по всему тексту были разбросаны афоризмы, содержавшие моральную или политическую мудрость, а речи, приписываемые историческим деятелям, но составленные историками, собирали в отдельное издание для использования будущими государственными деятелями.

Историкам еще предстоит полноценно объяснить, каким образом в Италии Раннего Возрождения возникла новая манера писать историю. Еще в Средневековье борьба за верховенство между императором и папой вела к тому, что города-государства были материально заинтере-

ресованы в ведении хроник, записывавших прошлые союзы, привилегии, конституции и религиозные традиции и споры. Хроники францисканских монахов в Парме, например, предполагали некоторую степень объективности, ибо их писали независимые от коммуны люди, которые могли вынести суждение о современных событиях, но эти хроники не были критической историей. Свою роль внесла «черная смерть», особенно после своего возвращения в Италию 1361 – 1363 гг., когда стало понятно, что чума не была единовременной катастрофой, а явлением, которое надо учитывать при планировании будущего. Осознание хрупкости человеческого существования понуждало пытаться сохранить как можно больше его свидетельств.

Существование городской торговой культуры с развитой литературной традицией на народном языке, безусловно, было важным фактором в повышении внимания к истории. Во Флоренции в XIV в. сформировалась традиция написания семейных хроник на народном языке. В такие хроники записывали рождения, смерти, браки, занимаемые должности, имущественные дела, судебные решения, личную месть, кулинарные и медицинские рецепты, займы и долги, оскорбления и увечья. Эти хроники и семейные книги будут оказывать сильное влияние на ренессансную историографию начиная с середины XV в., но более непосредственное влияние, приведшее к ренессансной революции в написании истории, происходило из области латинской литературы. Написанные в подражание древним труды на латыни все еще были примерами повествования в духе Саллюстия, характерными для Средневековья, хотя в них уже чувствуется внимание к тому, чтобы изъясняться красиво.

Писавший в середине XIV в. Франческо Петрарка выражал уже совершенно иное отношение к истории. В таких произведениях, как «Африка» и биографический трактат «Книга о знаменитых мужах», Петрарка порвал с моделью, установленной историком Поздней Античности Орозием, чья «История против язычников» была самым популярным историческим текстом Средневековья. Если Орозий осуждал зверства Пунических войн как пример жестокости языческих времен, то Петрарка считал их самым героическим периодом Римской истории. Не разделяя идеи о том, что христианство улучшило положение людей в мире, Петрарка постоянно повторял, что эпоха упадка наступила либо после обращения Константина, либо после правления Тита, когда императоры неримского происхождения появились на троне. Собственные труды и исследования Петрарки, как он сам заявлял, будут касаться только Античности: «Ибо что есть история, как не по-

хвала Риму?». Так в Западной Европе родилась идея о том, что падение Римской империи стало более важным поворотным моментом, чем первый год от Рождества Христова.

Петрарка был великолепным критиком текстов. Его младший друг и корреспондент Колуччо Салутати привез этот интерес и умение во Флоренцию, где он стал канцлером. Салутати способствовал появлению греческих исследований во Флоренции, и именно чтение греческих историков, особенно Фукидида и Полибия, видимо, оказало решающее влияние на друга Салутати Леонардо Бруни, который напишет текст, ставший образцом для последующей ренессансной историографии.

Historiae Florentini populi [История флорентийского народа] Леонардо Бруни, начатая в 1415 и завершенная к 1442 г., оказала очень сильное влияние на современников. История Бруни, как и история Ливия, рассказывает о республике, расколотой международным конфликтом, которая стала великой, завоевав соседей. Латынь Бруни – это латынь Ливия.

Но на этом сходство заканчивается. Ливий сохраняет мифы и легенды, в которые, как он сам признается, он не верит, а Бруни сразу же заявляет, что касательно основания Флоренции он отвергает распространенные, но мифические представления, которые он даже не дает себе труда повторять. Бруни также исследовал источники Ливия. Когда его история приблизилась к более недавним временам, по которым больше не было летописей, он консультировался с записями канцелярии и частными бумагами флорентинцев. «История... требует одновременно длинного и связного рассказа, объяснения причин каждого конкретного события и публичного выражения суждения по каждому вопросу».

Периодизация истории Бруни разработана более детально, чем у Петрарки. Не теряя времени, «История» начинается заявлением о том, что Флоренция была основана на несколько десятилетий ранее, чем считалось до этого, т.е. не в период рождения Христа, ее основали римские ветераны, которые служили при Луции Сулле. Таким образом, для Бруни упадок Рима не развивался медленно, как у Петрарки, начиная с Тита или Константина, а был вызван вторжениями варваров. И там, где Петрарка всего лишь различал Античность и собственное время («темные века»), Бруни ввел еще один важный период, а именно 1250 год, для того, чтобы различать свое собственное, более удачливое время от периода германского доминирования. Для Бруни этот год начал новый период свободы после периода упадка и внешнего доминирования.

Первое использование термина «средние века» для описания промежуточного периода между Античностью и позднейшей Италией XV в.

принадлежит историку Флавио Бьондо из Форли. Среди прочего он составил географическое описание Итальянского полуострова – *Italia illustrata* [Иллюстрированная Италия] (1458, издана в 1474), в котором регион за регионом, город за городом объяснялась этимология названий и сообщалась краткая история каждого места. Свой главный труд – *Historiarum ab inclinatione Romanorum imperii decades* [Декады истории начиная от упадка Римской империи] Бьондо начал с разграбления Рима визиготами в 410 г. н. э. С исчезновением Римской империи закончился период мировой империи и начались средние века. С литературным умением и критической проницательностью Бьондо проследил истории правителей по всему полуострову, но он также уделил внимание и итальянской культуре.

Италия у Бьондо, будучи разделенной на множество государств, имела общее культурное наследие и географическую идентичность, и эта идея будет периодически возникать вплоть до XIX в. Столетие после Черной Смерти было отмечено подчинением сотен независимых коммун нескольким крупным, экспансионистским городам-государствам. Так, Милан при Висконти получил большую часть долины реки По и Геную, угрожая расшириться на юг в Тоскану и Папскую область. Между тем в 1442 г., в год завершения Бруни своей «Истории», король Арагона Альфонсо V завоевал Неаполитанское королевство, которое он объединил с Сицилией под правлением Арагона. Бруни и его последователи – историки Флоренции и других городов-государств восприняли новый критический подход к источникам, а их повествовательный стиль был более связным и красноречивым, чем язык средневековых хроник, однако их истории вряд ли были идеологически нейтральными.

«Историю» Бруни сегодня часто воспринимают как попытку легитимировать гегемонию Флоренции над другими коммунами Тосканы. Дж. Манетти составил историю подчиненного города Пистойи, которую он начал, когда управлял им в 1446 – 1447 гг., а завершил несколько месяцев спустя. Манетти высоко оценивает традиционные источники флорентийской истории, включая Данте и Виллани, которые Бруни отверг. Для точности Манетти консультируется с архивными документами и надписями, но знаменья тоже играют большую роль, и он не скрывает свой провиденциализм. Манетти призывает жителей Пистойи защищать свои права и привилегии, он даже нашел юриста, который мог бы представлять их в главном городе. Но его враги во Флоренции значительно повысили налоги, и он перебрался в Неаполь.

Неаполь при Альфонсо V стал крупным центром написания истории, в основном потому, что сам Альфонсо любил историю. При его

дворе работал Л. Валла, чья единственная повествовательная история посвящена отцу Альфонсо Фердинанду. Но самый значительный вклад Валлы в историческую практику заключается в критике античных и фальшивых средневековых текстов (таких фальшивок, как «Константинов дар»), в исследовании исторической эволюции языка и в переводах на латынь Фукидида и Геродота, которые оставались стандартом на протяжении столетий.

В Неаполе Валла участвовал в знаменитом споре с другим придворным гуманистом Бартоломео Фачио, касавшемся роли историка относительно его темы. Фачио утверждал, что роль историка – создавать памятники, чтобы увековечить великие дела и людей, но скрывать все то, что представляется неприемлемым.

Папская власть в территориальном смысле установилась лишь в 1490-х – начале 1500-х гг. при папах Александре VI, Юлии II и Льве X, который завоевал Урбино. Папская курия привлекала гуманистов со всей Италии, а двое из ее рядов – Николай V и Пий II – стали папами. Пий II сам написал историю Богемии, трактат «О Европе» (1453), который часто считается первым трудом по истории Европы, трактат о Германии, биографическое собрание *De viris illustribus* [О знаменитых мужах], сокращенную версию «Декад» Бьондо (1463) и, конечно же, знаменитые «Комментарии». В 1470-х гг. Бартоломео Платина, тогда префект Ватиканской библиотеки, переработал и дополнил многими источниками *Liber pontificalis*, написав свой интересный и местами скандальный труд *Vitae pontificum* [Жизнеописания пап].

Среди историков крупных итальянских государств историки Милана, наверное, имеют самый низкий рейтинг в глазах современных историков, и эту точку зрения стоило бы пересмотреть. В представлении многих историков Миланская школа не желала воспринимать изменения в качестве позитивного фактора, будучи одержимой идеей о золотой эпохе, которая должна вернуться в правление такого-то герцога. Однако, например, Б. Корио был одним из первых историков, кто осознал масштаб изменений, последовавших за французским вторжением 1494 г., а недавние исследования показывают, что он был гораздо более значительной личностью, чем тот придворный лакей, каким его изображают враждебно настроенные современные критики.

В Венеции была богатая традиция написания хроник, которая препятствовала развитию гуманистической историографии до середины XV в. Когда Бьондо в 1454 г. предложил себя дожу Франческо Фоскари в качестве официального историка, появился целый ряд других предло-

жений от видных граждан, включая даже Лоренцо Валлу. В конце концов задачу написания истории Венеции взял на себя в 1478 г. Бернардо Джустиниани, заявив, что моделью для него является Фукидид. Он оправдывал правление Венеции над ее морской империей и утверждал, что исключительное внутреннее согласие граждан Венеции между собой возлагает на них обязанность управлять другими народами, которым не так повезло.

Труд Джустиниани *De origine urbis Venetiarum rebusque ab ipsa gestis historia* [История происхождения и свершений города Венеция] был опубликован лишь посмертно, в 1492 г., а тем временем другой гуманист, не венецианец Маркантонио Коччио, известный как Сабеллико, смог сочинить, представить правительству и даже впервые в истории получить авторские права на свой труд *Rerum venetarum ab urbe condita libri XXXIII* [Тридцать три книги венецианских дел с основания города], который был опубликован в 1487 г. К 1488 г. он работал уже над вторым крупным историческим трудом, величественно названным *Enneades sive Rhapsodia historiarum* [Рапсодия истории в эннеадах от сотворения мира] (первая часть – 1498 г., вторая – 1504 г.). Он был написан в стиле Ливия, и помогало ему то, что материал, касавшийся того же периода, был удобно составлен и опубликован в 1485 г. в очень коммерчески успешной книге *Supplementum chronicarum* [Дополнение к хроникам] монаха-августинца из Бергамо Якопо Филиппо Форести. И труд Форести, и труд Сабеллико получили большой успех в XVI в. среди католиков и протестантов.

После смерти Сабеллико (от сифилиса) в 1506 г. у Венеции не было официального историка до 1516 г., когда на этот пост был назначен Андреа Наваджеро, но труды Наваджеро не сохранились, поскольку, когда он умер в 1529 г., черновик его истории сожгли по его просьбе. *Historiae Venetae libri XII* [История Венеции] (1551) кардинала Пьетро Бембо начинается там, где остановился Сабеллико, в 1487 г., и продолжается до 1513 г. – года избрания Льва X. Самый запоминающийся отрывок этой «Истории» – это описание нового развлечения в Венеции: лодочных соревнований, в которых все гребцы были женщинами.

Стиль написания истории, сформировавшийся в Италии около 1500 г., но отсутствовавший в Венеции, стимулировался французскими вторжениями 1494 и 1499 гг. и испанским вторжением 1502 г. В определенном отношении это было возвращение к написанию истории в манере Леонардо Бруни. Но в ней очень малую роль (если вообще какую-либо) играло божественное вмешательство. Вместо милостивого

Бога фортуна и случай стали играть новую, мощную роль, они как будто управляли теми вещами, которые не могли контролировать люди. В новых историях не было победителя – лишь битва за битвой, разграбление городов и очень много насильственных свержений режима.

Самые влиятельные историки «поколения 1500 г.» происходили из Флоренции, где меньше писали истории, чем можно было бы ожидать после нововведений Бруни. Растущая власть семьи Медичи, возвышение которой до фактически княжеского статуса началось в 1434 г., заставляла молчать плодовитых писателей Флоренции, когда дело доходило до рассказа о прошлой истории и недавних событиях. Для общественного пользования был создан ряд трудов в духе Саллюстиевой краткости, прославлявших семью, управлявшую городом, а самое интересное писалось privately, частным образом.

Но после французского вторжения и изгнания Медичи в 1494 г. написание истории во Флоренции начало разрастаться, как снежный ком. Флорентийская практика ведения частных записей, широкое распространение народного языка в дипломатии и начало записи законов на народном языке в 1494 г. стали теми факторами, которые внесли свой вклад в развитие написания истории на итальянском языке. «История Флоренции» Макиавелли была представлена Клементу VII в 1525 г., но опубликована была только в 1531 г., через 4 года после смерти автора. Макиавелли многое пишет о внутренней политике до 1434 г., но очень сдержан о Медичи в период с 1434 по 1492 г., на котором этот труд заканчивается.

Среди историков, принадлежавших к «поколению 1500 г.», можно назвать Пьеро Паренти, Франческо Веттори, Якопо Нарди и Филиппо де Нерли. Не флорентийского происхождения были историки Джироламо Борджиа, чей все еще неопубликованный труд *Historiae de bellis italicis* [История итальянских войн] был полезным источником для Гвиччардини, и Паоло Джовио, который смело отвечал на новые реалии, не роясь в их причинах, а расширяя поле повествования. Еще одним историком из 1500 г., хотя и переселившимся в Англию, был Полидор Вергилий. Хотя первые книги его «Истории Англии» соответствуют модели Бруни в своей критике средневековых легенд, описание Томаса Уолси в последующих книгах показывает, что автор хорошо ориентировался в реалиях XVI в.

Однако из всех этих историков именно Франческо Гвиччардини из Флоренции написал главный шедевр ренессансной истории. Удалившись от дел в последние три года своей жизни, Гвиччардини изобрел

формулу для наилучшего использования таланта историка, а также своего огромного опыта в папской администрации и на службе Медичи. Исследование Гвиччардини истории Италии было всеобъемлющим. Он консультировался с правительственными документами. Но самое главное то, что, поскольку он лично встречал многих героев своих трудов, он мог посредством описаний характеров в нескольких словах предоставить психологические причины тех решений, которые нельзя было объяснить простым анализом интересов и расчетом. Историк становился властелином огромной паутины, понемножку открывая читателю направление ее нитей и точки соприкосновения.

Долгое время считалось, что «История Италии» Гвиччардини представляла собой окончание Ренессанса, а последующие итальянские исторические труды описывали как нечто иное, обычно используя слово «барочный». Однако с течением времени ярлык «барочный» все больше теряет свою специфичность. Особенно это справедливо в отношении итальянской истории, так как шедевры конца XVI – начала XVII в. явно имеют ренессансную родословную, идущую от Бруни, Макиавелли и Гвиччардини.

Многие читатели в Северной Европе, которые покупали итальянские труды в оригинале и в переводах, по-видимому, понимали, что они покупают произведения традиции написания истории, идущей от итальянского Ренессанса. Среди книг, успешных в Северной Европе, можно назвать «Историю моего времени» (1550 – 1552) Паоло Джовио, «Историю Италии» Гвиччардини, «Историю Тридентского собора» (1619) Паоло Сарпи, «Историю гражданских войн во Франции» (1630) Энрико Катерино Давилы и «О Фландрской войне» (1633 – 1639) Джудо Бентивольо. В своем эссе 1660-х гг. «Об активной и созерцательной жизни» граф Кларендон особо выделяет Давилу и Бентивольо, в то же время отвергая тяжеловесный труд великого голландца Гроция «Анналы и история нидерландских войн» (1621). Он называл обоих историков «по праву стоящими бок о бок с лучшими из древних... Обе их истории великолепны и научат самых способных и мудрых людей, как писать, и предостерегут их от писания».

Источники

Лоренцо Валла. О подложности Константинова дара

Юст Липсий. О библиотеках

Франческо Гвиччардини. Семейная хроника

Франческо Гвиччардини. Заметки о делах политических и гражданских

Франческо Гвиччардини. Воспоминания о себе самом

Уолтер Рейли. Описание Гвианской империи
Кристина Пизанская. Книга о граде женском
Генрих Корнелиус Агриппа. Речь о достоинстве и превосходстве женского
пола

Литература

Биск, И. История исторической мысли в новое время. – Иваново: ИвГУ, 1983.

Вайнштейн, О. Западноевропейская средневековая историография. – М. – Л.: Наука, 1964.

Гринин, Л.Е. Теория, методология и философия истории: очерки развития исторической мысли от древности до середины XIX века. Лекция 5. Период раннего Возрождения (конец XIV – начало XVI в.) <http://www.socionauki.ru/journal/articles/128791/>

Итальянские гуманисты XV века о церкви и религии / сост. М.А. Гуковский. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963.

Йейтс, Ф. А. Джордано Бруно и герметическая традиция. – М.: Новое литературное обозрение, 2000.

Кроче Б. Теория и история историографии. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.

Липсий Ю. О библиотеках. – СПб.: СПбГУКИ, 2013.

Новикова, О. Э. Политика и этика в эпоху религиозных войн: Юст Липсий (1547 – 1606). – М.: РХТУ им. Д. И. Менделеева, 2005.

Прохорова, Л.Д. История исторической науки: учеб. пособие. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2010.

Репина Л., Зверева В., Парамонова М. История исторического знания. – М.: Юрайт, 2013.

Смирин, М. М. Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии: Очерки из истории гуманистической и реформационной мысли. – М.: Наука, 1978.

Успенская, В. И. Теоретическая реабилитация женщин в произведениях Кристины Пизанской http://sbiblio.com/biblio/archive/uspenskaja_teor/

Эльфонд, И. Я. «Восхваление города Флоренции» как источник для изучения историко-политической концепции гуманиста Леонардо Бруни // Проблемы всеобщей истории. – М.: Наука, 1976. – С. 286 – 305.

III. ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ В XVII – НАЧАЛЕ XIX в.

Традиции написания истории в XVII в.

Кризис XVII века. Термин «кризис сознания» в отношении европейской мысли конца XVI в. ввел Поль Азар. В это время формировалось недовольство использованием риторики в исторических трудах и в особенности выдуманных речей. Венецианский монах Паоло Сарпи исключил речи из своей «Истории Тридентского собора» (1619), и это решение тем более примечательно, что произнесение речей было одним из главных видов деятельности собора.

Но еще сильнее звучала критика исторического знания, формировавшаяся в течение эпистемологических споров XVII в. Обсуждение исторического скептицизма, или «пирронизма», переросло в международный формат и продолжалось в XVIII в.

Проблема заключалась в том, что историческое знание не смогло соответствовать строгим стандартам истинности, и в частности эпистемологическим стандартам, сформулированным Рене Декартом. Проблема с выдумками и сказками состояла в том, что они заставляют человека представлять возможными те события, которые таковыми не являются. Декарт указывал на губительные последствия следования традиционному принципу «благородства истории».

Декарт привлек внимание к связи между содержанием и формой, подняв ключевую проблему критериев, согласно которым историки отбирают или отбрасывают информацию. Подрыв того, что Декарт метафорически называл «великим зданием истории», продолжили Ла Мот Ле Валье и Бейль.

Франсуа Ла Мот Ле Вайе, представитель группы т. наз. *libertins érudits* [либертины] в Париже – почитателей Мишеля де Монтеня, написал «Рассуждение об истории» (1638), позже расширенное и изданное под названием «О неопределенности в истории» (1668). Он указывал на противоречия между различными рассказами об одном и том же событии, например, битве при Павии.

К началу XVIII в. споры об историческом знании вовлекли ученых и мыслителей Нидерландов, Англии, Италии, Испании и особенно Германии. Они касались прежде всего двух основных проблем: предвзятости и фальсификации.

В свое время античных историков (особенно Геродота) иногда критиковали за искажение истины, и эта критика возобновилась в период Возрождения. Общая проблема, которую иллюстрирует такой критицизм, – это проблема пристрастности, или предвзятости.

Обвинение в предвзятости может относиться к сознательному манипулированию, но также этот термин часто используется в отношении того, что наши чувства и интересы не позволяют нам видеть дальше нашей собственной веры, нации или политической партии. В этом значении термин начал применяться в XVII в. (виги против тори в Англии).

В унисон с Монтенем ученый Габриэль Ноде отмечал, что историки, «за исключением тех, кто является настоящим героем», никогда не изображают вещи такими, каковыми они являются; они «искажают их и маскируют согласно тому образу, который хотят создать». Каким было бы наше сегодняшнее представление о Пунических войнах, риторически спрашивал Ла Мот, если бы у нас был доступ к карфагенской точке зрения, а не только к римской?

Обращение к античным авторам скрывало под собой обеспокоенность современными примерами. Ла Мот критиковал Пруденцио Сандовалю, официального историка Филиппа III, за «клевету» и «пристрастность», например, когда тот приписывал доблесть только испанским войскам в столкновениях с французами.

Одним из читателей, которому понравились нападки Ла Мота на Сандовалю и других авторов, был философ-скептик Пьер Бейль: «Как же мне нравится, когда кто-нибудь высмеивает предвзятость историков, – писал он. – Нет большего обмана, чем тот, который можно создать из исторических памятников». «Вряд ли я читал историка, который намеревался бы открыть то, что произошло, – признавался Бейль, – я только узнавал, что говорят в каждом государстве и в каждой партии».

В Германии Готфрид Вильгельм Лейбниц, который тоже сочетал интерес к философии и истории, размышлял над проблемой предвзятости и выделял три ее вида: «из продажности», как в случае Джовио; «из амбиций», как в случае французского историка Сципиона Дюплекса; и предвзятость, присутствующая в самих источниках. Немецкий ученый Менкен писал: «Аммиан Марцеллин и Монтанус называют Юлиана образцом добродетели; другие считают его порочным чудовищем. Дион осуждает деяния Брута и Кассия; Плутарх превозносит их. Для Патеркула Сеян – приятный человек; многим другим он ненавистен».

Проблема предвзятости часто обсуждалась в религиозном контексте. Замечания Бейля были вызваны публикацией антикальвинистской

истории кальвинизма, появившейся незадолго до того, как Людовик XIV решил изгнать протестантов из своего королевства. Немецкий протестант Готфрид Арнольд оскорбил почти всех тем, что он назвал «беспристрастная история христианства», в которой он пытался быть справедливым и к ортодоксам, и к еретикам.

Вольтер не сказал ничего радикально нового, он лишь резюмировал более чем столетний спор в своем эссе «Исторический пирронизм» (1769), где рассуждал о предвзятости вигов против тори и римских историков против Карфагена. Будучи Вольтером, он не мог не высказать пожелания о том, что он хотел бы почитать мемуары Понтия Пилата.

Проблема предвзятости особенно остро стояла в XVII в. из-за множества религиозных войн и формирования централизованных государств. Яркий пример представляет дело т. наз. «Ангальтской канцелярии». Сторонники императора и противники Фридриха Пфальцского после его поражения при Белой Горе в 1621 г. тут же создали памфлет под названием «Ангальтская канцелярия» для того, чтобы переложить вину на своих врагов. Затем протестанты захватили курьера императора с бумагами и издали памфлет под названием «Испанская канцелярия», в котором винили Габсбургов. Существовали ли курьеры и документы, неизвестно, но сама технология заслуживает внимания.

Эти обстоятельства поощряли возникновение официальной истории. Ассамблеи, например голландские Генеральные штаты, и религиозные ордены, например иезуиты, заказывали отчеты о своей деятельности. Джеймс I (Яков I) нанял Кэмдена, Людовик XIII – Сципиона Дюплекса, а Людовик XIV – Буало и Расина. Сведения о заказных историях и давление на историков для того, чтобы они изобразили своих хозяев в наилучшем виде, порождали скептицизм в отношении более ранних рассказов о прошлых событиях.

Второй спор касался еще более важных вещей, чем предвзятость. Как мы видели, гуманисты Ренессанса уже разоблачили ряд подложных документов, но и новые тоже создали. Но критики XVII в. были более серьезными в оспаривании аутентичности все большего количества текстов, включая и те, которые являлись основополагающими в классической и христианской традициях.

Например, французский ученый-протестант Исаак Казобон показал, что т. наз. герметические труды, приписываемые египетскому мудрецу Гермесу Трисмегисту, были написаны после Христа, а не до него. История, приписываемая Санхуниатону, и даже записи понтификов Рима пали жертвой критиков.

Одним из главных аргументов, использовавшихся этими критиками, было обвинение в анахронизме; это было новое слово в XVII в. Казобон, например, указывал, что в герметических трудах упоминается скульптор Фидий, который жил спустя столетия после того, как эти тексты предположительно были написаны.

Те же критерии использовались и в отношении Библии. Были также поставлены под сомнение, прежде всего ученым-кальвинистом Жаном Дайе, некоторые труды, приписываемые отцам церкви.

Французский иезуит по имени Жан Ардуэн даже заявил, что большинство классических текстов – это подделки. Монастыри в Корбее, Флери и Боббио были центрами «заговора» по созданию фальшивок, а главным периодом фальсификаций было время с XIV по XVI в.

Религиозные противоречия XVII в., такие как борьба между янсенистами и иезуитами, порождали скептицизм. В случае Ардуэна сейчас видят патологию, сегодня его назвали бы параноиком, ведь он верил в заговор по созданию поддельных документов, но это всего лишь экстремальный пример общей тенденции.

Пример Ардуэна показывает, что эти конкретные проблемы могли иметь накопительный эффект. Растущее количество того, что считалось настоящей историей – основание Рима Ромулом, жития некоторых святых, основание французской монархии Фарамондом, – теперь отметалось как выдумка. Все подвергалось сомнению. Существовал ли Ромул? Происходила ли Троянская война или это просто сюжет произведения Гомера?

Истории происхождения народов особо подвергались критике. Ученый-протестант Самуил Бохарт называл глупостью идею происхождения французов и других народов от троянцев. Следуя Декарту и его систематическому мышлению, некоторые ученые шли еще дальше, по крайней мере в своих экспериментальных идеях. Они спрашивали, например, существовал ли Август и происходила ли в реальности осада Ла-Рошели.

Историкам нужно было либо искать ответ скептикам, либо уходить от дел. Один из очевидных выходов из кризиса оказался тупиком, и так его и воспринимали некоторые ученые этого периода. Пьер-Даниэль Юэ, например, пытался установить истинность христианства как исторической религии на основании аксиом следующего рода: «Всякое историческое произведение истинно, если оно рассказывает о том, что произошло, в соответствии с тем, как об этих событиях рассказывают во многих книгах, современных или более или менее современных рассказываемым событиям». Это т. наз. геометрический метод.

Шотландский теолог Джон Крейг сформулировал «Правила исторических доказательств» (1699) в форме аксиом и теорем. Как указывал Николя Фрере в начале XVIII в., Крейг гнался за иллюзией совершенной уверенности, которую невозможно найти в морали, политике и истории.

Более продуктивным методом был акцент на оригинальных документах. У критики документов была и позитивная, и негативная сторона. Самой систематической работой, посвященной средневековым документам, стал трактат Жана Мабийона *De re diplomatica* [О науке дипломатии] (1681). Труд Ле Клерка *Ars Critica* [Искусство критики] (1697) установил правила критики классических и библейских текстов.

Техника, разработанная Мабийоном и другими, стала называться «критикой источников». Близка к ней и идея оригиналов, прозвучавшая в гордой фразе Бернара де Монфокона в предисловии к его истории французской монархии: «Я составил эту историю на основе самих оригиналов».

В XVII – XVIII вв. в языке историков все больше появляется упоминаний «доказательств», «аутентичности», «свидетельств» и т.п. Труд Томаса Шерлока «Суд над свидетелями воскрешения Христа» (1729) был представлен как судебное дело, а иезуит Анри Гриффе произвел обширное сравнение между задачами историка и задачами судьи.

Свидетелей нужно было опрашивать, и некоторые историки, например, Якоб Перичоний в своем труде *Animadversiones historicae* [Истина истории] (1685), предложили правила для распознавания предубежденности, предположив, что надежность текста в качестве источника зависит от возраста, национальности, образования и характера автора. Он проводил различие между ненадежными писателями, такими как Луи Мэмбур и Антуан Варийас, и надежными историками, такими как Фукидид и Коммин.

Еще одним ответом скептикам было обращение к относительно надежным свидетельствам материальной культуры, прежде всего это надписи, монеты и медали. Монфокон, например, писал о ковче из Байе и дополнил рассказ иллюстрациями. Надписи, монеты и медали, конечно, можно было подделать, но в отношении текстов можно было выработать правила для определения подделок, и итальянский ученый Шипоне Маффеи написал *Ars Critica Lapidaria* [Искусство краткой критики] (1765). Таким образом, спор со скептиками имел неожиданные последствия: он побудил историков все больше использовать нелитературные источники не только при изучении античной истории, но и при изучении Средневековья.

Еще одним ответом пирронизму было то, что позже назовут «реабилитация мифа». В своем труде «Происхождение сказок» Бернар де Фонтенель описывал греческую мифологию (которую он сравнивал с китайской и американской, т.е. с мифами инков) как набор фальшивок, но он также отмечал, что сказки были и историей, и философией той «грубой эпохи».

Дж. Вико был скептиком в том смысле, что он считал все рассказы о происхождении народов ненадежными, за исключением иудейских преданий. Но, если Бейль читал историков в поисках доказательства их предвзятости, то Вико читал миф в поисках доказательств меняющейся ментальности. Понимание мифа как философии и истории детства человечества станет общепринятым в XIX в., особенно среди немецких романтиков.

Наиболее активные выступления против пирронизма относятся к концу XVII – началу XVIII в. Локк писал, что есть утверждения, с которыми нельзя не согласиться, потому что они очевидны: «в Италии есть город Рим; там около 1700 лет тому назад жил человек по имени Юлий Цезарь; это был полководец, который одержал победу над другим полководцем по имени Помпей».

Как и Локк, Герхард Патье (как и его научный руководитель Фридрих Берлинг) в своей диссертации «Исторический пирронизм» (1707) различал уровни уверенности и вероятности в истории; всего их было три: максимальный (Юлий Цезарь существовал), средний (причины отречения Карла V) и минимальный (проблема виновности Марии Стюарт в убийстве ее мужа или планы Валленштейна перед его убийством).

Фрере в своей критике исторического пирронизма опирался на различия между «различными степенями вероятности». Фрере хорошо осознавал склонность устной традиции вносить изменения в рассказ, и он наделял ее меньшей степенью надежности, чем тексты, но в то же время защищал ее.

По крайней мере к середине XVIII в. кризис исторического сознания считался решенным. С точки зрения ученого, заслуга скептиков заключалась в том, что они подталкивали историков к тому, чтобы различать степени вероятности, формулировать практические правила для критики разных типов источников и подвергать сомнению пустые догадки о скрытых мотивах в духе тайных историй.

Кризис пирронизма имел последствия не только в области исторических знаний. Для некоторых ученых разница между историей и художественным произведением была ясной и понятной, и поэтому назвать

коллегу «писателем романов» означало отвергнуть его труд. Однако некоторые считали, что историк может кое-чему научиться у авторов романов. Даже Лейбниц хотел, чтобы в исторических трудах было «немного от романа», особенно когда обсуждаются мотивы.

Авторы т. наз. тайных историй – новый жанр, который распространился в конце XVII в. – наверняка предоставили Лейбницу то, что он хотел. Название «тайная история» произошло от византийского историка Прокопия, чьи рассказы об императрице Феодоре были опубликованы в 1623 г. Такие истории, как сегодняшняя колонка сплетен, приоткрывали завесу над интимным миром.

К самым знаменитым французским тайным историям относятся два исследования Флоренции при Медичи «Флорентийские анекдоты, или Тайная история дома Медичи» (1685) Варийаса и «Тайная история заговора Пацци» (1697) Ю. Ленобля.

Тайная история, помимо прочего, была ответом на недостатки гуманистической истории, написанной в высоком стиле и выводящей на первый план высокие мотивы и эффективность политических и военных лидеров. Авторы тайных историй, со своей стороны, заявляли, что у великих событий есть мелкие причины. Об этом на общем уровне рассуждал в своем эссе писатель Сен-Реаль и великолепно суммировал Паскаль в своей эпиграмме: «Будь нос Клеопатры чуть покороче, облик Земли стал бы иным». Было очевидно, что официальные историки не говорят всей правды.

Неофициальных историков, писавших тайные истории, иногда с большей или меньшей степенью презрения называли журналистами или романистами, а связь между всеми этими тремя жанрами была очень тесной. Некоторые журналисты (термин появился как раз в это время) также писали истории в формате книги.

Хотя понимание расхождения между разными рассказами об одном и том же событии не является чем-то новым (можно даже привести в пример четыре Евангелия), оно наверняка обострилось с появлением журналов, так как разные рассказы об одном событии могли быть опубликованы в разных газетах в один день или в одной газете в последующие дни по мере того, как появлялась новая информация.

В то время как некоторые журналисты и историки создавали полухудожественные труды, писатели художественной литературы приближались к истории. В Англии Дефо писал и художественную литературу, и тайную историю, а «Тайную историю королевы Сары» Мэнли можно назвать вкладом в оба этих жанра.

В конце XVII в. также зарождается жанр исторического романа не просто как истории, происходящей в прошлом, а такой, в которой действуют реальные люди и которая предлагает интерпретацию исторических событий. Известный исторический роман того времени – «Мария Стюарт» (1675) Пьера де Буагильбера.

В то время как написание романов подвергалось нападкам со стороны моралистов за ложь и разжигание страстей, Никола Ленгле Дюфрениуа, который работал по обе стороны границы между историей и художественной литературой, утверждал в работе «Польза романов» (1734), что «несовершенство истории должно заставить нас уважать романы», которые не заявляют претензий на истину и предоставляют должное место женщинам, «едва появляющимся в историях», несмотря на их существенную роль в «великих делах». Но он осуждал наглость тех авторов, которые публикуют якобы мемуары, которые на самом деле являются «смесью истины и выдумки».

С конца XVII до конца XVIII в. выдуманные мемуары были модным литературным жанром во Франции, можно привести в пример «Мемуары г-на д'Артаньяна», которые вдохновили Александра Дюма, и мемуары сестер Манчини, близких юному Людовику XIV (мемуары Гортензии Манчини мог написать Сен-Реаль). А «Дневник чумного года» Даниэля Дефо тогдашние читатели воспринимали как исторический труд, и в XIX в. его продолжали цитировать в качестве исторического источника.

Другими словами, в то самое время, когда ученые все больше внимания уделяли отделению фактов от вымысла, другие писатели успешно пытались размыть жанры. Взаимосвязь между историческим трудом и художественным произведением – это давний феномен, существующий с Античности до наших дней.

Написание истории в Италии в XVII – XVIII вв. Разнообразие было отличительной чертой итальянского полуострова в Раннее Новое время. Гегемония иностранных государств, а именно Испании в Южной Италии и Австрии на севере, а также открытие культурной среды для взаимодействия с зарубежными культурными моделями внесли свой вклад в усиление региональных интеллектуальных особенностей в таких регионах Италии, как герцогство Савойское, республики Венеция и Генуя, и таких небольших политических единицах, как Лукка, где, по крайней мере формально, сохранялась политическая независимость. Частные библиотеки могущественных римских кардиналов были гораздо более важными местами для тех, кто путешествовал в Рим, чем официальные учреждения высшего образования.

Развитие интереса к прошлому в Италии XVIII в., выразившемся в исследованиях и в повествовательных текстах, наиболее понятен, если рассматривать его на этом фоне, в котором отражалось культурное разнообразие Италии. Такие факторы, как сильное центральное правительство, увеличение количества читателей из среднего класса и интерес к свободным религиозным спорам могут объяснить рост количества исторической литературы в таких европейских странах, как Франция и Англия, но их недостаточно для объяснения появления такого большого количества разнообразных исторических трудов в итальянских государствах. Разнообразие подходов и начинаний и контраст между конкурирующими подходами ошибочно понимается как отсутствие оригинального вклада Италии в общеевропейскую дискуссию об истории. В классических трудах по историографии итальянские историки конца XVII – XVIII в. едва упоминаются, а современные исследования следуют такой же модели. Напряженные отношения между эрудицией и философией, между кропотливым фактическим исследованием по узкой теме и пониманием ряда событий, соединяющих настоящее и прошлое, приводят нас к тем проблемам, с которыми сталкивались итальянские интеллектуалы в XVII в., вырабатывая свой подход к прошлым событиям.

Историческая эрудиция была частью исторической культуры в Италии с зарождения гуманизма. В период Возрождения в Италии наблюдалось развитие антикварианизма параллельно с великими историческими достижениями Макиавелли и Гвиччардини. Главной чертой трудов Контрреформации был религиозный, идеологический и политический подтекст. Если историк представлял на своих страницах значимую информацию о прошлом, он должен был получить одобрение церковной и гражданской властей и при необходимости должен был по-новому интерпретировать свои открытия в соответствии с преобладающей интеллектуальной атмосферой и своей политической и религиозной приверженностью. Кроме того, правители и республики, как правило, ограничивали доступ к своим архивам, где хранились важные документы по международным отношениям. Несмотря на очевидное обилие документов и памятников с очень длинной историей, итальянская культура была неспособна угнаться за развитием антикварианизма в Голландии, Англии и особенно во Франции, а вот противоречия и недостаток исторических книг становились все более и более очевидными.

Большинство итальянских эрудитов в конце XVII в. с болью осознавали, что их методологию в отношении точности превзошли достижения французских монашеских орденов, посвятивших себя выработке

новых технологий в области дипломатии, сфрагистики, нумизматики и хронологии. Б. Монфокон и Ж. Мабильон посещали Италию и встречались с антикварами в разных городах, куда они прибывали для посещения библиотек и поиска манускриптов и кодексов в монастырях и хранилищах. Пересмотр истории церкви, бывший очевидным следствием их нового подхода к прошлому, был источником беспокойства для римской иерархии, и антикварианизм всегда оставался сомнительным подходом, поскольку на первый план выводил умения человека в установлении истины о прошлом, а не уважение к традиции, выработанной церковью. Тщательное изучение источников ассоциировалось с критическим подходом, легко перерождаясь в неодобрение практик «народной набожности», распространявшей поклонение святым, реальное существование которых было сомнительно, веру в чудеса, не подтвержденные прочными доказательствами, и признание властных отношений, основанных на фальшивых документах. Итальянские эрудиты начала XVIII в. знали, что, давая волю своему интересу к прошлому, они ступают на тонкий лед.

Главным представителем итальянского антикварианизма XVII в. был Лодовико Антонио Муратори. Его биография и научные труды показывают, что карьера ученого означала и участие в религиозных спорах. Священник, большую часть жизни бывший библиотекарем и приходским священником в Модене, Муратори хорошо осознавал прогрессивный характер нового антикварианизма. Он рано постиг опасности критических исследований уже в период, когда начал исследование истории Милана с Поздней Античности до Средневековья. Священные реликвии и железная корона из Монцы, в которой якобы находился гвоздь из креста, на котором распяли Христа, были предметами его первых трудов, и в них он сделал серьезную попытку отвергнуть легенды и фальшивую информацию на основе эмпирических данных. Изучение общественного права Священной Римской империи предоставило ему возможность защищать своего герцога в споре о Комаккио начиная с 1708 г. и развить свои взгляды на прошлое в переписке с Лейбницем.

Но эрудиция, несмотря на свое значение, была лишь предпосылкой к новому пониманию прошлого. Муратори привлекала проблема исторической методологии. Муратори считал, что разум может подкрепить *fides historica*, основанная на правильном понимании памятников прошлого и на принципе не противоречия между документами. Несмотря на свои частые разногласия с Римом, Муратори стал живым свидетельством того, что просвещенный католицизм возможен.

Через несколько лет после публикации «Размышлений о хорошем вкусе» (1708), в 1710-х гг., Муратори планировал опубликовать оригинальные тексты хроник, что расширило бы знания о местной истории. *Rerum Italicarum Scriptores* [Источники по итальянской истории] (первый том опубликован в 1723 г., последний – в 1738 г.; 24 тома охватывают период с 500 по 1500 г.) стал прорывом в издании средневековых авторов, тем более что исследования до этого концентрировались на хрониках XV в. *Rerum Italicarum Scriptores* был не просто полезным собранием источников. Муратори ясно дал понять, что он намеревается развивать «гражданскую историографию» в качестве альтернативы узкому пониманию итальянской истории как следствия правления церкви и показать, что современный период является более цивилизованным и более счастливым или, по крайней мере, менее порочным, чем прошлые времена. Размышление об итальянской истории в терминах культурной истории Средневековья было новаторским и смелым предприятием, характеризовавшим споры XVII в. о национальной идентичности с точки зрения отношений между гражданским правительством и католической церковью и повлиявшим на романтические представления о Средневековье.

Сбор, критический анализ и интерпретация документов – главный вклад Муратори в пересмотр методологических основ итальянских исторических исследований. Несмотря на его усилия писать «гражданскую историю», т.е. историю светских институтов, исключая церковную историю, он не смог преодолеть фрагментацию, присущую анналистскому подходу, и в конечном счете не мог свести богатство информации в связный текст. Муратори провел большую часть жизни в качестве библиотекаря и архивариуса герцога д'Эсте, но сумел создать целую сеть эрудитов по всей Италии. Его корреспонденция показывает, что Муратори быстро стал центром расширявшегося кружка местных историков, заинтересованных в критическом подходе к прошлому, пропагандируемым Муратори. «Школа Муратори», которая сочетала научную точность, католицизм и понимание реформистских стратегий в политике, распространилась в Италии и на Габсбургских территориях, превратив частных эрудитов, а также и представителей духовенства и монашеских орденов в дотошных и увлеченных антикваров, собиравших эпиграфику, монеты, рукописи и мемуары и заложивших основы для пересмотра итальянской истории. Но эрудиция в основном была делом частным.

В этом контексте Шипионе Маффеи был первым антикваром, который оригинально доработал технологию Мабильона и значительно рас-

ширил его достижения. Маффеи, сильная личность с ясными взглядами на итальянское прошлое и на то, как реформировать экономику и правительство в Италии, считал важным собирание и издание памятников римской эпиграфики (он расширил музей-лапидарий в Вероне, где были собраны камни с надписями) и опубликовал *Verona illustrata* [Верона в объяснениях] (1732), в которой история города приобрела новое измерение, поскольку Маффеи включил в свое повествование данные, открытые эрудитами-исследователями.

Гордость за свой город действительно была мотивирующей причиной для некоторых историков – последователей Муратори. Джован Баттиста Карузо молодым человеком отправился в Париж и познакомился с методами французских мавристов в 1690-х гг. Если Муратори концентрировался на Средневековье, то Карузо и большинство сицилийских эрудитов особенно интересовались доримским прошлым. Антикварные исследования считались средством для того, чтобы доказать, что местная идентичность может похвастаться длительной преемственностью с незапамятных времен циклопов и сикан – первых обитателей Сицилии. Сочетание современного антикварианизма, пример чему – книга Торремучцы «Древние надписи в Палермо» (1762), и преданности идеологическим потребностям местного правительства способствовало исследованиям, но также и создавало возможности для подделок. Самым смелым и успешным был мальтиец Джузеппе Велла, который составил документы, якобы датирующиеся XI в. и доказывавшие неизменное арабское влияние на общественное право Сицилии. Родившийся в известной маронитской семье в Триполи священник Симоне Ассемани стал самым известным арабским экспертом в Италии и разоблачил Веллу. Джованни Бернардо Де Росси, профессор восточных языков в Пармском университете, внес большой вклад в иудаистику – поле исследования, которое теологи Контрреформации не одобряли. В *Variae lectiones Veteris Testamentis* [О различных версиях Ветхого Завета] (1784 – 1788) он собрал и систематизировал варианты иудейских текстов Ветхого Завета.

Антикварианизм можно было использовать для решения практических проблем. Такова была цель другого последователя Муратори – Филиппо Арджелати, который опубликовал новаторское в истории Италии собрание трактатов о монетах *De monetis Italiae* [О монетах Италии] (1751 – 1752), написанных различными эрудитами начиная с Позднего Средневековья. Удивительно, что в этом антикварном пересмотре итальянской истории отсутствует анализ Римского периода. В XVIII в.

акцент был не на римское правление, широко был распространен антироманизм. Комментарий Франческо Алгаротти к труду Монтескье «Размышления о причинах величия и падения римлян» (1721) был не оригинальным исследованием, а концентрировался на противоречивых отношениях между религией и политикой, в частности Юлий Цезарь преподносился как символ макиавеллиевской стратегии манипулирования религиозными верованиями низших необразованных классов.

Интересная версия отношения к этому неримскому прошлому Италии оформилась в Тоскане, где изучение древностей переживало период оживления. Основывались или восстанавливались библиотеки, музеи, архивы и академии, благодаря чему станут возможны исторические исследования. Главной чертой был интерес к исследованию истории этрусков, основывавшийся на публикации Томаса Демпстера *De Etruria regali* [О Королевской Этрурии] (1723) и на *Tabulae Iguvinae* [Игувинские таблицы], тексте на умбском доримском диалекте, выгравированном на бронзовых табличках, найденных возле Губбио в 1444 г. Антикварные методы использовались для доказательства достоинства и значения Тосканы, независимой от римского доминирования. После открытия Геркуланума в 1738 г. исследователям представилась новая возможность реконструировать цивилизацию без помощи письменных источников.

В конце XVII – начале XVIII в. большая часть правящей элиты получала образование в иезуитских коллегиях, пока орден не изгнали, а затем не распустили в 1773 г. До 1747 г. историю преподавали как составную часть программы, основанной на преподавании латинской литературы и римской истории. Ортодоксальность и приведение примеров добродетелей, адаптированных к католическим требованиям, были главным направлением, а оригинальные исторические исследования в иезуитских коллегиях не поощрялись. Самым ярким исключением была «История итальянской литературы» (1772 – 1781) Джироламо Тирабоски, которая переросла в историю итальянской культуры от времен греков и этрусков до XVIII в. и которая рассказывала «о происхождении и развитии всех наук в Италии».

Как и в остальной Европе в начале XVIII в., в Италии всеобщая история была важной составной частью высшего образования, преимущественно организованного монашескими орденами, и это была та область, в которой сталкивались между собой конкурирующие представления о человеке и мире. Европейские споры о хронологии мира в основном были отвергнуты итальянской культурой. «Историческая

карта мира» (1690 – 1694) иезуита Антонио Форести, преподавателя во многих коллегиях для аристократии в Северной Италии и прежде всего в *Seminarium nobilem* в Парме, воплощала ортодоксальный взгляд на всеобщую историю. Она так хорошо соответствовала общим убеждениям того времени, что венецианский издатель Джироламо Альбрицци издал ее в качестве первой части более обширной всеобщей истории, завершающейся томами по истории европейских государств, ислама и Китая. В таких обстоятельствах вряд ли было место для новаций в жанре всеобщей истории. Пример такой традиционности и прославления Бога – «Всеобщая история» (1681) Франческо Бьянкини, римского библиотекаря. Он стремился обнаружить, что скрывает историческое содержание мифов о тех эпохах, для которых нет письменных источников.

Самой оригинальной попыткой новой интерпретации всеобщей истории и ответом Декарту и пирронизму стали труды Джамбаттисты Вико, и прежде всего «Новая наука» в ее трех версиях (1725, 1730, 1744; последняя осталась неопубликованной), которая придала систематическую форму его обширным познаниям. Вико ограничил роль провидения (*historia sacra*) историей иудейского народа и считал, что об истинном течении событий дает понятие филология – главное основание для истинного понимания человеческой природы в истории. История – это область человеческого знания, потому что социальная деятельность – это то, чем и заняты люди. Посредством своего весьма новаторского и образного анализа римского права и языка Вико утверждал, что течение истории основывается на народах и проходит стадии богов, героев и людей, а это метафорически подразумевает различные формы культуры. Правительство в теократии правит посредством оракулов, а героическая эпоха выражает себя в истории, прозе и письменных законах, введенных аристократическими правительствами. Новая интерпретация Гомера у Вико, у которого его величие как поэта – результат его героической сущности, его глубокое проникновение в метафорическую природу языка, его интерпретация феодальной системы как части развития общества оказывали большое влияние и в XX в., но игнорировались при его жизни и во второй половине XVIII в. вне Неаполя, где он провел всю жизнь. Использовал идеи Вико в отношении истории Мезоамерики Лоренцо Ботурини Бенадуче в своей книге «Идеи о новой всеобщей истории Северной Америки» (1746). Подход Ботурини тоже долгое время игнорировался и получил признание только в последнее время.

Вико в свое время был одинокой фигурой, а Пьетро Джанноне писал для всей Европы, и к нему прислушивалась вся Европа. Жизнь Джан-

ноне была настолько же драматична, насколько бедна событиями была жизнь Вико. Схваченный савойскими властями, Джанноне в 1736 г. попал в тюрьму по наущению папы римского, где и провел 12 лет. Джанноне получил образование юриста и использовал юридический подход в качестве интерпретирующей категории истории. Свой главный труд он назвал «Гражданская история Неаполитанского королевства», подчеркивая этим, что главным фокусом его работы является государственное право в Южной Италии с античных времен до австрийского правления. История Джанноне открывала, как манипулировали юриспруденцией, подпитывая папскую власть и способствуя упадку Южной Италии после краха Римской империи. В повествовании об итальянской истории выражено желание реформ общественной морали и создания «национальной династии», поддерживаемой производительными классами, а не только хищной знатью. Согласно Джанноне, для проведения таких радикальных изменений нужно было сильное абсолютистское монархическое правление. В Вене, Венеции, Женеве и даже будучи узником в Пьемонте Джанноне расширял свои исторические взгляды благодаря европейским книгам, к которым у него был доступ. Его «Гражданская история» оказала огромное влияние на европейскую историографию (в том числе на Гиббона), а особенно ее ценили те историки, которые хотели использовать историю в качестве оружия в борьбе за модернизацию и секуляризацию Италии, ограничивая непомерную власть церкви.

В этом смысле Джанноне принадлежит к традиции политически ангажированной историографии. В Сицилии эрудит Карузо написал «Историческое и апологетическое рассуждение» (впервые опубликовано в 1863 г.) по приказу Виктора Амадея II для поддержки кратковременного савойского правления в конце Войны за испанское наследство и в то же время с призывом к правительству сопротивляться давлению Папского государства, сохранять историческую свободу Сицилии и стремиться к благоденствию ее народа. В некоторых случаях историки предлагали свои труды правительству, легитимное положение которого они оспаривали. История Генуи Франческо Аччинелли была осуждена олигархическим правительством за нападки на престиж республики и сожжена в 1752 г.

Интерес к современной истории возрос в начале XVIII в. Документальной основой написания этой политической истории стали дипломатические донесения, информация свидетелей, простые слухи и рассказы, и эта история была адресована растущей аудитории, которую не привлекала антикварная и юридическая историография или которая не

понимала ее. Альберто Радикати попробовал себя в современной истории в критическом ключе. И даже Вико, хотя и подразумевающая другую аудиторию и другие политические взгляды, писал современную историю.

История современных событий, скорее, была областью любящих полемику журналистов и стремившихся к прибыли издателей. Для того чтобы напечатать историю о каких-то событиях, часто приходилось вести переговоры с местными цензорами в Италии, а у авторов могли быть проблемы с властями. Г. Лети был уверен, что рассказ о современных событиях имел огромную политическую значимость для формирующегося общественного мнения, и писатели могли использовать это, чтобы оказывать давление на правительство. Для того чтобы обеспечить спрос на информацию о недавних событиях, газеты распространяли по всей Италии под контролем цензоров и предоставляли им государственные привилегии. Выходило специальное издание, суммировавшее события последнего года. Один из авторов этого издания Антонио Карифоро написал «Жизнеописание Петра Великого, императора России» (1748) и работал над критическим изданием «Библиотеки» патриарха Фотия. Различные достижения Карифоро показывают, как тесно были переплетены между собой филология, журналистика и история современных событий в середине XVIII в.

В Италии не появилось крупной истории современных событий, но делались попытки перевести итальянские исторические труды на иностранные языки. Кроме французских исторических трудов Вольтера, Монтескье и Мабли модели нового исторического повествования приходили из Англии, Шотландии и Германии. Благодаря Карло Денине и Карлантонио Пилати на первый план вышли такие ключевые идеи Просвещения, как прогресс, идентичность человеческой природы, значение политического и социального контекста для развития цивилизации, хороший вкус в качестве социального регулятора и верховенство гражданского общества над церковными институтами. Ссылаясь исключительно на опубликованные источники, Денина в своем труде «Революции в Италии» (1769 – 1770) созвучен с интересом Просвещения к цивилизации и условиям гражданского общества, а главным фокусом его исторического взгляда была степень счастья в определенный период.

Пилати, который получил юридическое образование в Триенте (Тренто), имперском городе, управляемом князем-епископом, связан с антиклерикальным течением в историографии Просвещения. Разрушительное влияние католического духовенства привело к фальсификациям, исказившим итальянское прошлое и мешавшим осознать проблемы,

с которыми столкнулась страна. Несмотря на очевидную разницу между решительным антиклерикализмом Пилата и осторожным призывом Денины к экономическим и политическим реформам, они разделяли идею о том, что пора подвести итоги накопившейся благодаря Муратори и его школе точной информации об итальянской истории. В 1760-х гг. неотложной задачей казалось написать интерпретацию-синтез, выполняющую образовательную функцию, и таким образом внести свой вклад в прогресс итальянского общества. Алессандро Верри составил длинный очерк, но так и не опубликовал его. В нем присутствовали антиримские чувства и прослеживалось развитие церкви как института, отличного от христианства как религии, однако Верри посчитал, что этот труд не соответствует тем высоким стандартам, которые он сам же установил. Пьетро Верри в своей истории Милана ставил целью написать философское повествование, которое объяснило бы, как на протяжении истории цивилизация города менялась к лучшему, причиной чему был прогресс разума, рост просвещения, печатание книг, расцвет культуры.

В 1760–80-х гг. итальянские писатели в основном концентрировались на возможностях реформы существовавших экономических, институциональных и юридических условий на итальянских территориях. Писатели Неаполитанского королевства исследовали историю явного резкого упадка Южной Италии и желали, чтобы их труды могли послужить политическим действиям. Хотя феодальная система рассматривалась как основное препятствие на пути экономического прогресса и социальной модернизации, необходимо было исследовать, как эта система установилась, как ее можно уничтожить и как вернуться к изначальной естественной социальной и экономической организации. «Анналы Неаполитанского королевства» (1781 – 1786) Франческантио Гримальди, несмотря на свое название, были историей цивилизации Южной Италии, демонстрировавшей, что автор читал Фергюсона, Гиббона и Гольбаха. В этом труде систематически применялась стадийная история.

В конце XVIII в. итальянская историография впитала многое из европейских споров о новых категориях, которые помогут лучше изучать прошлое в целом и конкретные исторические проблемы в частности. Итальянские историки внесли свой вклад в создание надежной документальной основы для изучения Античности и Средневековья, несмотря на некоторые ошибки и недостатки.

История и историки Франции XVII в. В течение долгого времени французская историческая культура основывалась на десятке трудов, написанных до 800 г. В XIV в. обычный набор исторических трудов со-

ставлял около 20 названий. Издание в печатном виде античных источников и средневековых текстов проложило путь к развитию истории, которая была политической и светской, древней и национальной.

Таким образом, историки имели в своем распоряжении огромный набор документов, и прежде всего недавних. Организация страниц, физический вид книги вели к новым практикам в чтении и написании, а получение знаний облегчалось разделением на главы, введением сносок и примечаний, позволявших читателю быстро систематизировать информацию. Соответственно, историки могли предоставить доказательства для подкрепления своих утверждений.

Модель княжеской библиотеки зародилась в Италии. Людовик XII создал библиотеку в Блуа на основе библиотеки своего отца Карла Орлеанского. Система классификации книг, созданная Никола Клеманом в конце XVII в., была основана на знакомом нам алфавитном коде, по которому 10 букв предписывалось истории, четыре – религии и четыре – философии.

Доступной публике Королевская библиотека стала только около 1700 г., в отличие от Библиотеки Мазарини, которая открыла свои двери в 1661 г. Кольбер управление своей библиотекой доверил Этьену Балюзу, который приобрел коллекцию де Ту и был связан с деятельностью мавристов, что принесло пользу государству благодаря копированию манускриптов во Франции и Европе. Коллекции библиотеки Кольбера были включены в Королевскую библиотеку в 1731 г.

Вокруг библиотек формировались ученые круги. Религиозные войны и разграбления поставили на рынок множество манускриптов, которые сохранялись благодаря коллекционерам. Официальная Французская академия была основана в 1635 г. Кольбер в 1661 г. основал «Маленькую академию», предшественницу Академии надписей и медалей 1701 г., которая позже (1717) стала Академией надписей и изящной словесности, задачей которой было исследовать документы прошлого, наиболее применимые для прославления короля. После бурных событий Фронды (1648 – 1653) «Маленькая академия» стала способом привлечь ученых, которые часто уже занимали такие посты, как директор библиотеки, цензор или историограф, и которые иногда получали регулярные стипендии, чтобы они могли работать на короля и отвлечься от янсенизма и прочих идей.

Обилие книг сделало необходимым публикацию специализированных списков с комментариями об авторах и различных изданиях. В 1712 г. каталог Пьера Николя Ленгле Дюфреснуа «Метод изучения

истории... с каталогом основных историков и замечаниями о качестве их трудов» состоял из 304 наполненных информацией страниц. Усовершенствование методов такого рода облегчало исследование и предоставляло информацию о текстах, авторах, различных изданиях их трудов и их доступности. Это доказывает, что существовал рынок исторической литературы.

Несмотря на этот рынок, даже для официальных историков история не была профессией. Не было профессоров истории. Изучение прошлого было включено в другие дисциплины: теологию, изящную словесность, юриспруденцию и политологию. Тем не менее термины «историограф» и «хронограф», редко встречавшиеся в Средневековье, все больше распространяются.

Теологу, епископу Мо и одному из величайших проповедников своего времени Боссюэ был доверен пост приватного наставника «Великого Дофина», для которого он написал «Рассуждение о всеобщей истории» (1681) – последнее великое проявление христианской теологии в истории в традициях Евсевия и Орозия.

После Тридентской реформы середины XVI в. религиозные ордены стремились занять область научных исследований и не дать реформатам монополизировать ее. Яркие защитники католической церкви иезуиты проявили себя в области истории. Жан Болланд и Даниэль Папebroх руководили составлением *Acta Sanctorum*, публикация которых началась в 1643 г. Основанное в 1631 г. в Сен-Жермен-де-Пре братство мавристов насчитывало 191 аббатство к концу XVII в. Выступая на стороне католиков, братство работало над изданием греческих и латинских отцов церкви, историей церкви и историей ордена св. Бенедикта. 13 томов документов были опубликованы в 1665 – 1677 гг., а в 1668 г. вышли *Acta sanctorum ordinis sancti Benedicti* (1668 – 1701) и *Historia rei literariae ordinis S. Benedicti* [Литературная история ордена св. Бенедикта]. Жан Мабильон, уроженец Шампани, который прибыл в Сен-Жермен-де-Пре в 1664 г., быстро стал знаменем исторической науки с его «Краткими размышлениями о некоторых правилах написания истории» в 1677 г., «Наукой дипломатии», которая и основала эту науку, в 1681 г. и трактатом «О монастырских исследованиях» в 1691 г.

Красноречивая история увлекала элитарную публику, которую можно было найти, например, в иезуитских коллегиумах или среди последователей Цицерона. Отец Рене Рапен задал тон в своем «Сравнении Фукидида и Ливия». «Размышления об истории» (1675) Рапена представляют эстетические принципы французского классицизма: «История

должна быть красноречивой, чтобы не быть скучной; именно в этом состоит искусство... Мемуары, доступные историку, дают ему материал, но он его организует... Рассказ совершенен, когда в нем нет ничего поверхностного. Это, одним словом, сущность, которая приведет к наилучшему совершенству. Именно это советуют Цицерон и Квинтилиан; здесь мне нечего добавить».

В книге «Способ читать историю» (1614) Рене де Люсенж перечисляет национальные стереотипы: «Представляется... что у каждого государства есть дар к определенным наукам, в которых оно превосходит остальных. Государства населены людьми различных интеллектуальных склонностей, которые лучше могут писать в той профессии, нежели в иной. Франция дала великих юристов и, в заседаниях парламента, великолепных адвокатов, речи которых дошли до золотых коридоров власти...» С XVI в. в рядах историков-юристов числились Андреа Альчато, Франсуа Отман и Жак Кюжа. Для интеллектуального формирования заседающих в парламенте также важно было знать прошлое. Жан Боден учился в Тулузе, прежде чем стать адвокатом в Париже, секретарем герцога Алансонского, а затем и секретарем короля. Клод Фоше после учебы в Орлеане стал адвокатом и советником в Шатле, а затем президентом Монетного двора. Кристоф, отец Жака-Огюста де Ту, был первым президентом парижского парламента. По мнению Паскье, только юрист был способен написать историю, так как только он знал юридические практики своего времени.

Латынь была языком юриспруденции. Соответственно, юристы писали историю на латыни. Это *Methodus* [Метод] Бодена, *Franco-Gallia* Франсуа Отмана, собрание источников с VIII по XIII в. Пьера Питу (*Annalium et Historiae Francorum*). Верный гуманистической традиции, де Ту латинизировал имена своих современников. Но Паскье и Фоше предпочитали писать по-французски из патриотических соображений, и каждый внес свой вклад в развитие языка и литературы на нем.

Юристы также ввели стандарт доказательств. Паскье, правилом которого было «не говори ничего важного, если оно не основано на доказательствах», брал свою информацию из архивов парламента, финансовых судов, королевских архивов, а также из собраний в Шатле и Сен-Дени. Сознывая, что они представляют правящую элиту, эти историки указывали на свою роль и придавали легитимность своим социальным и политическим амбициям, своим проектам реформ, а также своему желанию принести мир королевству, раздираемому гражданскими войнами и находящемуся под угрозой раскола.

Какой вклад внесла традиционная аристократия в написание истории? Знать свысока относилась к историографам, в которых видела наемное перо, людей низкого происхождения, неспособных понять и рассказать деяния великих людей. Мемуары как жанр зародился довольно поздно, около 1555 – 1570 гг. Рене де Люсенж призывал дворян взяться за перо: «История нашей жизни – это истинный портрет нашей души. Она передает наш образ жизни так же, как кисть передает черты нашего лица. Почему бы аристократии не избрать лучшую руку и лучший ум своей эпохи для увековечивания своих деяний, чтобы их надлежащим образом помнили потомки?»

У мемуаров как жанра были две основные модели: «Комментарии» Цезаря, который был самым популярным историком во Франции, и Филипп де Коммин. Мемуары были чем-то вроде оружия, когда знать сводила счеты с королем и дворянством мантии, а также проявлением борьбы между католиками и протестантами или между враждующими фракциями в целом. «Мемуары шпаги» переживали свой взлет в период между религиозными войнами, после Фронды, с 1525 по 1680 г. Они описывали рыцарский героизм уходящей беспокойной эпохи. Их время уже прошло в правление Людовика XIV. Многие рассказы увидят свет только после 1715 г., а некоторые – только в XIX в.

С жестким этикетом, введенным Людовиком XIV, появились мемуары о жизни двора; это было уже не осуждение короля, а его прославление. Мир двора был миром тайн. Придворные мемуары неотделимы от ускользающей власти, частных или государственных секретов. Сен-Симон своими мемуарами утверждает собственную идентичность и свободу. История учит нас знанию о человечестве. И начинает расплываться грань между историей и романом.

Выводы. В целом на протяжении двух столетий история, т.е. исторические знания и культура, и отношение французов к прошлому претерпели глубокие изменения. Первый период – это итальянские войны и увлечение итальянской моделью. Открытие Нового Света привело к беспрецедентному всплеску любопытства и жажде информации, которые не могло полностью удовлетворить даже книгопечатание. Мир был открыт для людей, движимых любопытством, жаждой знаний и желанием сбежать. Прежние теологические и философские утверждения были поставлены под сомнение в то время, когда христианскую Европу начал разрывать протестантский раскол и маячила грозная тень могущественной Испании.

Второй период – это реакция против когда-то боготворимой Италии и поиски французского пути. Франция должна была определиться в отношении двух основных моделей: итальянской, престиж которой основывался на католической церкви, Античности и Ренессансе, и немецкой, внедренной Реформацией, поддерживаемой германским мифом и имперским мифом. Между германской Европой, нашедшей свое политическое выражение в Реформации, и Италией, в которой в политическом смысле доминировала Испания (а в религии – папство), Франция искала собственный путь. Идея «французского пути» уже присутствовала до преждевременной смерти Генриха II (1559).

Третий период, который продлился 40 лет, был отмечен кризисом. Монархия, доверенная регентше-итальянке Екатерине Медичи, казалась слабой и уязвимой. У Генриха III не было детей. Но трагические годы привели к значимым усилиям по переосмыслению и пониманию прошлого, и в 1570-х гг. появился целый ряд публикаций, выделявшихся своим количеством, разнообразием и оригинальностью. Это был беспрецедентный успех для истории, воспринимавшейся как знак любви к Франции, поскольку она играла компенсаторную роль и, по мнению политиков, предоставляла единственный способ избежать трагедии.

История стала делом каждого. Различные социальные группы участвовали в конструкции «французской нации», больше не бывшей всего лишь последовательным рядом сменяющих друг друга королей. Настоятельная нужда в улучшении внутренней ситуации придала новый смысл истории. Вступление на трон Генриха IV (1589) и участие Франции в Контрреформации означали начало нового периода. С этого момента критический анализ был направлен на церковную и религиозную историю. «Новая история» 1570-х гг. утратила свое значение при монархии Бурбонов. Интерес к институтам, уровням власти и праву перестал стимулировать размышления ученых юристов. Абсолютная монархия, которая вскоре станет монархией по божественному праву, не терпела альтернатив. В этом контексте французы меньше стремились узнать о прошлом, а больше жаждали узнать последние анекдоты королевского двора. Что касается знати, то она была пленницей своего пристрастия к генеалогии. Прежде всего, история стала жертвой кризиса веры в себя. Постоянные нападки вольнодумцев и скептиков, решительное осуждение со стороны картезианцев в сочетании с манипуляциями со стороны власти дискредитировали эту дисциплину до такой степени, что она даже потеряла свое привилегированное положение в образовании юного Людовика XIV.

Историческая мысль эпохи Просвещения во Франции

Эпоха Просвещения – это эпоха в истории культуры, главными действующими лицами которой были писатели и интеллектуалы, разделявшие общие устремления, а именно: новаторскую, критическую и в целом либеральную точку зрения на целый ряд аспектов культуры, а также политики и общества. Философы того времени могли выбрать полемику, кампании в прессе, культурные дебаты, судебные дела, преподавательскую деятельность в качестве средства распространения своих идей. Во всех этих контекстах они распространяли мировоззрение, основанное на рациональной критике, свободе и толерантности. Их устремления затронули и область исторических знаний, что можно видеть в появлении множества новаторских трудов, дополненных философскими и методологическими размышлениями о природе и основе исторического знания, и в разработке оригинальных и амбициозных, хотя и спорных, представлений об истории.

Ключевое значение этого пересечения культуры Просвещения и истории долгое время преуменьшалось традициями, порожденными романтизмом и идеализмом. Такой подход не дает полностью понять связь между культурой Просвещения и областью истории, сложность и богатство исторических трудов с философской основой и ту важность, которую приобрела история в контексте деятельности философов. Начиная с 1990-х гг. целый ряд факторов привел к повышению интереса к проблеме связи между Просвещением и историей как дисциплиной. Основные среди них – это большее внимание к литературным, лингвистическим и нарративным аспектам историографии, возросший интерес к тесной связи между историографией и антропологическими исследованиями в широком смысле слова. И если XIX век принято называть «веком истории», то в отношении XVIII века можно вспомнить изречение Дэвида Юма: «это – историческая эпоха».

Почему мы называем связь между Просвещением и историческим знанием сложной? Историческое знание включало осведомленность об исторических фактах и их интерпретацию, методологические размышления о формах историографии, представление истории в письменном виде и обзор исторического времени, и в этом, как и в других областях интеллектуальной деятельности, культура Просвещения не создала ничего систематического. Она не произвела на свет трактатов, пособий и методов, которые будут характеризовать следующий век. Таким образом, хотя попытки проникнуть в понимание истории французскими

просветителями вполне обоснованы, следует помнить, что это понимание – продукт самых разных деятелей и взглядов. Из всех Вольтер ближе всего подошел к тому, чтобы называться историком в полном смысле этого слова.

Культура Просвещения во Франции придавала большое значение историческому знанию и пыталась разработать свой подход к истории, и это очевидно в ее акценте на определениях и самоопределениях. Для эпохи Просвещения вообще было характерно придумывание новых терминов, и в данном случае это говорит об интересе к истории и желании придать этой области знания конкретные атрибуты. Традиционные термины применялись, чтобы придать метафорическую ценность названиям исторических исследований и объяснить то, каким образом организован материал (рассуждения о, размышления о, идеи о и т.п.). На первый план выходят идея синтеза, идея основополагающего в противоположность поверхностному, общего в противовес детализированному, идея избирательности и желание установить масштаб наблюдений, основанный на макроизменениях в течение длительного времени.

Также следует упомянуть еще некоторые аспекты. Любимыми словами Просвещения были «цивилизация» и «прогресс». «Прогресс» использовали в области астрономии, философии, медицины и военной теории, а теперь его начали использовать в отношении исторического времени. Также появляется словосочетание «философия истории», но оно приобретет свое истинное значение в течение XIX в., тем не менее его использовал Вольтер в отношении собственных произведений. Вольтер очень скрупулезно подходил к различию между историографом и историком. Для Вольтера историограф – это человек на службе государству, и его задача – собирать документальный материал. Историка же представлена большая свобода выбирать, его ведет собственный творческий гений, но также и долг изобличать несправедливость.

Для того чтобы лучше понять вклад культуры Просвещения в историографию, нужно определить самые главные элементы в спорах об истории и историографии в начале XVIII в. Это были очень бурные споры, поскольку на кону стоял статус исторического знания. Один из элементов – это та степень, в которой можно познать историю на основе эрудиции, филологии и антикварных исследований. Этот фактор затрагивал вопрос метода, лежащего в основе исторической реконструкции, и выражал явную тенденцию преодолеть ограничения традиции. Вторым элементом – это так называемый «спор между древними и новыми».

Третий элемент происходил из распространения научного эмпирико-математического мировоззрения, основанного на картезианской философии и ньютоновской науке, которое требовало обоснованного, рационального знания природы.

В истории того времени происходили события, которые помогли определить новый подход к роли Европы в мире и в истории. Эпоха Просвещения в данном контексте выработала собственное определение и осознавала себя как отдельная историческая эпоха, и это характерная черта исторической мысли французского Просвещения.

Главным героем французского Просвещения является интеллеktуал и автор, разделяющий общие устремления к новаторской и критичной точке зрения. Конкуренция идей (полемика, кампании в прессе, культурные дебаты, преподавательская деятельность, новое понимание общественного мнения) была той сферой деятельности, которую выбирали образованные люди, традиционно называемые философами, для того, чтобы распространять свои идеалы. Во всех контекстах они распространяли мировоззрение, основанное на ценностях рациональной критики, свободы и толерантности. И их устремления сознательно и глубоко затронули область исторического знания, что очевидно в создании многочисленных новаторских трудов по историографии, дополненных философскими и методологическими размышлениями о сущности, условиях и основах исторического знания, и в формировании оригинального и амбициозного, хотя и противоречивого представления об истории и исторической эпохе.

Ключевая важность этого пересечения культуры Просвещения и области истории долгое время недооценивалась традициями, обусловленными романтизмом и идеализмом. Из-за этого недооценивались сложность и богатство историографии с философской точкой зрения и то важное место, которое историография на самом деле занимала в деятельности философов. Но с 1990-х гг. в особенности ряд факторов способствовал пониманию взаимодействия Просвещения и дисциплины «история»: большее внимание к литературным, лингвистическим и нарративным аспектам историографии; возобновившийся интерес к тесной связи между историографическими и антропологическими исследованиями в широком смысле (в т. ч. интерпретация форм общества и их обычаев); интерес к историческим формам рассуждения об «иных» и ко всем связанным с этим феноменам (колониальная экспансия, имперское завоевание и подчинение, рабство, торговая конкуренция и мировая политика, христианизация).

Таким образом, французское Просвещение намеренно вторгалось в исторический дискурс. В конце XVIII в. в «Истории двух Индий» в отрывке, написанном Дидро, провозглашалось, что, если ранее в каждой эпохе преобладал определенный вид знания и ученого, то теперь начинается новый период, в котором преимущество отдано истории.

Но в рассмотрении эволюции истории нужно пойти дальше интеллектуального контекста. Хотя обстановка в Европе была не простой, это был период снижения напряженности конфликтов. Усиливались контакты между европейскими и не европейскими сферами благодаря деятельности гражданских и религиозных агентов, которых можно назвать предшественниками межкультурного опыта. И это оказало влияние на историческую мысль эпохи Просвещения, и особенно во Франции. Восприятие себя, способность классифицировать объекты знания согласно установленным утилитарным критериям, претензии на ясное понимание современной реальности, постоянно балансирующее между оптимизмом, разочарованием и пессимизмом, интеллектуальная предрасположенность к сомнениям в основах собственной идентичности – все это аспекты ментальности и культуры Просвещения, подпитывавшие историческую мысль.

Каковы же были приоритеты и цели французского Просвещения в отношении истории? Французское Просвещение определяло собственное время как ключевой момент в длительном процессе освобождения критического разума, постепенного приобретения научного знания о мире и бунта против традиции и злоупотреблений от ее имени. Конкретный пример – это автобиографические, исторические и философские труды с намерением проследить историю современной европейской культуры (д'Аламбер, Тюрго). «Предварительное рассуждение» д'Аламбера стало оригинальным вкладом французского Просвещения в историческую мысль. Подход Просвещения к истории включал в себя реконструкцию истории, основанную не на механическом, хотя и систематическом, собирании деталей, а на философии и критическом анализе данных реального мира. Призыв к свободе мысли был самым оригинальным и эффективным фактором, и это предоставило концептуальное оружие для автономии Просвещения в исторической традиции.

Однако было бы ошибкой считать, что культура Просвещения полностью отвергает эрудитскую традицию. Эрудицию, которая объединяет знание исторических фактов, знание языков и текстовую критику, следует отличать от педантизма (по Аламберу).

В данной связи нельзя не вспомнить значение методологического вклада эрудита, который не идентифицируется непосредственно с Просвещением, но которого можно включить в ряды философов. Речь идет о Николя Фрере. Его труды – яркий пример связи между эрудитством и историей как начной дисциплиной, которая должна быть философской. Однако Фрере не оказал большого влияния на споры Просвещения об истории. Тем не менее это пример того, что не следует делать поверхностных противопоставлений между историографией и идеей истории Просвещения и историей эрудитов и академиков. В то же время нужно понимать, что люди Просвещения обращались к историческим трудам в поисках знаний и эстетического удовольствия.

Рассуждения Просвещения об истории акцентируют тему выбора, избирательности и оценки, что мы находим у Вольтера в его «Замечаниях об истории» (1742). Такие взгляды отражались в сознательном проекте конструкции исторического знания, его содержания, общего образа, грамматики и синтаксиса, словаря, дискурса с явным вниманием к коммуникативному аспекту, чтобы оно могло выполнять общественные и, желательны, политические, социальные и образовательные функции. Библейское видение истории человечества представлялось основным конкурентом в борьбе за контроль над составляющими истории (хронология, генеалогия, география и т.д.).

Прежде всего историографы Просвещения приступили к реформированию всеобщей истории в светском, материалистическом ключе, причем они меняли не только форму, но и содержание. «Эссе о нравах и духе народов» (1756) было вторым крупным проектом Вольтера после «Века Людовика XIV» (1751). Революционность этого произведения заключается не только в полном отказе от теологической и провиденциалистской схемы историографии и в принятии чисто светской точки зрения, но также в отказе от литературной личности придворного и панегирика. Уже название говорит о четком выборе объекта истории. Это не просто хроника фактов, особенно болезненных и жестоких, свидетельствующих об иррациональности и пороках человечества; это исследование духа народов и их обычаев, т.е. того, что определяет их характер и их сущность. Это не означает, что рассказ о плохих деяниях былых времен больше не интересует историка. Наоборот, знание ошибок также необходимо для понимания эпохи.

Историк, согласно Вольтеру, должен также сделать выбор в отношении периода времени, которым он занимается. Это не античный мир, который нужно лишить налета мистификации и легенд прежде, чем он

сможет стать объектом изучения, это не Средневековье – период предрассудков и религиозной власти церкви; это должна быть современность, возникшая из беспорядочных действий людей, охваченных страстями, интересами, духом инициативы и приключений. Кстати, в «Веке Людовика XIV» Вольтер утверждал, что о «французах» можно говорить только начиная с эпохи Ришелье, так как до этого времени история французского народа была населена исключительно примерами жестокости и варварства.

Содержание, пространство и время – вот координаты, которые руководят выбором объекта изучения: европейская идентичность; цивилизация современной Европы, то, что определяет ее сущность и роль в области истории, политики и глобальных отношений. Отвергнув виды истории, основанные на недостаточной документальной базе или привязанные к придворным кругам, Вольтер главный фокус собственного исследования направил на «единственно удивительные революции, которые изменили нравы и законы крупных государств».

В этой связи мы приходим к проблеме полезности истории. На протяжении всей своей жизни Вольтер не переставал размышлять о ценности и значении истории. Говорить о том, что на сказки Античности и историографию Средневековья нельзя полагаться в поисках исторической истины, не означает, что они бесполезны.

Таким образом, отношение Просвещения к истории было очень требовательным, а историк среди прочего должен был критически пересматривать модели классического и гуманистического прошлого. Но прежде всего история должна рассказывать факты: главные факты прошлого и факты, необходимые для понимания настоящего. Наиболее строго это воплотил в своем историческом анализе и экономических, социальных и юридических исследованиях Монтескье. Главным интересом Монтескье была политика и прежде всего идея свободы и те формы, которые она принимала в разные периоды. Его историческое мировоззрение вдохновляла динамика политики, форм правления и законов в их взаимодействии с физическим окружением.

И здесь мы приходим к проблеме причинно-следственной связи и исторических изменений. Однозначно сказать, как она решалась в эпоху Просвещения, невозможно. Не следует думать, что люди Просвещения считали, что история находится под полным контролем человека и его намерений, как бы ни симпатизировали писатели Просвещения законодателям и великим личностям в истории. Безличные силы, влияющие на историю, по-разному представлены материальными, географическими,

природными и экономическими обстоятельствами, которые влияют на человеческое общество и управляют изменениями в истории. Но также влияет и внутренняя динамика политических режимов, управляемых собственными законами. Именно в этом проявляется сложность исторических изменений в историографии Просвещения, в ее попытке объединить концепции законов, управляющих коллективными историческими единицами, такими как государства, общества, классы и народы. «Часто обстоятельства меняют природу вещей» – вот новая мысль, которую мы находим в издании «Академического словаря» 1762 г. Обстоятельства, материальные условия, случай и неуловимые безликие силы часто делают историю чем-то иным, нежели просто продукт сознательного поведения людей.

Историческую мысль французского Просвещения отличал еще один типично новаторский момент, касавшийся и содержания исторического дискурса, и его формального выражения. В «Философской истории» мы находим выражение «история человеческого духа». У Тюрго и Кондорсе мы видим историю прогресса, в которой уровень жизни людей и общества постоянно улучшается, и все движется к будущим достижениям.

Основными чертами историографии и концепции истории эпохи Просвещения можно назвать стремление к оригинальному стилю для привлечения читающей публики, восприятие написания истории как средства выразить политическую, социальную и религиозную критику, непочтительность к любой форме политической и религиозной власти. Все эти качества присущи труду, традиционно приписываемому Гийому Тома Рейналю, но на самом деле это работа целой команды, в которой большую роль сыграл Дидро. Этот труд – «Философическая и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях» (1770 – 1780). История формирования современной Европы происходит не из политической, военной и дипломатической истории европейских государств, а из двух составляющих факторов динамики современной Европы: заморская торговля, включающая колониальную экспансию и распространение экономической, политической, военной, религиозной и культурной деятельности Европы на весь мир, и основание новой сети связей с народами вне Европы. Этот труд предлагает сравнительный анализ феноменов, нарушивших модель существования и сосуществования европейских государств. Возобновленное понимание взаимосвязи и взаимозависимости помогло всеобщей истории превратиться из простого набора фактов в стремление к объяснительным схемам, имеющим тенденцию к объединению. Антропологическое и экологическое

разнообразие этого труда превращает его в энциклопедию торговли и экспансии того времени, и все это с глубоким переосмыслением тех ценностей, которые лежат в основе Западного мира и цивилизации.

В методологическом смысле главный недостаток «Истории обеих Индий» – отсутствие указаний на какие-либо источники, что особенно беспокоило Э. Гиббона. Фактически это компиляция ранее существовавших напечатанных материалов, наполненная философскими, политическими и религиозными отступлениями, это манифест ценностей и предложение реформ в лучшем духе Просвещения, и некоторые из них очень интересны и оригинальны. Таким образом, это труд, который сводит вместе не только исторические идеи, но и все противоречивые ценности, выдвигаемые французским Просвещением. И в нем можно различить беспокойство по поводу той дегуманизации, которую несет современность природной сущности человека. Это критика насилия и злоупотреблений властью, проводимых европейским колониализмом, включая рабство, и предупреждение касательно глубоко развращающих последствий имперского и колониального доминирования для свободы и морали в метрополии и поведения европейских экспатриантов. По вопросу рабства редакторы предлагают проект филантропических реформ с примирительными намерениями. Это обличение худших аспектов общества, политики и морали, которые доминируют в Европе. Действительно, все противоречия и двойственность Просвещения можно найти в этой великой исторической фреске, описывающей восхождение современной Европы как расширение цивилизации, преданной прогрессу, и как картину политических, социальных, судебных и религиозных злоупотреблений.

Это главное достижение, связанное с именами Рейналя и Дидро, на самом деле демонстрирует целый ряд противоречивых элементов, которые характеризовали отношение Просвещения к истории. Один из ключей к пониманию «Истории обеих Индий» – это столкновение с «чужим» миром, и ответ на него не прост. Идея единой человеческой природы и поиск общей основы разрешения конфликтов не убирают ощущения непреодолимости различий. Но нет и примера успешного сосуществования, кроме, возможно, крайней формы эксперимента иезуитов в их миссиях. Оставалась неспособность говорить о «других» и писать историю, в которой были бы слышны их голоса, или рассказывать исторические факты независимо от встречи с европейцами, поэтому неизбежно история оставалась историей «нас», неспособной включить историю «других».

Выводы. Культуре Просвещения не удалось решить эти проблемы. Скорее, она выполняла функцию телескопа, наблюдая непредсказуемую судьбу человечества. Она не смогла выработать методы, инструменты и идеи, способные преодолеть ограничения. Тем не менее французское Просвещение предложило свой взгляд на историю человечества.

В заключение стоит рассмотреть конкретные проявления историографических интересов зрелого Просвещения и возникшую идею истории. Уже Вольтер выказывал искренний интерес к историческим исследованиям. Интерес к другим культурам можно найти в «Философских исследованиях египтян и китайцев» (1773) Корнелиса де Пау и ряде трудов Жана-Сильвена Байи. Каждому автору свойственна своя позиция, но интересна их решимость изучать отношения между разными цивилизациями, их поиски изначального центра, откуда распространяются культура и знания, и их смелая попытка сравнительного анализа на основе языка и письменности.

Историческая мысль шотландского Просвещения

Дэвид Юм в 1770 г. сказал: «Это историческая эпоха, и это историческая нация». Несмотря на свою краткость, этот комментарий (не публичная декларация, а частное суждение в письме к другу) поднимает интересные вопросы о происхождении и сущности историографических тенденций в XVIII в.

Прежде всего следует отметить, что высказывание Юма неконкретно в хронологическом смысле. Кроме того, поскольку страна Юма с 1707 г. имела общее управление, государство и национальную идентичность с Англией, не ясно, понимает ли он «историческую эпоху» в узком смысле как продукт исключительно шотландский или же, что вероятнее, он понимает впечатляющую деятельность широкого сообщества историков в Британии и Европе. Утверждение Юма в чем-то провоцирующее.

Шотландия уже давно считала себя «исторической нацией». Ренессанс не только поднял шотландскую историографию на новый интеллектуальный уровень, но также установил важные точки соприкосновения с величайшими достижениями европейского гуманизма. Тем не менее распространилось мнение, традиционное для самого XVIII в., что Шотландия с 1580-х гг. до начала Просвещения в 1740-х гг. находилась в состоянии культурной стагнации. Это суждение слишком сурово.

В Шотландии возник характерный литературный стиль. Также шотландские писатели постоянно демонстрировали практическую полезность исторических свидетельств для современных споров. В интерпретации многих писателей-кальвинистов большую роль в интерпретации событий играло Провидение.

Таким образом, существовало богатое и разнообразное наследие, на основе которого возобновились методологические новации, увеличились публикации трудов и количество читателей начиная с 1750-х гг. Переиздавались и труды предыдущих авторов, таких как Бьюкенен, что говорит об общественном и профессиональном интересе к историографической традиции страны. Некоторые авторы начала XVIII в., такие как Дж. Андерсон и Дж. Далримпл, размышляли о сущности отношений Шотландии с Англией, чем внесли важный вклад в общественные споры по вопросу унии с Англией 1707 г. Мы видим, что еще до начала Просвещения исторические труды привлекали внимание публики в Шотландии.

Дэвид Юм был выдающимся автором, полным решимости с помощью принципов Просвещения прояснить течение прошлых событий. Многотомная «История Англии» (1754 – 1762) Юма, которая возникла из первоначального труда «История Великобритании» (1754 – 1756), была не первой из агрессивно ревизионистских исторических исследований XVIII в. в Шотландии. Целью Юма было, как он сам заявил в эссе 1752 г., «опровергнуть умозрительные системы политики, развитые в этой стране».

Даже если считать «Историю Англии» литературным артефактом, автор которой отточил свою технику рядом популярных эссе на моральные и политические темы, это все же был триумф. Она также впечатляла в психологическом смысле. Кроме того, «История Англии» – лучший исторический труд, созданный философом – стремилась идти дальше простых объяснений. Это было стремление восстановить события на основе слов самих участников и их позднейших апологетов.

Политика была в центре исследований Юма как историка. Много спорят о том, был ли он тори или вигом по своим убеждениям. Некоторые самые враждебные его читатели, такие как Хорас Уолпол и Чарльз Ли, даже ставили ему в вину шотландское происхождение и утверждали, что его задача – подорвать английские свободы и подорвать уверенность читателей в преданности нации политической свободе. Позднейшие ученые предпочли считать его прогрессивным философом и ученым-вигом. Это только подтверждает собственную подозрительность Юма в отношении историков.

«История» Юма – это попытка противостоять разрушительному действию религиозного энтузиазма. Юм прекрасно понимал, какую роль сыграла религия в кровавой истории Шотландии. Он намекал, что влияние реформаторов и их жесткие доктрины были пагубными. Таким образом, урок толерантности усваивался очень трудно.

Другой сторонник уступок не только в трактовке религиозного прошлого, но и в политических спорах того времени Робертсон вынужден был в 1779 г. укрываться в Эдинбургском замке от разъяренной толпы, возмущенной его храброй поддержкой юридического улучшения положения католиков.

Его труды «История Шотландии» (1759) и «История правления императора Карла V» (1769) показывают британской аудитории, что шотландская историография может отказаться от слепого догматизма, характерного ранее для протестантской науки. Современные исследователи подчеркивают то, что роднило его с предшественниками: стремление ввести Провидение в историческое объяснение и очевидная пристрастность к протестантизму и пресвитерианству. Однако вклад Робертсона заключается в том, что он в середине XVIII в. продемонстрировал современникам, что шотландский подход к написанию истории переживал значительную переоценку.

Еще одна форма переосмысления целей историографии – это то, что называют (хотя не все с этим согласны) «теоретическая, или предположительная, история». Из нее вышла идея эволюции общества через последовательные стадии развития, «от грубости к цивилизации», как выразил это Фергюсон. С этой точки зрения законно было реконструировать утраченные аспекты определенного общества в истории, используя лучше документированные явления, так как все подчиняется одинаковым общим правилам развития.

«История правления императора Карла V» была одним из самых читаемых исторических исследований XVIII в., судя по цифрам продаж и владений, а пролог к этому труду, который назван «Взгляд на общество в Европе», был одним из самых влиятельных изложений озаглавленной проблемы. Этот пролог ни в коем случае не был попыткой представить некую абстрактную теорию предположительной истории. Такие ключевые исторические процессы, как упадок Рима, подчинение империи намного более энергичными варварскими народами и прогресс разных народов Европы «к той утонченности, которой они теперь отличаются», описываются Робертсоном таким образом, как будто их следует понимать как естественное следствие взаимодействия между различными

аспектами человеческой природы и конкретными материальными обстоятельствами.

Два последних труда Робертсона еще дальше продвигались в том толковательном потенциале, который как будто предлагала предположительная история. В «Истории Америки» (1777) с ее настоящим столкновением цивилизаций он получил возможность использовать модель стадияльной истории. Но у грубого и неутонченного общества коренных американцев было мало шансов.

В труде «Изыскание касательно знаний древних об Индии» (1791) Робертсон немного по-другому подходит к разным стадиям социального развития, но по-прежнему очевиден его интерес к системам верований и его преданность стадияльной истории. Это анализ, поднимающий интересные вопросы, особенно в то время, когда прогрессивные мыслители становились все более непредубежденными в отношении других народов и их представлений. В этом произведении проводятся некоторые параллели между восточными и западными практиками.

Но наиболее значимый вклад в разработку теории стадияльной истории внес Фергюсон, и прежде всего в «Опыте истории гражданского общества» (1767). Книга намеренно организована по тематике, и в ней нет настоящей хронологической структуры. Понятно, что в ней нет последовательного рассказа о каком-то историческом событии или эпохе.

Фергюсон считал, что сама природа вынуждает человека изобретать и придумывать. Особенно важным является стремление к улучшению материального положения, что, по Фергюсону, является одной из «главных пружин человеческих действий».

Но ни в этой книге, ни в своем любимом произведении «Истории прогресса и падения Римской республики» (1783) Фергюсон так и не ответил на вопрос основополагающей важности для любого историка: почему масштабные изменения появляются именно в определенный момент? Этой проблеме посвятил свой живой ум Адам Смит. Преподавая в Глазго, он пришел к пониманию происхождения юридических систем и зарождавшейся области знания – политической экономии. По его мнению, главной причиной перехода от стадии к стадии было давление на ресурсы, возникшее из-за роста населения.

Смит был относительно ортодоксальным представителем стадияльной истории, но у него был редкий талант различать глубокое влияние экономических факторов. Смит считал, что различные стадии исторического развития общества характеризуются конкретным способом

производства: охотничье-собираТЕЛЬская (дикость), пастушеская (варварство), земледельческая (тесно связана с возникновением феодального общества) и более сложная торговая система (основа коммерческого общества). Однако главным побудителем в переходе общества от одной стадии к другой была функция эффективности средств существования в удовлетворении основных нужд населения во все более неблагоприятном демографическом контексте. Соответственно, прогресс в конечном счете был продуктом дисфункции, практическим итогом успешной адаптации в ответ на неудачу предыдущего способа существования.

В «Исследовании о природе и причинах богатства народов» (1776) Смит разработал многие аспекты политической экономии как ключевого фактора в формировании и повседневной жизни, и масштабных исторических изменений. Задача этого труда состояла не просто в том, чтобы представить современникам связный рассказ о конкретных аспектах человеческого прошлого. Но он сильно повлиял на понимание современниками исторических процессов. Он стал стимулом для переосмысления исторических причин явлений.

Любимой формулировкой Смита в отношении причин была фраза «невидимая рука». Но это означает не задумку некоего божества, а массу рутинных действий людей, суммирующуюся в развитие некоего процесса; таким образом Смит объяснял возникновение разделения труда.

Соответственно, естественные аппетиты человека не обязательно разрушительны, они могут служить конструктивным целям. Отсюда появляется теория «ненамеренных последствий», или «теория спонтанного порядка», которая играла такую большую роль в модели предположительной истории Смита.

Исследователи давно интересуются предположительной историей, а другим аспектам шотландской историографии XVIII в. уделяется меньше внимания. Прежде всего это систематическое распространение теории стадийного развития на процесс формирования институтов общества, а также общих и частных событий. Просвещение, особенно в Великобритании, было связано с общественным потреблением культуры, т.е. слова и идеи теперь воспринимались как товары на продажу массе анонимных, но все больше разбирающихся в ней потребителей.

Целый ряд историков внес важный вклад в создание новой методологии и в изучение тем, до этого не считавшихся исторической областью исследования. Карьеру лорда Кейма, который был юристом и землевладельцем, а не университетским профессором или философом, определил уникальный сплав его интеллектуальных интересов. Также

в юридической области отличился сэр Джон Далримпл, адвокат и лэрд, труд которого «Мемуары Великобритании и Ирландии» (1771) вызвал споры. Но еще более смелым в интеллектуальном отношении был ранее написанный трактат Далримпла «Очерки к всеобщей истории феодальной собственности» (1758). Он опирался на идею о том, что изучение права – это составная часть стадияльной истории, которая покажет, как люди из самого грубого состояния пришли к самому утонченному обществу.

Самым новаторским исследователем права как культурного и исторического артефакта был Джон Миллар, блестящий ученик Смита, который возглавлял кафедру права в Глазго. Он считал, что все общественные институты развиваются медленно и постепенно. Один из главных трудов Миллара «Исторический взгляд на английскую конституцию» (1787) в духе стадияльной истории характеризуется интересом к длительной эволюции юридических форм, переходящей в исследование политических структур.

Другие историки писали изящные повествования для удовлетворения сентиментальных вкусов увеличивавшейся читающей публики. Захватывающая история Королевы Шотландской предоставила Гилберту Стюарту ту основу, на которой он разработал детальный рассказ о сложном прошлом своей страны – «Историю Шотландии от установления Реформации до смерти королевы Марии» (1782). Также можно вспомнить его «Историческую диссертацию касательно английской конституции» (1768), которая льстила английской аудитории, выводя происхождение английских свобод от воинственных германских племен. Более стадияльным, но также полным эмоциональной привлекательности для чувствительной публики конца XVIII в. был «Взгляд на общество в Европе в его прогрессе от грубости к утонченности» (1782) Стюарта.

Выводы. В чем же заключалось влияние шотландского Просвещения? Здесь можно вспомнить Вальтера Скотта, восхищавшегося Фергюсоном величайшего популяризатора стадияльной истории в Шотландии. В таких произведениях, как «Уэверли» (1814) с его драматическим противопоставлением примитивизма Шотландского нагорья и коммерциализации Лоуленда (низин), Скотт смог использовать идеи стадияльного подхода и сделать его источником драматической напряженности, что приносило его романам невиданный успех.

Другие обращения к наследию шотландских историков не были такими сентиментальными, как у В. Скотта, но не менее значимыми. К. Маркс очень любил романы В. Скотта и развил до крайней степени

его идею о материальной определяющей каждой стадии развития и об отчуждении человека во все более коммерческом окружении. Особенно интересно то, что в XIX в. наследие шотландских историков воспринимали романтики и протосоциалистические мыслители, а в XX в. к нему обратятся в основном консервативные с политической точки зрения теоретики. В попытке приспособить это наследие к критике корпоративизма и центрального планирования или к развитию классической политэкономии и понятия «гражданского общества» игнорируются те аспекты, которые не соответствуют защищаемым идеям, как, например, острая критика Смитом монополистических тенденций бизнесменов и враждебность Фергюсона в отношении конституционных реформ и народного представительства.

Однако, безусловно, историки XX в. все больше признавали историографические достижения шотландских просветителей как одну из высших точек интеллектуальной культуры Просвещения. Дань их достижениям отдают и сегодня, хотя, конечно, вряд ли кто-то будет использовать шотландских историков в качестве непосредственной модели для подражания. И все же нельзя не отметить их здоровый скептицизм в отношении необоснованных предвзятых мнений их предшественников. Шотландских историков следует оценивать в контексте их времени. Они стали важной составляющей интеллектуальной культуры Просвещения, они успешно поставили в центр исследование человеческого прошлого, когда их современники стремились переосмыслить мир, в котором они живут.

Историческая мысль английского Просвещения

Здесь будет затронут период 1750 – 1815 гг. Э. Гиббон был англичанином и во время национального кризиса патриотом, поэтому логичным будет рассматривать отдельно шотландское и английское Просвещение, а не британское Просвещение в целом. Тем не менее следует отметить, что Гиббон, трансформировавший английское написание истории, многим обязан шотландскому Просвещению, как и Д. Юм с его «Историей Англии» (1754 – 1762).

«История упадка и разрушения Римской империи» Гиббона (1776 – 1788) – это кульминация европейского нарратива Просвещения. В этом труде ощущаются идеи арминианства. Некоторые исследователи даже считают, что идеи арминиан больше повлияли на Гиббона, чем знакомство с французским Просвещением. При богатой английской и европей-

ской протестантской родословной труд Гиббона – это современное английское произведение, особенно учитывая даты публикации: 1776 г. – разгар американского кризиса, когда Гиббон заседал в парламенте и был верен правительству Норта; 1781 г. – после мятежа лорда Гордона, показавшего Гиббону «темный фанатизм», который, как он думал, исчез в Британии; 1788 г. – поворотный момент для Британской империи после потери американских колоний, Акта об Индии Питта и начала суда над Гастингсом, на котором Гиббон присутствовал.

В то же время «История» Гиббона отвечала желанию части английских читателей получить философскую историю, которая могла бы сравняться или даже превзойти труды Юма, Робертсона и других шотландских историков. Труд Гиббона стимулировал целый ряд исследований античного, англо-саксонского и средневекового наследия Англии.

Интерес к философской истории в Англии нужно рассматривать в контексте оживленного печатного дела и в институциональном контексте создания истории. Границы между высокой и популярной историей были размыты благодаря существованию серийных публикаций, коллективных трудов, переизданий и продолжений. История как академическая профессия не так была развита в Англии, как в Шотландии, и многие английские историки считали историю занятием джентльмена, включая Гиббона, который очень хорошо осознавал свою общественную значимость как историка. В учебных заведениях английских диссентеров современная история была важной частью программы. Тем не менее в большинстве случаев историки сами продвигали свои взгляды в очень коммерческом контексте. С середины XVIII в. популярной становится история в духе Вольтера, в которой на первый план выходит критический или скептический взгляд на источники, на фанатизм прошлого и на ценность самой истории. Вольтера популяризировали в Англии и издавали англоязычные (менее антирелигиозные) версии его философской истории.

Большой популярностью в Англии пользовались труды Робертсона, который предлагал несколько иной вид философской истории, показывавшей политические события в широком контексте юридических и социальных тенденций, искусства и науки. Доминирующими на английском книжном рынке оставались традиционные политические нарративы, такие как очень успешный труд Катарины Маколей «История Англии от вступления на трон Джеймса I до вступления на трон Брунsvикской линии» (1763 – 1783). Традиционное представление об истории как источнике моральных и практических уроков не исчезло, но допол-

нилось новым представлением об истории как способе понять природу и поведение человека.

Это более созерцательное отношение к ценности истории представляло возможности женщинам-читателям. В одном из своих писем Эстер Шапон представила программу чтения исторических трудов, направленную на то, чтобы показать связь британской истории с общими тенденциями в Европе (она особенно рекомендовала Робертсона) и Европе в длительном процессе колониальной эксплуатации других частей мира. Многие считают, что первым изложил историческую программу английского Просвещения лорд Болингброк, хотя сам он исторических трудов не писал. Он воспринял французский скептицизм в отношении принятых идей и утверждал ценность исторической эпистемологии. Пристли в своих «Лекциях об истории и общей политике» (1788) называл историю искоренителем национальных предрассудков и формой опыта. Он считал, что история дает нам такие знания о мире, которые не может дать наш собственный опыт.

1660 – 1740 гг. был периодом, когда историки пытались понять и осознать идеологические различия в британской политике, а после 1745 г. английские историки пытались понять парадокс политической стабильности, созданной этими разногласиями. Юм считал, что эта стабильность – следствие традиционных свобод, заложенных в английской конституции. Катарина Маколей считала, что эта стабильность – совместный результат аристократической олигархии и народной апатии. Но заслуга Юма в том, что он анализировал приверженность партии и религиозное рвение как особые формы политического поведения.

У «Истории» Юма было множество конкурентов, изданных в печатных домах Лондона. Сравнимой по популярности с Юмом была «История Англии» (1771) Оливера Голдсмита, и ее популярность сохранялась и в XIX в.

Одним из самых известных и успешных историков была упомянутая Катарина Маколей. В течение нескольких лет первые тома ее «Истории Англии» превосходили по продажам книгу Юма. В последнем томе она осуждала неудачу «славной революции» в восстановлении свободы, а в сопровождающем томе «История Англии от революции до настоящего времени» (1778) она отметила постоянное укрепление аристократической олигархии: «под показным видом демократических привилегий народ на самом деле поработен небольшой частью сообщества». Ее книги периодически появлялись в полный событиями политический период и были актуальными в связи с более широкими проблемами,

вызванными Семилетней войной и Американской революцией. Она удивляет современным подходом в позиционировании себя как женщины-историка и солидной источниковедческой основой ее труда. Кроме того, Маколей философски подходила к проблемам причин и следствий в истории и исторических изменений. К тому же, происходя из богатой семьи лондонского Сити, она не была враждебна к коммерции и не была настроена выделять исключительно ее развращающие стороны. Ее коммерческий по духу гражданский республиканизм очень хорошо шел в американских колониях, и ее истории по-прежнему хорошо там продавались даже после того, как они начали казаться устаревшими, ностальгическими или радикальными английским читателям.

Э. Гиббон получил подготовку классического историка. Свое исследование Римской истории он начал с периода Антонинов, который он считал самым счастливым и процветающим, хотя в первых трех главах он намекал на структурную слабость Римской империи и фатальное самодовольство римлян.

Во введении к первому изданию своей «Истории» (1776) Гиббон излагал свое намерение охватить историю Западной и Восточной империй до падения Константинополя в 1453 г., хотя прошло еще много лет, прежде чем он остановился на окончательной форме своей истории. Он многим был обязан исторической мысли шотландского Просвещения с ее сложной социологией стадий развития, вниманием к экономическому способу производства и анализом общественных нравов. В его рассказе факторы демографической и глобальной истории, взаимные подозрения и непонимание между народами на разных стадиях развития общества, неспособность римских лидеров и стратегические ошибки соединяются вместе и превращают одну битву (как в главе 26 о нашествии визиготов) в водораздел в Римской истории.

На протяжении всей «Истории» Гиббон излагает сложное и многоуровневое понимание причинно-следственных связей. Но он не поддается старым клише о том, что падение Рима было следствием роскоши, морального упадка, развратных женщин, хлеба и зрелищ. Кроме того, для своего времени Гиббон был историком исключительно широких и толерантных моральных симпатий, и самая сокрушительная сатира обращена к ранним христианам с их извращенно аскетическими требованиями сексуального самоотречения. Главы о формировании раннехристианской церкви были встречены духовенством с негодованием. Но Гиббон не хотел, чтобы споры отвлекали от серьезности его философского анализа связей между гражданским обществом, политической

культурой и религией. Перенос столицы империи в Константинополь для Гиббона первая ступенька на лестнице упадка, но в последующих томах становится ясно, что христианство – это на самом деле один из ряда факторов, приведших к повороту от старой политической культуры Рима к азиатской (как характеризует ее Гиббон), выродившейся и закостеленной политической культуре Византии.

В анализе патологий деспотизма у Гиббона больше от Монтескье, чем от Юма. Экономическая стагнация следует из политического упадка. История упадка у Гиббона прежде всего политическая, она концентрируется на утрате уникального набора иерархических политических структур и традиций.

Гиббон не видел восточную (православную) церковь отделенной от государства. Но взвешенный рассказ Гиббона о ранней и средневековой католической церкви как одном из факторов восстановления Европы и цивилизации не смягчил его самых набожных оппонентов. Однако взвешенный подход Гиббона к оценке средневековой католической церкви окажется очень полезным для последующих поколений историков.

Выводы. Общее наследие Гиббона и Робертсона предоставило основу для более широкого исторического движения по реабилитации варварских и средневековых предков народов Европы. Благодаря пересмотру этнического наследия Европы были разделены источники по кельтской и готической истории, и готическое наследие Англии начали более серьезно изучать и отдавать ему предпочтение.

Немецкое написание истории от Реформации до Просвещения

Традиционная имперская историография с самого начала включала в себя огромное количество исторических знаний, основанных на официальных документах и других письменных источниках, а также на различных трудах немецкой антикварной школы. Очевидные противоречия, содержащиеся в историях и традициях, можно было примирить простой натурализацией человеческой деятельности. «Хороший историк» должен был всего лишь подчиниться этическому императиву человеческого общества, которое объединила «разумная вера».

Хотя исследователи Империи очень продуктивно действовали в распространении исторической методологии и даже медленно внедряли немецкий в качестве языка обучения и написания трудов, они оказали лишь небольшое влияние на литературное развитие историографии.

Очень показателен пример Готфрида Вильгельма Лейбница. Лейбниц был официальным архивистом и историком Ганноверского дома. В заслугу Лейбницу можно поставить его труды, полные замечаний об историческом методе, и затронутые в его историко-антикварных трудах сложные юридические проблемы.

Поэтому ничего удивительного нет в том, что Лейбница в этой области исследований поверг Самуэль фон Пуфендорф. Пуфендорф гордился своим упорным трудом в архивах и в еще большей степени провозглашаемой им собственной беспристрастностью. Он опубликовал первый успешный учебник по истории современного государства – знаменитый *Einleitung zu der Historie der vornehmsten Reiche und Staaten von Europa* [Введение в историю важнейших королевств и государств Европы] (1699).

Но «мифы о происхождении» трудно было применить к Священной Римской империи. Лейбниц так и не пошел дальше периода салических императоров. Империя как будто сопротивлялась всем попыткам превратить ее прошлое в некий связный нарратив с явным гегемоном.

Иоганн Готфрид Гердер, размышляя над судьбой исследований Империи в 1769 г., пришел к следующему: «История Германии должна быть такой же оригинальной, как и ее конституция». Молодой Гердер фактически лишил немцев их исторического символа. Но позже он предложил свою революционную теорию, по которой нация и язык являются сущностью истории. По совету Гердера немецкая историография разорвала свои связи с неопределенной парадигмой Священной Римской империи.

Ситуация с написанием истории на немецкоязычных территориях во второй половине XVIII в. мало отличалось от положения дел в Западной Европе. Стиль классики, ее эмоциональное воздействие и потенциал для политической критики очень привлекали немецких авторов.

В конце XVIII в. оказывается, что ни один из «больших исторических вопросов» германской нации не самом деле нельзя было связать с развитием существующих политических институтов. Такие просвещенные теологи, как Иоганн Соломон Землер из Галле, «историзировали» христианство, раннехристианскую церковь и библейский канон. Кант опирался на Юма в своей радикализации конструктивистского характера знания. Если вспомнить еще и Гердера, то мы видим, что в целом вырисовывалось нечто большее, чем «немецкое государство» или даже «немецкая культура».

Гегель был законным наследником противоположных позиций, которые он попытался свести в единый синтез. Но «немецкий патриот»

оказался в затруднительном положении: он мог либо обратиться к эмпирическому миру и стать специалистом, либо обратиться к абсолютному единству человечества и попытаться стать гражданином мира.

Вопрос о том, кто должен писать немецкую историю, все еще не был решен. Академическое сообщество очень мало писало об истории. Более двадцати лет Юстус Мёзер служил неофициальным премьер-министром у Фредерика Августа, герцога Йоркского, который стал князем-епископом Оснабрюка в 1764 г. в возрасте 6 месяцев. На Мёзера, вероятно, повлияли взгляды английских вигов, и он избрал неожиданную, но солидную тему для своей «Истории Оснабрюка»: фригольдеры Вестфалии. Но Мёзер размышлял не только о своем княжестве. Он предлагал создавать сравнительные истории разных территорий, которые сольются в единую историю Империи. Мёзер, как защитник немецких свобод, неизбежно вступал в спор с самым блестящим представителем просвещенного абсолютизма королем Пруссии Фридрихом II.

Кроме того, что Фридрих был главнокомандующим, министром, философом и музыкантом, он занялся еще и написанием истории собственного правления. Первая книга Фридриха «Мемуары по истории Бранденбургского дома» (1751) воспринимается как компендиум для будущего короля Пруссии, информирующий его о скромных физических и ментальных ресурсах его территории. Его «История моего времени» (1787) – крайне пристрастное и апологетическое произведение, но оно могло бы стать стимулом для немецкого историописания. Но оно было написано по-французски и, таким образом, сочетало в себе впечатление чуждости и иностранного взгляда с устарелостью абсолютистского режима.

Однако историография не могла дальше развиваться в установленных Просвещением рамках. Второе поколение философов, в частности Руссо, уже пытались выйти за эти рамки. Но самый мощный вызов прозвучал из Германии, которая наконец занимала свое полноправное место в интеллектуальной истории Европы. Период 1770 – 1830 гг. был временем деятельности целого созвездия немецких мыслителей, поэтов и историков, среди которых наиболее известны Иоганн Вольфганг фон Гете, Иммануил Кант, Фридрих фон Шиллер и Георг Вильгельм Фридрих Гегель.

Иоганн Готфрид фон Гердер. Гердер был эрудитом: теологом, философом, антропологом, литературным критиком и теоретиком истории. Его «Идеи к философии истории человечества» предвосхищали Дарвина в том, что вся органическая жизнь взаимосвязана и постепенно развивалась к возникновению человека – высшей форме жизни.

Гердера интересовало то, что он понимал как дух культур. Он выделял эпоху первобытных поэтов, сознание которых было пропитано эпосом. За ней последовала эпоха прозы, когда люди стали более зрелыми, но только в эпоху старости язык стал достаточно точным, чтобы им можно было выражать философские размышления.

Тот же интерес к языку лежит в основе мыслей Гердера о культуре (фольк, как он называет). Он писал, что в языке культуры содержится весь мир традиций, истории, религии, принципов существования, т.е. сердце и душа. Язык создается в юношеский, или поэтический, период развития культуры. В дальнейшем он в определенной степени сопротивляется изменениям извне. Гердер отвергал идею о том, что какая-либо эпоха или культура хуже другой.

В его взглядах не трудно рассмотреть немецкую декларацию независимости. Германия была прежде всего культурным, а не политическим единством. Превознесение всех культур как равных и восхищение «примитивными» людьми резко контрастирует с французским культурным шовинизмом и ранжированием народов согласно тому, насколько близко они подошли к стандартам рациональности, установленным Просвещением. Кроме того, Гердер обратил интерес историков от политической и дипломатической истории к социальной, культурной и интеллектуальной истории.

Но еще большее значение Гердер придал историческому воображению. Это не означает, что он предпочитал фантазии, придумывал речи или еще как-то фальсифицировал историю. Но он считал, что духовное развитие народа нельзя понять путем чисто рационального процесса. То, как, например, искусство народа связано с его экономическими и социальными институтами, можно понять через вдохновение и интуицию. Гердер почувствовал те аспекты Просвещения, которые не удовлетворяли его поколение. Его считают отцом романтизма.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель. Гегель создал диалектическую схему, на первый план выдвигавшую прогресс истории и идей от тезиса к антитезису, а затем к синтезу. Его труды – это вершина классической немецкой философии. Будучи абсолютным идеалистом, вдохновленным христианской мыслью, Гегель всему нашел место в своей диалектической схеме.

Еще в школе он создал коллекцию отрывков в алфавитном порядке, содержавшей аннотации к классическим авторам, отрывки из газет и трактаты по морали и математике из главных трудов того времени.

В 1788 г. Гегель поступил в Тюбинген, чтобы по желанию родителей стать священником. Его выводила из себя ортодоксальность его преподавателей. В дипломе, который он получил в 1793 г., указано, что, хотя он посвящал всего себя философии, его усердие в теологии было невелико. Хотя его сокурсники называли его «стариком», он любил веселые компании и возлияния Бахусу, и также ему нравилась компания женщин. С друзьями он читал греческие трагедии и прославлял Французскую революцию.

После окончания университета Гегель хотел иметь время для изучения философии и греческой литературы, и он стал частным учителем. Он изучал философию Канта, и эссе Канта по религии стимулировало Гегеля написать некоторые произведения, ставшие известными только более века спустя. Но Гегель был в большей степени историком, чем Кант. В одном из своих эссе он попытался ответить на вопрос, как христианство стало авторитарной религией, хотя учение Иисуса было рациональным, а не авторитарным.

В конце 1796 г. Гегель переехал во Франкфурт-на-Майне. Здесь Гегель страдал от меланхолии и, чтобы излечиться, работал еще упорнее, в том числе изучал современную историю и политику. Он наконец освободился от влияния Канта и посмотрел свежим взглядом на проблему происхождения христианства.

Для Гегеля это была очень важная проблема. Его нельзя назвать неверующим человеком. Он считал, что дух человечества – это свеча Господа, а значит, не может подвергаться тем ограничениям, которые налагал на нее Кант. Эта вера в разум с религиозным основанием проходит красной нитью через все работы Гегеля.

Также у Гегеля было мировоззрение историка в отличие от Канта. Все главные труды Гегеля, по сути, история. И его труды в XIX в. были популярны именно среди историков.

Обращаясь назад, Гегель видел, что он неправильно интерпретировал жизнь и учение Христа и историю христианской церкви. Одна из самых примечательных работ Гегеля – «Дух христианства и его судьба». Стиль ее труден, связность мысли не всегда очевидна, но написана она со страстностью и убежденностью.

С 1801 г. Гегель преподает в университете Йены. Именно в этот период он опубликовал свой первый великий труд «Феноменология духа» (1807). После поста ректора гимназии (1808 – 1816) Гегель принимает приглашение из Гейдельберга. А с 1818 г. он становится профессором в Берлинском университете. На основе его лекций посмертно был опубликован труд «Лекции по философии истории».

Создание философии истории было весьма амбициозной задачей. Мысли Гегеля трудно кратко суммировать, а его предположения не всегда очевидны. Будучи абсолютным идеалистом, Гегель считал, что только идеи реальны. Идеи развиваются через противоречия или через противопоставления, так как определить, чем является что-либо, означает определить, чем оно не является. Таким образом, Гегель разрабатывает идею диалектики. Идея, или дух, по Гегелю, должна реализоваться, воплотившись в мире в органической, животной или растительной форме, потому что она подчиняется законам природы, и в человеческой истории, потому что история – это развитие Духа во времени, так же как природа – развитие Идеи в пространстве.

Цель, к которой стремится Дух, по идее Гегеля, – это государство, но не определенное государство, существующее в его время, а конституционная организация, гарантирующая свободу всем гражданам. Путь Духа начинается в Китае, который осознал идею, что один человек (император) – свободен. Но свобода одного человека – это на самом деле разнузданность для него и деспотизм для остальных. Таким образом, разворачивающаяся идея свободы ведет к тому, что, пока все не свободны, понятие «свобода» не имеет смысла. Однако свобода без границ также содержит в себе противоречия (свобода одного человека распускать руки ограничивается свободой других от насилия). Соответственно, структура законов не ограничивает, а гарантирует свободу.

Философия истории Гегеля содержала оригинальные мысли и глубокое понимание истории Китая, Индии, Египта, Греции, Рима и германского мира (хотя в ней присутствовали и спорные утверждения, в частности об Африке). Хотя его самым знаменитым последователем был Карл Маркс, влияние Гегеля ощутили и многие другие. Многие историки XIX в., которые не были учениками Гегеля, были, тем не менее, идеалистами в определенном роде. Они концентрировались на культурах, созданных народами, и считали, что для исследования истории нужны иные методы, которые радикально отличаются от естественных наук, но ни в коем случае им не уступают.

Иммануил Кант. Еще одним великим философом того времени был Кант. Всю свою жизнь Кант прожил в отдаленной провинции, в которой родился. Его родители были приверженцами пиетистского направления лютеранской церкви, которое учило, что религия принадлежит внутренней жизни человека, выражающейся в простоте и повиновении моральным законам.

В возрасте восьми лет Кант поступил в пиетистскую школу, которой руководил его пастор. В 1740 г. он поступил в Кенигсбергский университет на теологический факультет. Здесь Кант стал читать труды И. Ньютона и в 1744 г. начал свою первую книгу, посвященную проблеме кинетических сил.

После смерти отца он получил должность семейного наставника и работал на три разные семьи. В 1755 г. при помощи друга он смог завершить обучение в университете и занять должность лектора.

Для занятия этого поста он предложил три диссертации, характеризующие его интересы и направление мысли в то время. Он начал преподавать математику и физику и никогда не терял интереса к науке.

В ньютоновской физике Кант видел не только научное содержание, но и философские идеи. Кант становился все известнее как преподаватель и писатель и кроме чисто философских работ размышлял также об истории.

Его «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784) появилась, когда Кант был уже известным философом, опубликовавшим революционный трактат по эпистемологии «Критика чистого разума» (1781), но до выхода в свет его критики теории этики «Критика практического разума» (1788). «Идея всеобщей истории» вовлекла Канта в спор с его современником И.Г. Гердером из-за политических идей его критики.

В своей работе Кант выдвигает 9 предположений, посредством которых он стремится доказать свое утверждение о том, что рациональная и моральная автономия неизбежно победит проявления эгоистического индивидуализма. Кант стремится достичь этого, предлагая иерархический рассказ о развитии мировой истории. Кант писал с точки зрения всеобщей истории, для него ценно еще не реализовавшееся будущее государство. При этом он осознает проблематичность теоретизирования без эмпирической основы, признавая, что это ведет к иррациональности, и он критикует Гердера именно за то, что тот делает выводы на основе спекулятивных психологических выкладок.

Кант классифицирует конституционные республики современной ему Западной Европы с их федерализмом, стремлением к статусности, индивидуализмом и некоторой степенью моральной и культурной зрелости как продвинутую, но промежуточную стадию развития. Он их считает цивилизованными, но не полностью моральными. Все другие общества считаются низшими, и их судят по эталону европейских национальных государств. Кант предлагает, чтобы европейские государства

стремились к государственности в федерации, характеризующейся универсалистской и космополитической моральной культурой.

Вывод. От немецкого историзма и новой немецкой философии истории конца XVIII в. современная историческая мысль унаследовала некоторые из ее самых эффективных методов и интересов, но также некоторые из ее глубочайших, постоянно возникающих проблем. Императив историзма о понимании исторического предмета в его собственных терминах, усвоенный в профессионализации Ранке и распространяемый его учениками, стал первым принципом большей части современной академической истории.

В то же время, когда историзм ввел партикуляристские тенденции в изучение истории, а историков все больше интересовали специфические различия между культурами и обществами, немецкие философы истории возродили противоположную тенденцию исторической мысли – всеобщую историю XVIII в. Этот обобщающий импульс, свободное сравнение и измерение различных обществ в соотношении друг с другом наполняли общественную историческую науку следующих полутора столетий от разных видов марксистской истории и сравнительной исторической социологии Макса Вебера до историй «модернизации» 1950–60-х гг.

Таким образом, каждое из основных течений немецкой исторической мысли конца XVIII – начала XIX в. оказывало важное, разнообразное и длительное влияние на подход к написанию истории. Значение немецкой исторической мысли заключается в том числе в неразрешенных и, возможно, неразрешимых проблемах, которые она также завещала нам. Исторические проблемы морального и гносеологического релятивизма постоянно появляются в качестве дискуссионных вопросов в академических спорах, например, вопрос о том, как внимание историзма к уникальности социальных групп привело к фрагментации исторического изучения общества. В недавнее время обвинения в упрощении и излишнем обобщении приобрели особую форму критики основного предположения всех всеобщих историй, а именно, что историк способен действовать с привилегированной, объективной точки зрения, которая предположительно не только не искажена предрассудками и ограничениями ее/его общества, но и всевидяща в своей свободе рассматривать другие общества. Желание достичь условий, находящихся за рамками смущающих исторических трансформаций, очевидно не только в марксизме XX в., но также в «холодной войне», а теперь в периоде после нее, в историческом воображении Запада, для которого «конец истории»

Гегеля вновь появился в виде т. наз. «конца идеологии» и окончательной победы современного либерального капитализма. Немецкая историческая мысль от Гердера до Гегеля открывает период современной исторической мысли. Непреходящая актуальность немецкой исторической мысли все еще весьма заметна в современных исторических трудах, и не только в их методах и темах, но также в постоянном появлении неразрешенных проблемных выводов и нереальных желаний, которые периодически поднимают тревожащие историков вопросы.

Источники

- Шарль Луи Монтескьё. Персидские письма
Шарль Луи Монтескьё. О духе законов
Шарль Луи Монтескьё. Размышления о причинах величия и падения римлян
Пьер Бейль Исторический и критический словарь в 2-х томах
Томас Гоббс. Левиафан. Ч. 2. О государстве
Джамбаттиста Вико. Основания новой науки об общей природе наций
Адам Фергюсон. Опыт истории гражданского общества
Адам Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов
Жан-Жак Руссо. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми
Жан Антуан Кондорсе. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума
Дэвид Юм. История Англии под властью Стюартов
Вольтер. История Карла XII
Эдвард Гиббон. История упадка и крушения Римской Империи
Иоганн Готфрид Гердер. Идеи к философии истории человечества
Иммануил Кант. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане
Георг Вильгельм Фридрих Гегель. Лекции по философии истории

Литература

- Андронов, И. Е. Пьетро Джанноне и европейская «республика ученых» конца XVII – начала XVIII в. // Вестник Московского университета. – Сер. 8. – История. – 1996, № 1. – С. 22 – 33.
Андронов, И. Е. У истоков итальянского Просвещения: Пьетро Джанноне. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2000.
Андронов, И. Е. Формирование национальной историографии в Неаполе эпохи Возрождения. // Средние Века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового Времени. – Вып. 72 (1-2). – М.: Наука, 2011. – С. 130 – 152.
Апрыщенко, В. Ю. Дэвид Юм и британская юнионистская традиция эпохи Просвещения // Диалог со временем. – 2011. – Вып. 37. – С. 5 – 23.
Асмус, В. Ф. Жан Жак Руссо. – М.: Знание, 1962.
Асмус, В. Ф. Иммануил Кант. – М.: Наука, 2005.

Бадентэр, Э., Бадентэр, Р. Кондорсе (1743 – 1794). Ученый в политике. – М.: Ладомир, 2000.

Берлин, И. Джамбаттиста Вико и история культуры. – М., 2001.

Бобкова, М. С. Историописание и историческая мысль западноевропейского средневековья. В 3 книгах. Книга 1. – М.: Нестор-История, 2011.

Бондарчук, В. С. Итальянское Просвещение. // Общественно-политическая мысль европейского Просвещения. – М.: МГУ, 2002. – С. 151 – 215.

Бугера, В. Е. Социальная сущность и роль философии Ницше. – М.: КомКнига, 2010.

Верцман, И. Е. Жан-Жак Руссо. – М.: Гослитиздат, 1958.

Галеви, Д. Жизнь Фридриха Ницше. <http://www.nietzsche.ru/biograf/biografia/galevi-nietzsche/?curPos=16>

Гринин, Л.Е. Теория, методология и философия истории: очерки развития исторической мысли от древности до середины XIX века. Лекция 8. Век Просвещения (XVIII в.) <http://www.socionauki.ru/journal/articles/130988/>

Дворцов, А. Т. Жан Жак Руссо. – М.: Наука, 1980.

Длугач, Т. Б. Три портрета эпохи Просвещения. Монтескье. Вольтер. Руссо (от концепции просвещенного абсолютизма к теориям гражданского общества). – М.: ИФ РАН, 2006.

Ж.-Ж. Руссо: Pro et Contra. – Издательство Русской Христианской гуманитарной академии, 2005.

Занадворова, Т. Л. Сентиментализм Ж.-Ж.Руссо. – Челябинск, 1983.

Занин, С. В. Общественный идеал Жан-Жака Руссо и французское Просвещение XVIII века. – СПб.: Издательский дом Мирь, 2007.

Ильин, И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. – СПб.: Наука, 1994.

История философии: Запад – Россия – Восток. Книга вторая. Философия XV – XIX вв. – М.: Академический проект, 2012.

Каримский, А. М. Философия истории Гегеля. – М.: Изд-во МГУ, 1988.

Кассирер, Э. Философия Просвещения. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.

Кембаев, Ж. М. Идея «федерализма свободных государств» Иммануила Канта как важнейшая веха в развитии правовой теории межгосударственной интеграции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – № 6. – С. 103 – 112.

Киссель, М.А. Джамбаттиста Вико. – М.: Мысль, 1980.

Крист, К. Эдуард Гиббон (1737 – 1794) <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/frolov/frol030.htm>

Кроче Б. Теория и история историографии. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.

Кузнецов, Е.В., Курзенин Э.Б., Верховодов Е. С. Пуфендорф о договоре как источнике права // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – №1. – С. 119 – 123.

Кузнецов, Е.В., Курзенин Э.Б. Развитие теории суверенитета в трудах Самуэля Пуфендорфа // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2000. – №1. – С. 69 – 72.

Литвинова, Е. Ф. Кондорсэ, его жизнь и деятельность, научная и политическая. – СПб.: Общественное достояние, 2012.

Лифшиц, М. Джамбаттиста Вико http://philosophy.ru/library/sci/jambattista_viko.html

Люблинский, В. Идея прогресса и восприятие действительности у Тюрго и Кондорсе // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории, №2, 2000. – С. 263 – 272.

Марков, Б. В. Человек, государство и Бог в философии Ницше. – СПб.: Владимир Даль, 2005.

Мейнеке, Ф. Возникновение историзма. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013.

Микушевич, В. Ирония Фридриха Ницше <http://ec-dejavu.ru/n/Nietzsche.html>

Мотрошилова, Н. В. Зачем нужен Гегель? (К вопросу об истолковании Хайдеггером гегелевской философии) // Философия Мартина Хайдеггера и современность. – М., 1991. – С.161 – 166.

Нарский, И. С. Давид Юм. – М.: Мысль, 1973.

Нарский, И. С. Иммануил Кант. – М.: Мысль, 1976.

Нарский, И. С. Философия Давида Юма. – М.: Издательство Московского университета, 1967.

Ойзерман, Т. И. Кант и Гегель (опыт сравнительного исследования). – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008.

Плавинская, Н.Ю. «Дух законов» Монтескьё и публицистика Великой французской революции 1789 – 1799 гг. // От старого порядка к революции. – Л.: Издательство ЛГУ, 1988. – С. 145 – 155.

Прохорова, Л.Д. История исторической науки: учеб. пособие. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2010.

Рау, И. А. Эзотеризм в методологии историко-философского исследования (На прим. гегелевдения) // Философские науки. – 1985. – № 1. – С.108 – 117.

Репина Л., Зверева В., Парамонова М. История исторического знания. – М.: Юрайт, 2013.

Рокер, Р. Георг Вильгельм Фридрих Гегель <http://spb-anarchists.anho.org/rocker01.htm>

Семенов, Ю. Философия истории. – М.: Современные тетради, 2003.

Сидоров, А. И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. – М.: Гуманитарная Академия, 2006.

Соколов, В. В. Историко-философская концепция Гегеля // Философия Гегеля и современность. – М.: Мысль, 1973. – С. 255 – 277.

Фуко, М. «Что такое просвещение» <http://lib.ru/CULTURE/FUKO/nachala.txt>

Шмарловская, Г. А. и др. История экономических учений. Учебное пособие для вузов. – Минск: Новое знание, 2006.

СОДЕРЖАНИЕ

I. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ.....	3
Особенности средневековой исторической мысли	3
Эволюция написания истории в Средневековье	11
II. ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ XV – XVI вв.	49
Понимание прошлого в эпоху Возрождения	49
Историки Возрождения и их аудитория	60
III. ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ В XVII – НАЧАЛЕ XIX в.	69
Традиции написания истории в XVII в.	69
Историческая мысль эпохи Просвещения во Франции.....	91
Историческая мысль шотландского Просвещения	99
Историческая мысль английского Просвещения	105
Немецкое написание истории от Реформации до Просвещения	109